

АЛТАРЬ ОТЕЧЕСТВА

А Л Ь М А Н А Х

· ВОСПОМИНАНИЯ · ДОКУМЕНТЫ ·
· СТИХИ · ОЧЕРКИ · РАССКАЗЫ ·
· ПЕСНИ ·

ТОМ II

МОСКВА
2013

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ,
ОБАГРЕННЫЕ СОЛДАТСКОЙ КРОВЬЮ,
ПОСВЯЩАЮТСЯ

ЗАЩИТНИКАМ ОТЕЧЕСТВА

СКОЛЬКО ВЕКОВ
БУДЕТ ЖИТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО НА ЗЕМЛЕ, —
СТОЛЬКО ДОЛЖНА ЖИТЬ ПАМЯТЬ.

ПАМЯТЬ О ТЕХ, КТО НЕ ЖАЛЕЛ СВОИ ЖИЗНИ
И ПОЛОЖИЛ ИХ НА «АЛТАРЬ ОТЕЧЕСТВА»
ВО ИМЯ ЗАРОЖДЕНИЯ И ПРОЦВЕТЕНИЯ
ДРУГИХ ЖИЗНЕЙ — ВЕЧНА.

СОХРАНИМ ВО ИМЯ БУДУЩЕГО
ИМЕНА ВСЕХ СОЛДАТ,
КТО ВЫСТОЯЛ И ПОБЕДИЛ
СТРАШНЕЙШУЮ ВОЙНУ XX ВЕКА!

Автор-составитель, главный редактор –
Мария Веселовская-Томаш

Редакционная коллегия:
Р.Лунёва, В.Опойков, Е.Стеблина, Л.Туманова

Издание осуществлено на финансовые средства государственной поддержки, выделенные в качестве субсидии в соответствии с Договором с Комитетом общественных связей города Москвы № 71С от 13.06.2012 г. на реализацию проекта
«Потомки, достойными будьте!»

А-52 **Алтарь Отечества.** Альманах (воспоминания, документы, фотографии, очерки, рассказы, стихи, песни, адреса плаэйкастов). Посвящается защитникам Отечества. Автор-составитель М.М.Веселовская-Томаш. Т.2. – М.:ПРОБЕЛ-2000,2013. – 178 с.: ил.

ISBN 978-5-9901894-1-6

Альманах издан в год великих юбилеев: 400-летия Нижегородского ополчения (1612 год, по значимости равен Победе над фашизмом в 1945 году), 200-летия битвы с Наполеоном – не менее значимого события (1812 год) и 70-летия победы в двух величайших битвах – Сталинградской и Курской, которые коренным образом изменили ход Великой Отечественной войны. В силу объективных причин не может быть воспоминаний воинов давних лет, очевидцев. Мы отдаём героям того времени свою дань памяти. Альманах посвящается защитникам Отечества, сражавшимся за его свободу в разные периоды исторического развития, в том числе, и воинам современных боевых действий на Северном Кавказе и других локальных войн и военных конфликтов. Воспоминания ещё живущих ныне фронтовиков Великой Отечественной войны, их родных и близких о тех, кто дошёл до великого и святого Дня Победы, и о тех, кто навечно остался на своём боевом посту нашли в этом томе своё достойное место...

В альманахе называются имена фронтовиков-победителей в отдельных главах и в рассказах на страницах всего альманаха. Впервые говорят о войне очевидцы-дети и о «своём видении войны» высказываются внуки и пра...правнуки Победы.

В книге представлены малочисленные, дорогие сердцу семейные реликвии: письма с фронта, фотографии, документы.

Чтобы сохранить для потомков имена наших героических предков, чьё мужество и доблесть привели к Победе добра над злом, чтобы привить подрастающему поколению высокое чувство любви к своей Родине и гордости за своё прошлое, мы издаём альманахи «Алтарь Отечества».

Указаны адреса плаэйкастов (ссылки) Л.Иванцовой из рубрики «Никто не забыт, ничто не забыто». Молодому поколению, растущему на достижениях Интернет-технологий, будет интересно познакомиться со страницами исторического прошлого именно через такие яркие, образные визуальные «средства», каковыми и являются плаэйкасты. Поэтические и музыкальные произведения также усиливают отношение авторов к героизму наших предков.

Книга представляет интерес как для фронтовиков, так и для их потомков, историков.

ББК 63.3(2)622+С62
А-52

ISBN 978-5-9901894-1-6

© Веселовская-Томаш М.М., 2013

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	8
Пролог	11
ИМЕНА ИХ В ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЕ	
На страницах школьного архива – Великая Отечественная война 1941-1945 гг.	16
<i>Упомянуты имена (даны в таком виде, как встречаются в рукописях):</i>	
– БЛИЗНЮК	
– БОЛОХА Алек.	
– ГУРЖИЙ Надежда	
– ДВОРОВАЯ Вера	
– КАЧКАР Пётр	
– КУРИНОЙ Н.	
– МАЛЬЦЕВА Валентина	
– НЕМЕРЕЩЕНКО П.Я.	
– ОВЕРЧЕНКО Степан	
– САГАЙДАК Елена	
– САГАЙДАК Надежда	
– СТАРУХИН	
– ХИЖУХОВСКАЯ Надежда	
– ЦЕХМИСТРЕНКО Захар	
– ЦЕХМИСТРЕНКО Иван	
– ЧУМАЧЕНКО В.	
– ШЕПТУХИНА Зоя	
– ШИМЧЕНКО Надежда	
АЛМАЗОВА Таисия Алексеевна	22
<i>Упомянуты имена:</i>	
– Степан	
– АЛМАЗОВ Порфирий Алексеевич	
– АЛМАЗОВ Аркадий Алексеевич	
БУРЯК Сергей Кириллович	29
ВОЙЛЕНКО Мефодий Ильич	33
ГРИБОВ Юрий Тарасович	38

Упомянуты имена:

- БУЛАТКИН Борис
- НЕФЁДОВ Павел
- СКАЧКОВ Петр
- ДУДНИК
- ДРУНИНА Юлия Владимировна

КОВАЛЁВ Иван Петрович 44

КОЛМАКОВ Николай Никифорович 47

Упомянуты имена:

- ЗАХАРОВ Михаил
- ПОЛЯКОВ Николай
- ПОНОМАРЁВ Иннокентий
- КОЛМАКОВА (ПОПОВА) Лидия Николаевна
- ВАСИЛЕВСКИЙ А.М. Маршал Советского Союза
- ШАСТИН Константин
- ЯМАНУШКОВ Ксенофонт Кузьмич

КУЗЬМИНА Александра Кузьминична 56

ЛАНЦОВ Александр Васильевич 58

МАШКОВА Александра Георгиевна 65

ПЕРОВ Виктор Михайлович 72

ПЛАТОНОВ Николай Александрович 77

РЫБАКОВА Людмила Платоновна 80

Упомянуты имена:

- ЦАРИЦЫН Платон Васильевич
- КОЛТУНОВ-ДАВЫДОВ Иван Иванович

ТОМАШ Парфений Васильевич 86

- ТОМАШ Максим Парфеньевич

ФЁДОРОВ Григорий Никитович 89

ГОВОРЯТ ДЕТИ ВОЙНЫ...

*Отражалась в глазах война,
В криках, столах и в детских слезах*

Лошаков Владимир Григорьевич 93

Упомянуты имена родителей:

- ЛОШАКОВ Григорий Сергеевич
- ЛОШАКОВА (Калашникова) Агриппина Павловна

Лунёва Раиса Сергеевна 109

Упомянуты имена:

- ЦВЕТКОВ Сергей Иванович
- ТВАРДОВСКИЙ Александр
- ПАВЛЕНКО
- КАРПИСОНОВ Леонард
- Виктор ЮШКОВ

Луценко Владимир Ильич 118

Упомянется имя отца:

- ЛУЩЕНКО Илья Акимович

Стеблина Евгения Викторовна 123

Упомянуты имена:

- ТРЕТЬЯКОВ Виктор Михайлович, отец
- ВЕЛИЧКО Дмитрий Борисович, дядя
- ШТЕМЕНКО С.М., Заместитель начальника генштаба

Трибунский Владимир Александрович 129

Упомянется имя отца:

- ТРИБУНСКИЙ Александр Николаевич

Тюпин Юрий Алексеевич 133

Чигоев Шамиль Арсенович 136

СЛОВО ВНУКАМ И ПРА...ПРАВНУКАМ ПОБЕДЫ

*В руках мы держим щит и меч:
Мы не позволим мир поджечь*

Большакова Вера Евгеньевна 140

Упомянется имя деда:

- БОЛЬШАКОВ Михаил Иванович

Вознесенский Вадим Георгиевич 142

Упомянется имя деда:

- ПРОНИН Тихон Яковлевич

Гулинкина Ольга Вячеславовна 147

Упомянется имя деда

- КИБИТКИН Василий Фёдорович

Буряк Катя

Буряк Максим 150

Песни, рождённые эхом войны 156

Плэйкасты – это тоже память 170

Эпилог 172

Об авторе-составителе 176

ПРЕДИСЛОВИЕ

**«Нет больше той любви,
как если кто положит душу свою за друзей своих»**

Евангелие от Иоанна, Ин. 15, 13.

Безвозвратно ушедший в прошлое XX век был полон драматических событий: Первая Мировая война 1914-1918 гг., Гражданская война 1918-1922 гг., которая началась вскоре после победы Великой Октябрьской социалистической революции. Голод в СССР 1930-1934 годов. Вторая Мировая война 1939-1945 годов – ей предшествовал целый ряд локальных войн и вооруженных конфликтов, инициаторами которых были Япония, Италия и Германия.

Территориальные споры, борьба за передел мира были одной из причин начала Великой Отечественной войны 1941–1945 годов, самого страшного, изуверского преступления против человечества: она унесла несколько десятков миллионов жизней. Точное количество потерь неизвестно и уже никогда не установить – масштаб, как солдатского состава, так и мирного населения, взрослых, детей, женщин огромен...

Послевоенный голод 1946–1947 годов также оставил глубокий след в истории нашего государства... Народ поднимался с колен, держа, как греческий Атлант, на своих плечах разрушенную страну.

Победители Великой Отечественной войны – доблестные воины, добывшие Великую Победу – «одну на всех», являются основными героями альманаха «Алтарь Отечества». Сейчас предлагается много разных политических трактовок Второй Мировой войны, и за ними подчас «затирается» в памяти самое главное – подвиг советских солдат и солдат стран союзников. Тех, кто своей кровью избавил мир от фашизма. Они, тракторки, звучат на разных языках, они разных идеологий, но речь в них идёт о страданиях, унижениях, ужасах, бессмысленном уничтожении Человека. И пусть никогда мир не забудет: ПОБЕДУ ПРИНЁС СОВЕТСКИЙ СОЛДАТ! При содействии стран-союзников, а не наоборот.

Альманах – воспоминания самих фронтовиков, тех, кто, к счастью, ещё жив, их родных и близких о тех, кто дошёл до великого и святого дня или навечно застыл на своём боевом посту... Когда над страной нависла смертельная опасность, в военкоматах стояли огромные «живые» очереди из добровольцев: то наши мужчины – отцы и деды, наши мальчишки и девчонки стремились на фронт, чтобы скорее уничтожить врага. О некоторых из них не

осталось ни строчки, ни следа на земле, но их подвиг, самопожертвование во имя продолжения жизни других мы обязаны чтить и помнить. О них сложены стихи и песни, написаны рассказы, очерки, снято множество фильмов. Но нереально показать ВСЕХ героев, а ЗНАТЬ ИХ ИМЕНА И ПОМНИТЬ ВСЕХ – НАШ ДОЛГ. Память священна и не бывает лишней.

В книге представлены редкие семейные реликвии: письма с фронта, фотографии. Их мало: не каждой семье удалось сохранить тончайшую нить с прошлым. Но без семени прошлого не прорастёт деревце будущего...

Каждый год уносит Великую Отечественную войну 1941-1945 годов вглубь истории, всё дальше и дальше от участников и свидетелей трагических событий. Как ни печально, но наступит день, когда мы не сможем назвать ни одного имени ещё живых фронтовиков. А потому дорого каждое слово, каждая строчка, каждая памятная вещь о том времени. Уже истории о своих родных нам «передают» дети войны. Наступает черёд дать слово внукам и пра...правнукам Победы... «Деление» авторов воспоминаний, конечно, носит условный характер. Не столько важно, кто рассказал, а то, что сохранилось и к нам дошло.

В «Вальсе забвения» (первый том) – акцент ставится на недопустимо небрежное отношение живых к памяти павших на фронтах войны, о запустении на военно-мемориальном комплексе города Кисловодска. (Такое положение не только в этом городе, увы!). Потрясение, всколыхнувшее меня при первом посещении этого мемориала более двадцати лет тому назад, подтолкнуло к написанию первого стихотворения «Пусть не будет могил неизвестных». Оно положено на музыку композиторами Э.Сторожевым (г. Калининград) и А. Ломовицкой (г. Москва).

В 2007 году при спонсорской поддержке Компании 1ТАльянс был открыт и продвигается до сих пор сайт ПараАртийского Центра «Иван да Марья» <http://www.paraartiada.com/>.

На заполнение рубрики «Алтарь Отечества» сайта использовались и средства, полученные в виде гранта от Государственного учреждения города Москвы «Дома общественных организаций» (Центр по связям с общественными объединениями) – по проекту «Интернет-галерея Алтарь Отечества» – в рамках Фестиваля художественного творчества инвалидов – «ПараАртиада–2006–2007». На эти цели использовались также финансовые «средства государственной поддержки, выделенные в качестве гранта – Проекты: «Жизнь, как подстреленная птица, подняться хочет – и не может...» в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 14 апреля 2008 года № 192-рп» и «Пусть не гаснет свеча на ветру» в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 16 марта 2009 года № 160-рп». Одна из рубрик сайта – «Алтарь Отечества». Её материалы лежат в основе альманаха.

Использованы стихи М.Геттуева, Ю.Друниной, Е.Евтушенко и литературно-музыкальные произведения членов ПараАртийского Центра «Иван да Марья»: Я.Пичугина, В.Вознесенского (Россия – Украина), А.Воскобойникова, И.Гамбаров, Н.Пазельской, В.Сокольского, М.Стреловой, Ю.Субботиной А.Толчевой и автора-составителя).

В подготовке рукописи альманаха к изданию оказали помощь: Е.Веселовский, С.Елисеева, Т.Максименко, В.Опойков и В.Резчикова, за что выражаю всем сердечную благодарность.

С признательностью примем замечания, пожелания, новые материалы и документы для их размещения в Интернет-галерее и издания в будущих альманахах.

*Член Международной Ассоциации Писателей и Публицистов
и Международного Союза славянских журналистов*

Мария Максимовна ВЕСЕЛОВСКАЯ-ТОМАШ

ПРОЛОГ

**Я порою себя ощущаю связной
Между теми, кто жив
И кто отнят войной...**

**Я – связная.
Бреду в партизанском лесу,
От живых
Донесенье погибшим несу.**

Юлия ДРУНИНА

**«Благословенны солдаты,
которые умирали во имя любви к Родине».**

*Евгений ШВАРЦ.
«Обыкновенное чудо»*

АЛТАРЬ ОТЕЧЕСТВА

Цену Победы над Германией нельзя измерить. Советский Союз победил, но Победа досталась сверхвеликой ценой:

Из 33,4 миллионов человек, надевших шинели, оставалось в живых 12,8 миллионов человек.

Безвозвратные человеческие потери Вооружённых сил СССР составили 11 миллионов 944,1 тысячи человек.

Общие демографические потери СССР составили 27 миллионов человек. Во Второй мировой войне мир потерял 55 миллионов человек.

(По материалам Интернета)

Прошло более 67 лет после смертельных, незабываемых, полных незаходящей боли, слёз и горьких утрат событий!

Имена многих погибших солдат неизвестны: они просто входят в цифры «12,8» или «55 миллионов».

Солдаты ВЕЛИКОЙ Отечественной войны, не пожалевшие свои жизни во имя Победы, погибли, пропали без вести или вернулись с трагической отметиной – глубокими ранами, если не на теле, то на душе...

*Мир был расколот снарядом
И раскалён от свинца,
Горьким напоен был ядом, Горе и смерть без конца...*

На Алтарь Отечества положены жизни детей, юных и взрослых людей. О них нигде не рассказано: они входят только в общее число миллионов.

Некогда великая держава разрушилась. Её восстановить удастся не скоро. И удастся ли?..

Своей Интернет-галереей и издаваемыми альманахами «Алтарь Отечества» мы хотим поднять дух и силу солдата, общее чувство единой Родины. А ещё, чтоб молодое поколение научилось любить свою Родину так, как любили её их предки!

Пусть на «стендах» галереи виртуального музея воинской славы будут размещены необычные экспонаты: фотографии, письма военных лет и рассказы о солдатах тех войн, о которых мы не вправе забывать – об участниках Великой Отечественной войны 1941 – 1945 годов. Их стихи, проза, песни. Или всё это – в честь их...

Если вам есть о ком рассказать, напишите нам: мы с радостью пополним Интернет-галерею именами новых героев и появится материал для следующего тома альманаха.

Посещайте галерею! Она будет наполняться – мы надеемся на то, что читатели откликнутся и будут присылать копии своих реликвий.

Давайте назовём всех-всех солдат поимённо!
Мы должны оставить свой добрый след на нашей прекрасной планете Земля. Вернее сказать – своеобразный след в космосе. Души погибших, вознёсшихся на небеса, сердца ещё живущих ныне фронтовиков будут благодарны памяти их потомков.

Мы должны быть достойны своих предков!

День памяти и скорби. 2006 год.

Слева направо стоят: Александр Прокофьевич Клочков, Николай Ананьевич Грачёв, Иван Петрович Никонов, Виктор Иванович Мархева, Иван Михайлович Аполонов, Евгений Сергеевич Карташёв, Александр Веселовский Лев Борисович Длужневский.

Сидят: вторая слева Юлия Ивановна Карташёва (Старовойт), Екатерина Фёдоровна Аполонова. Фото Алексея Горшкова

Контакты:

т/ф: 8 (495) 386-65-12; 388-42-27

8-915-314-39-86

E-mail: altar-07@mail.ru paraartiada@mail.ru

www.paraartiada.com

THE PROLOGUE

**“Blessed are the soldiers,
who died in the name of their love for Fatherland”**

*From the play E.Shwartz
“Simply a miracle”*

THE ALTAR OF FATHERLAND

The price of our Victory over fascist Germany can't be measured.

The Soviet Union has won in the war, but the price of the Victory was too great.

Out of 33,4 millions people who wore uniforms only 12,8 million stayed alive.

Human losses in the military forces of the USSR are about 11,944 thousand but on the whole the USSR made 27 millions . The whole world lost 55 millions people.

(Based on the internet materials)

Since the time of the end of the most terrible war in history more than 67 years passed. The names of many soldiers are still unknown, and they are just included in the indicated above figures.

The soldiers of the World War II sacrificed their lives and died for the Victory, many of them became MIAS (missing in action), — they never returned from the front: others came back with wounds not only on their bodies, but in their souls.

The lives of children, youths and adults are to be found on the Altar of Fatherland. Nobody has told us their stories – they are included in the general member of millions. The former great power broke up.

It won't be restored soon.

In our “internet- gallery” we want to bring back the spirit and strength of the soldier. The spirit of the common Fatherland and we want the younger generation to learn how to love our Fatherland as it was loved by their forefathers.

Let the stands of “the gallery”, the virtual museum of military glory have unusual exhibits: the letters of war years, the stories of those years about the soldiers, who participated in the war of 1941-1945, their verses, fiction and songs – all that should be in their glory.

Come to see “the gallery”, it will be expanded, we hope that people will respond! Let's call every soldier by name!

We must leave our good footprints on our beautiful planet – Earth in our words , our good memory in outer space.

The souls of those, who died and found their way to Heaven as well as those still living war veterans will be grateful to us for the memory of thankful descendants.

We must be worthy of our forefathers!

(Translated by Nina Lukina)

The Contacts:

т.: 8-495-386-65-12; 8-495-388-42-27; 8-915-314-39-86

E-mail.: altar-07@mail.ru paraartiada@mail.ru

www.paraartiada.com

МОЗДОК-МАЛГОБЕК. ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

(Стиль и сокращения сохранены в редакции автора рукописи)

22 ИЮНЯ 1941 ГОД

Гитлеровцы вероломно напали на нашу страну. Тяжёлое известие докатилось и до жителей Моздокского района. На митингах, проводимых в городе Моздоке, и в сёлах района, трудящиеся с гневом высказывали своё возмущение в адрес фашистов, вероломно напавших на Советский Союз, выражали свою готовность идти на защиту Родины.

На одном из таких митингов у здания райвоенкомата со страстным призывом к молодым выступил **Болоха Алек.*** (*здесь и далее – сокращения даются так, как встречаются в рукописях*). В его речи звучала уверенность в победе над фашизмом. Он призывал всех советских людей отдать свои силы а, если понадобится – то и жизнь!

По первому призыву надели военные гимнастёрки воинов молодые жители сёл, в том числе, и председатель сельского совета **Болоха А.**, председатель колхоза **Немерещенко П.Я.**, директор школы **Старухин**, электромонтёр **Оверченко Степан**, трактористы **Цехмистренко Захар** и **Иван**, **Качкар Пётр**, **Чумаченко В.**, **Куриной Н.** и другие жители.

В этот первый год войны на полях нашего колхоза созрел обильный урожай зерновых. Поредели ряды тружеников, но те, кто остался, решили работать за себя и за погибших на фронтах, не потерять ни единого колоска: хлеб нужен был фронту!

В помощь взрослым вышли в поля и ученики. Помогало городское население. Уже в июле – августе население села Киевского пополнилось эвакуированными из Украины и Белоруссии – это были семьи военнослужащих. Все они проживали в селе. Трудились на уборке урожая.

Осенью 1941 года и зимой 1942 года население Моздокского района готовит оборонительные рубежи на подступах к «Грознефти». Все свободные люди были заняты на трудовом фронте: рыли противотанковый ров от Червлённой узловой и до передовой своего района. Рыли рвы и делали дзоты. Эта линия обороны помогла в 1942 году нашей Армии остановить фашистов

Моздок-Малгобекская операция 1942. Фото из интернета.

на подступах к городу Грозный и станице Вознесенской. Враг, прорвав Юго-Западный фронт зимой 1942 года, взял город Ростов, но был отброшен под Таганрог. Кавказ готовился к обороне, к жестокой схватке с противником. Жители села, закончив сооружение оборонительных рубежей, приступили к весенним полевым работам. Ушедших на фронт трактористов заменили пятнадцатилетние юноши и девушки: **Авраменко Мария**, **Чумаченко Любовь**, **Шимченко Раиса**, **Чернозуб Евдокия**, **Нечаева Наталья**, **Хижуховский**, **Полищук**, **Шевцов Александр** и многие другие, совсем ещё мальчишки и девчонки.

К апрелю 1942 года по призыву ушли в Армию девушки: **Хижуховская Надежда**, **Гуржий Надежда**, **Мальцева Валентина**, **Шептухина Зоя**, **Сагайдак Надежда**, **Дворовая Вера**, **Шимченко Надежда** и другие.

Летом 1942 года гитлеровцы перешли в наступление. Продвигаясь двумя «клевнями» вглубь нашей страны, враг рвался к Сталинграду, к Кавказу. Фашистские самолёты на бреющем полёте над полями мешали уборке урожая. Колхозники эвакуировали скот и технику в колхозы, расположенные у Каспийского моря, на чёрные земли.

В Моздоке и в прилегающих сёлах стояли воинские части. Население помогало воинам продуктами, подвозило снаряды. Никому не хотелось даже

думать, что Моздок будет сдан врагу. Уже в начале войны в каждом дворе были подготовлены укрытия от бомбёжек в земле, в надёжных подвалах. Многие готовили укрытия на склоне горы.

Армия генерала фон Клейста 16 августа подошла к Моздоку. Три дня фашисты бомбили и обстреливали город. Жители станции Луковской и села Киевского были в зоне этих налётов. Последние защитники Моздока 29 августа взорвали мост и отступили в станицу Вознесенскую. На территории села Киевского политрук подразделения, стоявшего на этом участке, прикрывал отход госпиталей и обозов, привлекал отступающих из Моздока бойцов, призывал их сдерживать натиск врага, напирającego уже из леса.

Над селом была слышна пулемётная стрельба, голосовые команды политрука – его КНП был на чердаке крайнего дома.

К вечеру 23 августа отступили последние отряды. Жуткая, тягостная тишина стояла над селом. Люди в страхе попрятались в убежищах, домах, боялись выходить. Никто из взрослого населения не спал, ждали утра, встречи с фашистами, как с чумой.

Три дня в селе никого не было.

Утром 25 июля 1942 года люди услышали громкую, рывкающую чужую речь. Ворвавшиеся немцы вели себя, как хозяева. Они располагались в квартирах домов, которые им нравились, выгоняя оттуда женщин и детей, забирали пищу, скот. Фашисты рыскали в поисках продуктов, а найдя их, забирали.

В первые дни пребывания оккупантов был создан сход: на нём избрали старосту Хоружего Ивана. Полицаев назначили сами немцы из местных жителей, среди них были и предатели: Кучмасов, Авраменко, Коломиец, которые грубо обращались со своими земляками. Особенно трудно было молодёжи. Каждое утро приспешники немцев выгоняли молодых девушек за село рыть окопы. Девушки старались укрыться, прятались в ущельях, вырытых за селом землянках, но немцам помогали полицаи: они знали своих людей и приложили все силы, чтобы обидеть те семьи, в которых мужья, братья были активистами, первыми ушли на фронт.

В степях Моздокского района действовал партизанский отряд «Терек», возглавляемый **Близнюком**. Партизаны вели разведку и передавали сведения советскому командованию, которое находилось в станице Вознесенской. С партизанским заданием шла в своё село из станицы Вознесенской комсомолка **Елена Сагайдак**. Немцы поймали её в степи и расстреляли.

По доносу предателей-полицаев был составлен список активистов нашего села, подлежащих расстрелу, но осуществить это чёрное дело фашисты не успели. В последних числах декабря армия генерала Клейста отступала под ударами Советской Армии. Немало полегло фашистов в Моздокских степях.

Убит был и генерал Клейст во время одного из воздушных налётов наших девушек-лётчиц на самолётах «У-2».

С территории нашего села немцы отступили не теми, какими пришли: вшивые, замотанные в тряпки, как куклы. Они озирались по сторонам, иногда доверительно сообщали хозяевам, у которых стояли: «Сталинград... немец капут, Гитлер капут, война плёхо!». Из села они бежали, не успев высушить бельё, которое заставили женщин стирать за день до отступления.

Мёрзлые тряпки они торопливо снимали с верёвок. Видно, они и не предполагали, что убежать придётся раньше, чем наметили. Теперь сроки отступления диктовало командование Советской Армии, взявшее инициативу в свои руки с 1943 года, с момента победы под Сталинградом.

Целый день после ночного бегства гитлеровцев в селе было тихо. Погода была сырая, моросил дождь. К вечеру со стороны Малгобека в село вошли первые подразделения Советских войск. Как самых родных и близких людей встречало население красноармейцев! Многие плакали от радости. С фашистами отступили только предатели, их ставленники да несколько дезертиров. Впоследствии последние искупили свою вину перед Родиной в боях, а предатели понесли заслуженное наказание.

Освобождённое село выглядело разрушенным. Немцы уничтожили колхозный инвентарь, оставшийся скот, разрушили хозяйственные постройки, школу превратили в конюшню. С невероятными трудностями бригадиры тракторных бригад **Шевцов И.П.** и **Мартыненко П.М.** вместе с юными механизаторами собирали уцелевшие с горем пополам тракторы, плуги, бороны. В заснеженной степи они снимали части с подбитых танков, прилаживая их к сельхозтехнике. Колхозники сводили скот, который удалось спасти – собирали семенной фонд. В разминированной степи было много убитых солдат, наших и вражьих, особенно в районе колодца: там вдоль Вознесенского хребта проходила линия фронта. Женщины старики, подростки ежедневно выходили в поле хоронить погибших, зарывали окопы, готовили степь к севу. Люди не доедали. Многие питались бураком (*свеклой*) и картошкой, вырытой из мёрзлой земли, корешками трав.

Вновь избранный председатель колхоза **Новиков** и председатель сельского совета **Челомбитко**, раненые фронтовики, руководили восстановлением села и колхозного хозяйства.

Село было освобождено 3 января 1943 года, а к 20 января уже проводились занятия в одной из школ. До лета занятия шли и в пустых домах. Только летом 1943 года силами учителей, техничек и старших школьников были полностью восстановлены школы.

Учителя **Кудрявцева Т.С.**, **Коваленко М.В.** и **Захарова В.Д.** вспоминают этот период работы, как самый трудный: книг не хватало, писали на газетах

и старых книгах. В классах зимой замерзали чернила. Иногда школьники прерывали учёбу и шли в лес рубить дрова для отопления школы. Но рано повзрослевшие ребята понимали ситуацию, учились хорошо. Они не только прилежно учились, они собирали и отправляли на фронт подарки, выступали с концертами в госпиталях Моздока, летом работали в поле. Семьи фронтовиков, занятые ежедневным невероятным трудом, ждали весточку от мужей, отцов и братьев. Были среди этих долгожданных вестей и тяжёлые – извещения о смерти.

Ушло из села Киевского Родину защищать 149 человек, а вернулся 81.

Самоотверженно защищали Отечество наши земляки. Через всю войну прошёл в боях тракторист **Николай Мартыненко**. Три Ордена Славы были наградой страны за его мужество и храбрость, проявленные в борьбе с немецким захватчиком. Орденом Красного Знамени награждён шофёр **Хижуховский Пётр Д.** Несколько раз он был ранен, но возвращался в строй, опять садился за руль своей машины, подвозил снаряды на передовую.

Вернувшись в своё родное село, бывшие воины своим трудом внесли достойный вклад в поднятие из руин нашего хозяйства.

После изгнания фашистов с земель Моздокского района колхозные поля обрабатывали два трактора, с трудом собранные трактористами, которых по разным причинам не призвали на фронт.

К 1946 году вернулись с фронта трактористы, прибыли новые механизаторы из других областей страны. Нормализовала свою работу Моздокская «МТС» (*машинотракторная станция*). Основное направление колхозного производства в эти годы – зерновое хозяйство. Техники не хватало, а колхозы после войны по-прежнему наряду с другими культурами выращивали хлопок. Хлопок требовал массу рабочих рук.

Ежегодно к осени в село прибывали на помощь люди из усадебных и промышленных предприятий городов Моздока и Орджоникидзе.

В первое пятилетие после войны на территории нашего села было три полеводческих бригады и, соответственно, три тракторных, возглавляемых **Мартыненко П.М., Шевцовым И.П. и Львовым Н.**

Немалый вклад в дело поднятия сельского хозяйства вложили трактористы **Полтавец И.М., Болоха В.К., Гусев Е., Чумаченко В.А., Дениченко В.К., Шпак Н.Ф., Марыненко Н.А., Цехмистренко В.М.** Самоотверженно трудились в полеводстве и женщины: **Ворожко Л.П., Гуржий В.А., Влизько А.А., Виноградная М.И., Рам М.Ф.** и другие.

Война закончилась...Всё население приступило к восстановлению разрушенного колхозного хозяйства. «МТС» пополняли колхоз техникой, давали и готовили новых специалистов. Передовыми после Великой Отечественной войны специалистами в полеводстве были **Авраменко Н.И.**, в животновод-

стве – **Галковская**. Трудодень оплачивался низко, село пустело, многие дома были просто заколочены досками. Люди уходили на производство. Не хватало рабочих рук. В 50-е годы у колхозного производства начался подъём. Сотни тружеников села «очищали» от окопов и к 60-ым годам подняли около 2000 гектаров земель.

Гордимся теми, кто не посрамил своего имени и встал на защиту рубежей. И теми, кто восстанавливал жизнь на израненной земле во имя грядущих поколений.

В колхозе было 6417 г земли. В трудные годы силами трудящихся всей страны строилась ГЭС (гидроэлектростанция) в городе Орджоникидзе.

По окончании полевых работ большая группа молодёжи из села направлялась на стройку ГЭС с конным транспортом колхоза. Только в 1955-1956 годах наше село было подключено с высоковольтной линии, идущей от города Малгобека на Моздок. Первоначально энергия использовалась для бытовых нужд села. Активное использование энергии в колхозном производстве началось в 60-е годы.

Любовь Ивановна Кучмасова

ТАИСИЯ АЛЕКСЕЕВНА АЛМАЗОВА

1940 год

1945 год

ВЕРНАЯ СЕБЕ И ДОЛГУ

Мою тётю, **Алмазову Таисию Алексеевну**, я впервые встретила в 1945 году. Мы к тому времени жили в маленькой тёмной комнате барака, расположенного неподалёку от Северного входа ВСХВ, как тогда называлась ВДНХ (Выставка достижений народного хозяйства).

Местечко из нескольких барачных корпусов называлось Дубки. В этой комнатке я проживала вместе с бабушкой Анастасией Павловной, мамой Александрой Алексеевной и младшим братом Митей.

Проснувшись в один из летних дней 1945 года, я увидела в нашей комнате ещё одну женщину, молодую в странной одежде тёмно-зеленого цвета. Она почему-то очень быстро ходила по комнате и, как мне тогда показалась, недовольно оглядывала всё, что находилось в нашей комнате.

Сейчас я не помню точно, сколько она у нас тогда пробыла, но вскоре куда-то пропала. И, как я теперь понимаю, просматривая, оставшиеся после её смерти документы, она уехала на работу в один из районов Калужской области секретарём РК ВЛКСМ, где проработала до октября 1946 года, а затем

поступила на учёбу в Московскую Межобластную партийную школу, которую окончила в июле 1948 года.

До призыва в армию Тая работала кладовщиком-экспедитором. Но в октябре 1942г. в возрасте 19 лет она добровольно пришла в Знаменский Районный военный комитет и попросила направить её на один из фронтов Великой Отечественной Войны. И, как следует из записи в её красноармейской книжке, в октябре 1942 года она была направлена писарем штаба 26-ой Отдельной дорожно-эксплуатационной техчасти, с личным номерным знаком – 380. Прошла военными походами с Воронежским и 1-2 Украинскими фронтами. Быт зачастую располагался в землянках и окопах, что позднее очень сильно отразилось на её здоровье, и из-за чего она умерла в 2001 году.

Из вооружения и технического имущества ей были выданы противогаз и револьвер «Наган» № БЦ 699. Уходила на фронт она членом ВЛКСМ, а с октября 1943 года парткомиссией тыла частей 40-ой армии была принята кандидатом, а затем стала членом ВКП (б). Вскоре ей было присвоено воинское звание «Ефрейтор». Войну закончила в августе 1945 г., дойдя военными дорогами до г. Бийска-Быстрица в Чехословакии сержантом женского батальона.

1944 год

Таисия Алексеевна была награждена в феврале 1944 года медалями: «За Боевые заслуги» и «За Победу над Германией в Великой Отечественной Войне 1941-1945 гг.» и уже позднее – многими юбилейными медалями Победы в Великой Отечественной Войне 1941-1945 гг., а также Орденом Отечественной Войны.

Наша вторая встреча с тётёй Таей произошла уже летом 1948 года, когда она приехала сдавать выпускные экзамены в Московской межобластной партийной школе. Сдала она их блестяще и на радостях пригласила нас с младшим братом Митей покататься на лодке на нашем Останкинском пруду. Мы, конечно, были в восторге. А я всё время удивлялась: как это тётя Тая так легко управляется с вёслами и совсем не боится, что лодка может перевернуться. Я же почему-то боялась, что это обязательно случится и судорожно держалась за борта лодки. Но мы прекрасно поплавали и даже слышали, как улыбающаяся тётя напевала какую-то песню.

Окончив в 1948 г. партшколу, тётя Тая была направлена парторганами пропагандистом райкома ВКП (б) в посёлок Думиничи Калужской области, куда я частенько приезжала на летние каникулы, и мы с младшим братом и тётёй Таей ходили в лес за земляникой, грибами и орехами. Затем в 1951 г. она переехала в село Ямполь, где до 1957 г. работала заведующей районной детской библиотекой. А с 1957 г. переехала на работу в посёлок Кромы Орловской области, где уже была заведующей районной библиотекой и проработала там до пенсионного возраста. В мае 1989 г. ушла на пенсию.

... Тётя Тая очень любила книги, особенно Есенина – поэму «Анна Снегина». Иногда мы вместе с ней вспоминали любимые строки из стихов этого русского, такого лирического, горячо любившего Русь Великую, поэта.

Личная жизнь тёти Таи так и не сложилась. На фронте она встретила **Степана**, которого полюбила, и они даже поженились. Но счастье оказалось недолгим, потому что Степан погиб. И позже тётя Тая так и не смогла найти ему замену в своём верном сердце, хотя претендентов было достаточно, и я даже видела одного из них. Тогда тётёе Тае было всего 28 лет. Несмотря на его настойчивые ухаживания, она так и не согласилась уехать к нему в г. Воскресенск. Самыми верными и надёжными её друзьями до конца дней остались только книги.

Мысленно я часто веду «разговор» со своей любимой тётёй.

– Спасибо тебе, дорогая моя тётя Тая, за то, что в один из самых тяжких периодов нашей Родины, ты отважно вступила в бой с врагом за нашу мирную сегодняшнюю жизнь! Я горжусь тобой и буду помнить тебя всегда.

ПАМЯТИ ТЁТИ

* * *

Ты девчонкой пошла на войну,
Свято веря своим идеалам,
Взяв на плечи чужую вину,
Ты дорогой войны зашагала.

Шла по чёрным, колючим снегам,
По холодным, гниющим болотам,
Шла навстречу дождям и ветрам,
Не гнушаясь тяжёлой работы.

Но мечту невозможно убить,
Она каждым дыханьем согрета,
От любви никуда не уйти,
И ты стала на время поэтом.

Но блеснув над судьбой второпях,
Озарив мимолётным сиянием,
Та любовь лишь коснулась тебя,
И ушла, не назначив свиданья.

А когда стихли громы войны,
В мир другие пришли идеалы,
Ты по мирным дорогам страны,
Своё новое место искала.

И нашла отдалённый предел,
На Орловщине, в Кромском селенье,
Что Тургенев когда-то воспел
В многотомье своих сочинений.

И жила без претензий и просьб
К прошлой жизни и будущим летам,
С беспределом и ханжеством врозь
И ничьим не согрета светом.

Годы взяли из жизни своё,
Истощились здоровье и силы,
Скудным скарбом твоё бытие
Подвело тебя к краю могилы.

И потомкам немногим своим,
Ты оставила лишь фотографии,
И мы бережно их сохраним
Славной жизни твоей – эпитафию.

* * *

Твой путь начинался из света,
Из радужных снов и цветов,
Из строчек любимых поэтов,
Надёжных и правильных слов.

Но время внесло коррективы
В привычный, размеренный быт,
И ты молодой и красивой
Вошла в лихолетье борьбы.

Смешались былые понятия,
В горниле идей и страстей,
Военные сёстры и братья
Сражались за мирных людей.

Пройдя через воды и трубы,
Огнём причастившись боёв,
Обыденным стало и трудным
Общение с миром твоё.

Сменялись восходы, закаты,
Портреты вождей и людей,
Для всех оставалась одна ты
С незримой тайной своей.

И втайне с кольцом обручальным
В карманчике сумки своей
Печалилась и вспоминала
О счастье прожитых дней.

Из моих родных, кроме тёти Таи, я знаю, на фронтах Великой Отечественной войны воевали и погибли ещё два моих дяди: **Алмазов Порфирий Алексеевич** – он был кадровым военным (1905 г – 1942 гг.) – и **Алмазов Аркадий Алексеевич** (1907-1943 гг.). Даты их рождения и гибели приблизительные: точных сведений нет. К сожалению, никаких фотографий и документов о них тоже не сохранилось. К великому своему огорчению, о них я мало что знаю.

*Зоя Дмитриевна Маркина,
Член МГО Союза Писателей России, племянница*

ВАЛЬС ПОБЕДЫ

Мир был расколот снарядом
И раскалён от свинца,
Горьким напоен был ядом.
Голод и плач без конца...

Слёзы украдкой струились
С вдовьих дрожащих ресниц:
Ночи любви вдовам снились,
Жар не касался их лиц.

Земля исстрадалась от общего горя,
От боли безмерной, трагической доли.
И ночи стенали, дымились рассветы,
А люди мечтали о светлой Победе.

Письма летели, как птицы, –
Лишь бы к солдатам дойти!
Страшной войны колесница
Застопорилась в пути!

В небе салюты искрились.
И ожила тишина!
В «Вальсе Победы» кружились
Люди, свобода, весна.

Пришла в сорок пятом святая Победа
И свист соловьиный вернула в рассветы,
Надежды и грёзы, счастливые лица –
Всё в радостном вихре, всё к жизни стремится.

17 июля 2009

Мария Веселовская-Томаш

СЕРГЕЙ КИРИЛЛОВИЧ БУРЯК

Родился С.К. Буряк 7 октября 1909 г. в селе Скопцы (ныне Веселиновка) в Украине. С 1931 г. Сергея Кирилловича призвали в ряды Красной Армии. Службу проходил в городе Переяслав-Хмельницкий. Был курсантом учебного батальона. Позже способного юношу направили в Киевскую пехотную школу, которую он окончил в 1935 году в звании лейтенанта.

Работал там, куда направляло командование, коммунистическая партия, сыном которой он стал в 1932 году.

Молодого командира взвода назначили в знаменитую 25-ю Чапаевскую дивизию в г. Полтава.

В 1937 году был отозван из Полтавы в училище на преподавательскую работу. В 1938 году поступил в Академию имени М.В.Фрунзе. После окончания трёх курсов 21 июня 1941 года ему было присвоено звание офицера с высшим военным образованием. Сразу пошёл на фронт.

Везде и всюду самоотверженно выполнял свой патриотический долг, был несколько раз ранен. В конце 1942 года – получил тяжёлое ранение.

Большую роль С.К. Буряк, как талантливый военный, сыграл во время обороны Москвы.

После госпиталя был назначен заместителем начальника Чкаловских пулемётных курсов, затем – преподавателем военной Академии имени Фрунзе.

В 1948 году поступил и в 1950 году с золотой медалью окончил полный курс Высшей ордена Суворова 1-й степени военной Академии им. К.С. Ворошилова, после чего работал в Генеральном штабе Вооруженных сил МО СССР.

С 1951 года С.К. Буряк работал на ответственных должностях в центральном аппарате Министерства обороны СССР. Ему присвоено очередное воинское звание генерал-майора.

На каком бы посту ни был Сергей Кириллович, он полностью отдавал себя воспитанию воинов, достойных защитников родной земли. Правительство оценило его верное служение народу.

С.К. Буряк был награждён пятью орденами, в том числе, орденом Ленина, многими медалями. В 1970 году был уволен в запас в звании генерал-майора.

Умер Сергей Кириллович Буряк 9 июня 1974 года от инфаркта на следующий день после тушения пожара в своём родном селе «Веселиновка», куда он приехал на встречу со своими родными, друзьями детства и односельчанами, до сих пор хранящими в своих сердцах светлую память о выдающемся земляке.

Е. Стеблина

БАЛЛАДА О ГЕНЕРАЛЕ

Не так давно под крышей Веселиновского спортивного зала состоялась финальная встреча по волейболу на приз «имени генерала С. К. Буряка». Победили Веселиновские. И это символично.

Когда я спросил своих односельчан, кто такой Буряк Сергей Кириллович, они ответили: «Генерал!».

Ответ верный, но не исчерпывающий. А чтобы понять жизнь нашего земляка, надо прочувствовать его глубиной сердца. Буряк был простой и обычный, и... в то же время необыкновенный.

В небогатой крестьянской семье родился мальчик. Назвали его Серёжей. Было это в октябре 1909 года. А уже по весне сестринские поклонники приладили к развесистой шелковице «старушку» – скрипучую колыбель и качали мальчика.

Русый, голубоглазый Серёжа был неприятным, добрым ещё с детского возраста.

Как подросток, пошёл в школу. Учился хорошо, имел феноменальную память, прекрасно решал задачи и много читал. Читал не только сам, но и научил грамоте свою мать – Степаниду Диамидовну. Она ни разу не переступала школьного порога, хотя впоследствии и сама ходила в библиотеку за книгами

для сына и для себя. Это свидетельство её племянницы, Екатерины Григорьевны Прихнич, которая и сегодня вспоминает, что тётя, когда она была ещё маленькой, читала «Кобзаря».

Екатерина Григорьевна более двадцати лет жила в городе Обухове, а теперь судьба снова вернула её на малую Родину: в небольшой дом, обсаженный садом, молодые деревья которого, словно подпирают, поддерживают в жизни старую качалку – шелковицу.

Чтобы больше узнать о Сергее Кирилловиче, я и пришёл к его племяннице Екатерине Григорьевне.

В прихожей убрano. На столе альбом и несколько художественных книг.

Женщина рассказывает, что у дяди Сергея с детства было много друзей. Лучшими из них были Андрей Леонтьевич Мусиенко, Федот Мартынович Лысенко, Николай Дорофеевич Овдийко.

Школьные годы сдружили их навеки – в те времена деревенские дети мало учились грамоте, а больше уделяли внимания мудрости обработки почвы, выращиванию хлеба.

Дружная четвёрка закончила семь классов и собиралась идти дальше учиться. Но не сложилось у Сергея. В неполных 18 лет его женили, ибо дома необходима была молодая шустрая работница. Это была Оришка, Ира, простая деревенская девушка, жившая рядом. В школу не ходила. Была на три года моложе своего суженого.

Но недолго Сергей ходил за плугом. Вчерашний крестьянин стал воином и не только на год-два, а на всю жизнь.

Сначала он служил в Переяславле, затем поступил в Киевскую пехотную школу.

Забрал к себе жену. Ира работала в столовой. После сельского ликбеза закончила семь классов. А Сергею дальше была уготовлена служба в Полтаве, обучение в Москве.

Сергей Кириллович Буряк окончил Военную Академию им. Фрунзе. Золотую медаль и диплом инженера ему вручал М.И. Калинин.

Учили его способности, профессиональную компетентность и оставили преподавателем этой же академии.

А потом была война. Генерал-майор Буряк участвовал в обороне Москвы. Долгое время был командиром дивизии одного из фронтов. А после тяжелого ранения в 1944 году его перевели в Генштаб Министерства обороны, где он работал до последних своих дней.

Пусть читатель простит меня за схематическое изложение материала. Я сознательно подробно не касаюсь военной службы нашего героя. Пусть об этом пишут военные. Меня больше привлекает глубина человеческой души Сергея Кирилловича.

Представьте себе, московский генерал приезжает в село, к своей племяннице, а та болела, но, тем не менее, занималась ремонтом хаты (*мазанка, построена из глиняного кирпича*). Как он ей помогал украсить дом!

Не успели обо всём, как следует за ночь переговорить, как утром –полон двор людей: все «жовтневци», как колхоз называли навестили земляка своего. Ведь приехал генерал!

Вдовы – с просьбой разыскать мужчин, без вести пропавших, а уцелевшие на войне люди – просто так, по-приятельски встретиться со славным земляком – односельчанином.

Сергей Кириллович помогал, чем мог, и в первую очередь – вдовам. Ездил в Киев, «выбивал» шифер, кирпич, цемент. Журил иногда бездушное отношение к семьям погибших.

Радовался, как восстанавливалось село, строился Дом культуры, тянулась мостовая. Любил посещать школу, бывать в светлом спортзале.

Таким был Сергей Кириллович. Как ему хотелось домой, в родное село! Уже перенес два инфаркта, в 1974 году, он с радостью уезжал в родную Веселиновку, к своему гнезду.

Сразу же по приезде написал письмо в Обухов, Екатерине Григорьевне: «Я дома, приезжай, 25 июня съедутся все родные».

Это были последние строки любимой племяннице.

Потом 8 июня в селе случился пожар. И Сергей Кириллович помогал тушить его, не щадя себя. А на следующий день, 9 июня, он умер.

Мы листаем с Екатериной Григорьевной пожелтевшие страницы домашнего альбома. Она искренне удивляется: «Мало фотографий дяди Сергея. Раздала: то в школу, то в музей. Остались только фотографии его детей. Сын Володя – ныне заведующий кафедрой Московского энергетического института, дочь Надежда – инженер. И внуки – их много. Летом всегда все приезжают в родное село и босиком бегают там, где ходил их отец и дед».

Уже совсем вечерело, как Екатерина Григорьевна провожала меня до ворот. Мы шли той же дорогой, которой ходил известный всем нам С. К. Буряк, генерал, коммунист, человек, полностью отдавший себя служению народу.

Мы прощаемся. Над нами слегка качает ветви старая шелковица, под которой рос Серёжа, ягоды которой для него особенно были сладкими. Созревает шелковица летом – приходите. Попробуйте!

Б. Сушак,
ветврач, Веселиновка.
27 мая 2010 г.

МЕФОДИЙ ИЛЬИЧ ВОЙЛЕНКО

ГОДЫ СУРОВЫХ ИСПЫТАНИЙ

Война для жителей Сталинского рабочего посёлка, как и для всех советских людей не была неожиданностью. О ней давно говорили, к ней готовились, поэтому 20 апреля 1941 г. из Сталинского посёлка были призваны на сборы, на переподготовку воины запаса в Литву. Среди них был и мой папа **Войленко Мефодий Ильич**, рожденный 26 марта 1912 г. Он работал мотористом в цехе водоводов на водопроводной станции.

Когда их провожали, – рассказывала мне мама, я очень плакала (а мне тогда было 2 года и 2 месяца), как будто чувствовала, что это наша последняя встреча. Отец писал маме, что, судя по обстановке на фронтах других стран, становится как-то тревожно.

...Война началась на рассвете 22 июня 1941 г., когда фашистская Германия вероломно, без объявления войны, напала на СССР.

Закончилась мирная жизнь для всей нашей страны...

С этого момента больше ни одного письма от папы не пришло, и он попал в разряд без вести пропавших. О дальнейшей его судьбе я расскажу чуть позже.

А ПОКА О СУДЬБЕ ДЕТЕЙ ПОСЁЛКА

Вслед за заявлением Советского правительства о нападении гитлеровских войск на нашу Родину по посёлковой радиосети был передан приказ штаба местной противовоздушной обороны, в котором указывалось, что в 13 часов 22 июня 1941 года необходимо:

- полностью затемнить на весь период угрожаемого положения жилые дома, учреждения, фабрики, заводы города Москвы и Московской области;
- установить дежурство у всех выключателей внутреннего и внешнего освещения;
- привести в готовность бомбоубежища и газоубежища для населения города Москвы и Московской области, в которые по сигналу «гудком – сиреной» и объявлению: **«Граждане! Воздушная тревога»** население должно было спускаться в бомбоубежища, а после сигнала: **«Отбой тревоги»** люди могли возвращаться домой.

Мы с мамой, Войленко Ефросиньей Николаевной, жили в доме № 5 посёлка, что напротив пожарной части. После сирены в вечернее время спускались в бомбоубежище, находящееся до сих пор в углублении маленькой горки. Там находились столы, подобные тем, что есть в детских отделениях поликлиник, чтобы раздеть маленьких детей. Вот на них и на стульях мы и располагались, а, выходя на улицу, видели скользящие лучи прожекторов, охраняющих небо Москвы и Подмосковья. Полукольцо вражеских войск сжималось вокруг Москвы. В посёлке была проведена эвакуация детей яслей и детских садов в село Куровское Московской области.

Мне запомнился такой эпизод: мы находимся в большом светлом помещении, а в окне я вижу ... мамино лицо! Я думала, это было моё воображение, но мама сказала, что, действительно, она приезжала один раз и точно заглядывала в окно.

В связи с приближением к Москве вражеских войск, нас вскоре вновь возвратили в Сталинский посёлок. На водопроводной станции и вокруг неё были установлены зенитки, прожектора и аэростаты заграждения (*к ним были привязаны тонкими тросами мины: если вражеский самолёт задевал трос, то взрывался – прим. автора-составителя*). Водопроводная станция была стратегического назначения – снабжала Москву водой, её следовало надёжно охранять.

А вот ещё картинка из прошлого: детский сад, который находился возле дома № 5, в настоящее время снесённый; напротив него была площадка с аэростатами, которые поднимали и обслуживали во время бомбёжки, в основном, девушки. Они держали металлические тросы, за которые были привязаны эти самые надувные аэростаты – огромные продолговатые

баллоны. Как потом я узнала, они были длиной 8 метров и диаметром 3 метра. Поднятые в небо аэростаты не давали немецким самолётам низко опускаться, а с большой высоты не так хорошо заметны цели. Но бывали случаи, когда сильный порыв ветра срывал и уносил аэростат, и кто-то из девушек не успевал отпустить вовремя трос; это трагически заканчивалось для них.

Я всегда очень плохо спала в тихий час и, глядя в окно, которое выходило на расположение аэростатов, одну из таких трагедий увидела. Мне, ребёнку, показалось, как будто Дед Мороз помахал мне варежкой в окно (это было зимой), а вечером из рассказов и разговоров взрослых я узнала: погибла одна из девушек, она не успела отпустить трос.

Однажды, в конце 60-х годов, одна из девушек, находившихся в те дни на площадке с аэростатами, приезжала на это место, и мне посчастливилось с ней пообщаться. В беседе с ней был подтверждён случай гибели девушки.

Ещё помнится: рабочих в обед кормили в столовой, которая находилась напротив фонтана. А мама иногда ходила в Реутово через лес, чтобы обменять вещи на продукты, так как было голодно.

Навсегда остались в памяти военные и послевоенные карточки, очереди за хлебом и продуктами: в магазине по этим карточкам выдавали положенные крохотные пайки.

А ТЕПЕРЬ О ПАПЕ

Что-либо о без вести пропавших долгое время нельзя было узнать.

В 2000 году я подала просьбу узнать что-нибудь о папе в программу «Жди меня», в 2005 году дополнительно отвезла и его фотографии, но долго никаких сведений не было.

... 20 октября 2010 года сестре что-то плохо спалось. В 4 часа утра включила канал «Столица», и на экране вдруг увидела номер телефона, по которому можно будет что-то узнать о без вести пропавших – мне повезло: шла какая-то передача о без вести пропавших. Через неделю мне сообщили сведения о судьбе моего папы, которые были подтверждены «Российским Красным Крестом» – Центром розыска и информации.

Оказалось, что папа, раненый в первые же дни войны в Литве, попал в плен и оказался в лагере для советских военнопленных в Западной Германии в Берген-Бельзен под № 1080 Шталаг XI-C(311).

В выписке из больничной книги под № 5536 указывается, что папа поступил в лазарет этого лагеря 13 марта 1942 года под №13813, не дожив до своего 30-летия (26 марта 1942 года) одну неделю.

Лагерь Берген-Бельзен был создан в мае 1940 года как Шталаг XI-C(311) для военнопленных из Бельгии и Франции.

В июле 1941 года сюда поступило около 20 тысяч военнопленных из СССР. К весне 1942 года 18 тысяч из них скончались от голода, холода и болезней (выжило 2097 человек). Так вот мой папа оказался в числе этих 18 тысяч, погибших весной 1942 года.

Задавшись целью побывать на его могиле, мы с мужем по турпутевке 23 марта 2011 года вылетели в Германию. Перед этим я побывала в церкви, заказала отпевание и взяла отпетую землю для возложения на его могилу. Но, прибыв на кладбище, мы увидели не отдельные могилы с номерами, а холмы 10х10 метров со стелами, на которых высечены кресты, и участки отведенных территорий захоронения 1941, 1942, 1943 годов. Около указателя территории 1942 года я и закопала эту отпетую землю, так как не было указано, в каком из этих холмов похоронен мой папа.

После распада Советского Союза в одном из архивов города Подольска были найдены учётные карточки советских военнопленных, которые и помогли установить место захоронения в Германии.

В 2007 году «Народный Немецкий Союз по уходу за военными могилами и Рабочая Группа Берген-Бельзен» начали проект для школ: «Мы пишем ваши имена».

Ученики изготавливают глиняные доски с именами и личными данными военнопленных. При этом представители Немецкого Союза знакомят школьников с информацией по данной теме. В дальнейшем глиняные доски с именами в торжественной обстановке возлагают на валу, окружающем кладбище военнопленных «Херстен».

19 мая 2011 года на мой адрес пришло письмо из Германии с сообщением о том, что членами добровольного общества «Рабочая Группа «Берген-Бельзен» 9 мая 2011 года установлена на кладбище «Херстен» мемориальная табличка с именем моего папы Войленко М.И. Прислали также фотографии, поздравление с Днём Победы и с пожеланиями нам здоровья, мира и благополучия. Письмо прислали члены этого добровольного общества – Петер Ваннингер, Алла Русанова-Ваннингер.

Моё сердце немного успокоилось, так как нашлось место захоронения отца, его останки покоятся в земле, при возможности можно ещё побывать на этом кладбище. Я, дочь, которую любил отец, смогла, пусть уже в возрасте 72 лет, поклониться ему за то, что он дал мне жизнь.

Папа хотел обязательно дать мне высшее образование, и я в возрасте 41 года смогла осуществить его мечту: поступила в МОПИ им. Н.К.Крупской и окончила его в 46 лет. Об этом, около памятного камня – указателя «1942 год», я рассказала отцу, а также о жизни мамы и моей.

Получив сообщение от «Рабочей Группы «Берген-Бельзен» из Германии, я послала им благодарственное письмо.

21 марта 2012 года мы с мужем вновь посетили место захоронения папы – кладбище «Херстен» в связи с тем, что 19 марта 2012 года исполнялось 70 лет со дня смерти папы и 26 марта – 100 лет со дня его рождения.

Нас очень тепло встретили члены «Народного Немецкого Союза» и «Рабочей Группы «Берген-Бельзен» Петер Ваннингер, Алла Русанова-Ваннингер и Лидия Милке.

Они нам рассказали, как торжественно проходит установка глиняных плиток с именами похороненных на этом кладбище советских воинов учениками школ, которые сами создавали эти плиты.

Член «Народного Немецкого Союза» – Петер Ваннингер собирает сведения о советских воинах, которые захоронены на этом кладбище с тем, чтоб написать «Книгу Памяти» о них.

Я очень рада, что есть люди, которые стараются сделать как можно больше, чтобы мы – дети, внуки, правнуки, родственники погибших воинов ВОВ могли что-то узнать о своих родных, близких, чтобы как можно больше воинов были отпеты и преданы земле, где бы они ни погибли.

*Воспоминания Клавдии Бочаровой (Войленко)
2012*

Юрий Грибов (в центре) с друзьями

И ВСЛЕД ЗА ВЕКОМ ЖИТЬ СПЕШИЛ...

Мне много раз приходилось слышать выступления Юрия Тарасовича Грибова, известного писателя и журналиста, и я всегда поражалась его умению непринуждённо и как-то сразу найти контакт со слушателями. Всегда аккуратный, стройный, по-офицерски подтянутый, он неспешно, с какой-то домашней простотой ведёт свой рассказ.

Частенько вспоминаю интересный «диалог» с аудиторией на торжественной встрече, которая была посвящена 80-летию со дня рождения старшей дочери Маршала Советского Союза Жукова Г.К. – Маргариты Георгиевны Жуковой. В зале много участников и ветеранов войны, детей войны, представителей Фонда «Маршал Жуков», молодёжи. И вдруг председательствующий Грибов Ю.Т. обращается к присутствующим: «Кто из вас брал Берлин? Поднимите руку». Ответом было оцепенение, а потом по залу прокатился добродушный смех и послышались бурные аплодисменты. Оказалось, что остальные участники войны, пришедшие поздравить Маргариту Георгиевну, воевали на других фронтах.

Интерес Юрия Тарасовича понятен: он гордится тем, что в годы войны служил в 185-ой стрелковой дивизии, входившей в состав 47-ой армии 1-го

Белорусского фронта. Гордится тем, что лучший полководец страны Жуков был с ними. И хотя на фронте бойцы его не встречали, но всегда чувствовали, знали: он где-то рядом.

Как и большинство сверстников, выходец из села Бугры, Богородского района Горьковской области, Юрий рвался на фронт. День начала войны совпал с его днём рождения: исполнилось 16. До призыва не дорос. Пришлось оканчивать ремесленное училище и поработать в речном флоте на волжских судах «Карелия» и «Якутия». Едва дождавшись восемнадцатилетия, несмотря на броню, как у речника, добровольно пошёл в армию.

Направили в Энгельское пулемётное училище. Младшими лейтенантами вышли из него тридцать четыре человека. С войны вернулись восемнадцать, остальные погибли, навсегда оставшись девятнадцатилетними. Грибов хорошо помнит их. Даже имена и фамилии героев его военных рассказов подлинны. Вот несколько строк из рассказа «Ландыш»:

– Где-то в районе Бернау ранило старшего лейтенанта **Бориса БУЛАТКИНА**, и я принял пулемётную роту. Мы стали обходить Берлин с северо-запада. Хоть и шли мы временами вторым эшелоном, бои возникали постоянно. Отличились два моих расчёта: сержантов **Павла НЕФЁДОВА** и **Петра СКАЧКОВА**... В Шпандау в уличных боях погиб лейтенант **ДУДНИК**, наш одноклассник. Мы перебежали трамвайные пути, и его ранил снайпер. С полминуты он полз по булыжнику, а фашист добивал его. Когда солдаты бросили ремень, чтобы подтащить лейтенанта, он уже был мёртв...»

Фронтовые дороги довели командира пулемётной роты Юрия Грибова до Одера, он участвовал в штурме Берлина, вышел на Эльбу. Здесь и встретил Победу.

В Германии пришлось задержаться: юного лейтенанта назначили комендантом сразу трёх населённых пунктов. Ответственность колоссальная. «Ещё гремели бои, – пишет Юрий Тарасович в очерке «Волоколамский рубеж», – а на разрушенных берлинских улицах уже дымились армейские кухни, старики, женщины и дети стояли в очереди за солдатским супом. По перешитой железнодорожной колее двигались эшелоны с белорусской картошкой, тамбовским зерном, с продуктами из разных областей. Там, на Родине, сытости тоже давно не было, но такой уж характер у великой Советской страны: помоги слабому, поддержи беззащитного».

Комендант Грибов строго выполнял приказ высокого начальства: заботиться о мирном населении, помогать налаживанию нормальной жизни. Вот здесь, наверное, и пробилась дремавшая в генах крестьянская хватка. К «герру коменданту» шли местные жители и просили открыть то хлебозавод, то пивную, то кирху. «Мы были не завоевателями, а освободителями от фашизма» – спокойно, без лишнего пафоса подводит черту ветеран.

Писал Юрий Тарасович всегда. Мальчишкой баловался стихами. Затем печатался в военных газетах «Сталинский сокол» и «Советский воин». Сочинил поэму про боевой путь родной дивизии. Стихи его, а музыка лейтенанта Петра Тодоровского, ныне известного кинорежиссёра

Журналистскому запалу Грибова уже в то время могли позавидовать многие. Но он мечтал об учёбе: стал студентом – заочником Литературного института. Родные волжские и неповторимые места, воспетые многими классиками русской литературы, как будто будоражили его. Сердце переполнялось счастьем от лазурного неба над синей гладью реки, от благоухания природы и плеска волн, от птичьего гомона чаек... Может, потому его будущие документальные очерки настолько тесно сольются с лирикой, и Грибов войдёт в историю русской словесности как лирический прозаик.

Уйдя в запас, стал осваивать гражданские темы. В бытность журналистом в Костромской газете «Северная правда», а затем собкором «Советской России» по Псковской, Новгородской, Калининградской, Смоленской и Калининской областям исколесил и исходил множество исконно русских мест. Его вдохновляло деревенское житьё. Юрий Тарасович находил интересных людей и со свойственной ему энергией, искромётностью мысли не писал, а буквально, рисовал с них портреты. Читая его очерки, мы зримо представляем этих героев. Он обожает их – и это обожание передаётся нам. Он влюблён в них – и мы не можем не любить: настолько сочны краски, которые использует автор, настолько доверителен и искренен его рассказ, что описанное входит в наше сознание как бы само собой.

Взять, к примеру, очерк Грибова «Море деда Мазая». Вроде бы и нехитрая работа у речного рыбоохранного катера «Тайфун», который патрулирует в мирное время дальнее побережье Костромского моря (так жители именуют местное водохранилище). Свежий, бодрящий ветерок, яркое солнышко. Благодать да и только! Однако не такая уж безмятежная жизнь на судне. Журналист замечает на рубке «Тайфуна» несколько пулевых вмятин. «Ночью стреляли, из кустов, особенно во время штурма, – поясняет Борис Фёдорович Чередниченко, старший на «Тайфуне». – Бывает, и из лодки пальнут жаканом (*свинцовая пуля особой конструкции для стрельбы из гладкоствольного охотничьего ружья – прим. автора-составителя*), зная, что «Тайфуну» ни за что не догнать браконьеров с мощными и быстрыми моторами... На энтузиазме держимся, на любви к природе».

Оказывается, не такая уж выдумка Н.А. Некрасова о спасённых зайцах. Дорога рыболовного катера пролегла в этих местах. «Про зайцев каждый с детства знает, в школе проходили, – напоминает Грибов. – Великий русский поэт Николай Алексеевич Некрасов охотился здесь, дружил с простым мужиком Гаврилой Яковлевичем Захаровым, которого все звали дедом Мазаем. Сам За-

харов из деревни Шодн, но жил в Вёжах. А рядом была ещё одна маленькая деревенька – Ведёрки. Сейчас от мазаевского поселения на виду остался всего один каменный остов купеческого дома да чёрные высохшие стволы деревьев. Стояла в Вёжах тогда и знаменитая деревянная чудо – церквушка, поставленная здешними мастерами без единого гвоздя, на сваях. Её догадались перевезти в Кострому, на территорию Ипатьевского монастыря, где сейчас музей».

Мирная жизнь потихоньку налаживается. Народ всерьёз взялся за восстановление народного хозяйства. Но военная тема по-прежнему не отпускает фронтовика.

Чего стоит очерк «Тёплый свет планеты Юлия»! Узнав имя, мы не обманываемся, кому он посвящён: конечно же, лауреату Государственной премии России, солдату, светлому человеку и любимому поэту нашей эпохи **Юлии Владимировне ДРУНИНОЙ**. Свет её поэзии освещает нас, как и малая планета в мироздании, названная астрономами в её честь. «Она была из поколения добровольцев, – пишет о ней Грибов, – чем-то сродни Зое Космодемьянской и другим юным девушкам и парням, чьи сердца переполняла тревога за судьбу Родины, желание немедленно встать на её защиту».

Или ещё. «Солдатские берёзы...» – это рассказ о прославленном гарнизоне под названием «Песочный лагерь», в котором «готовились кадры для действующей армии. И все сформированные здесь полки и соединения уходили на фронт, становились гвардейскими, орденосными, обретали имена освобождённых ими городов... Тысячи берёзок аллеями тянулись к опушке ельника. Их... посадили, уходившие на фронт».

В этом лагере после войны какое-то время прослужил и Юрий Тарасович. Спустя 50 с лишним лет он вновь оказался в Песочном:

– Здесь тогда стоял 1319 полк нашей дивизии. А вот стела, Вечный огонь, аллеи тех самых фронтовых берёзок. О, как они выросли, заматерели за полвека! И все ровные, кудрявые. У каждой имя есть и хозяин. Но кто назовёт теперь это имя? Сколько хозяев осталось в живых? Двое-трое из тысячи?... Я погладил одну берёзку, прислонился к ней щекой. И гамзатовские стихи в памяти всплыли: «Они не в землю полегли когда-то, а превратились...» Может, не в белых журавлей, а в белые берёзки?»

Как это певуче, нежно... И талантливо. Не случайно сам Леонид Леонов высоко оценил одну из повестей Грибова «Сороковой бор», напечатанную в журнале «Октябрь», а затем в миллионной «Роман-газете». И хотя скромничает автор, считая, «что Леонова подкупила не столько художественная ценность, а тема о защите лесов по берегам Чудского озера, образ егеря и борьба с браконьерами», – это, конечно, не так.

Профессии журналиста и писателя настолько тесно переплелись в жизни Грибова, что, пожалуй, он и сам не ответит на вопрос: какая для него важнее.

Публицист он от Бога. И даже если предложенная тема, жёсткие сроки или газетные размеры не всегда вдохновляли, он не пытался уклониться от задания. Не имея времени, мог пожертвовать выходными днями или сном, чтобы выполнить просьбу. И в назначенный час редакция получала от него тот материал, на который рассчитывала. Вот почему так охотно сотрудничали с этим автором и «Правда», спецкором которой он стал впоследствии, и радио, и телевидение, и многие журналы.

И при всём этом Юрий Тарасович успевал писать свои великолепные книги: «Праздник в Усолье», «Высоковские старики», «Севернее Берлина», «Тайны старой мельницы», «Сороковой бор» и другие. К 65-летию Победы за последние три произведения он признан лауреатом премии «Золотой венец Победы».

Однажды Сергей Владимирович Михалков, председатель Союза писателей России, попросил заглянуть к нему. Они были хорошо знакомы: встречались на заседаниях секретариата, в поездках по областям и республикам, которые руководитель Союза писателей сам и возглавлял. «Есть мнение...», – после такого вступления мудрый и опытный Михалков заговорил о газете «Литературная Россия», дескать, тираж падает, присутствуют элементы групповщины, мало внимания уделяется периферии, отсутствует пульс подлинной жизни, зарастает к изданию писательская тропа... На другой день до Юрия Тарасовича дошёл слух, что насчёт него была подсказка из отдела культуры ЦК, а таким доверием пренебрегать было не принято. Вот таким образом он и приступил к руководству «Литературной Россией», проработав на этой должности около десяти лет.

Трудовой путь Ю.Т.Грибова столь же насыщен, как и творческий. Сколько видел и пережил за свою долгую деятельную жизнь, сколько важного и интересного встретил на её дорогах. Из «Литературной России» его «бросили» в газету «Известия», был там заместителем редактора и главным редактором многомиллионной «Недели». По иронии судьбы занимал кабинет Н.И.Бухарина. Но права русская поговорка, что не место красит человека, а человек место. Руководителем Юрий Тарасович оставался достойным и доброжелательным. В его поведении не было ни капли зазнайства. С годами он становился добрым другом и наставником для всё большего числа коллег по литературному цеху. Обаяние и ироничность притягивали к нему людей. Довелось поработать Грибову и освобождённым секретарём Союза писателей СССР.

После развала страны Ю.Т.Грибов двенадцать лет трудился в штате «Красной звезды», а будучи членом Объединённого Совета ветеранов Союза журналистов РФ, был в составе редакционной коллегии, работавшей над выпуском сборника «Живая память». Их выпущено десять томов, и в каждом из них очерки и воспоминания одного из старейших литераторов и журнали-

стов страны. За этот труд писатель удостоен высшего журналистского звания «Золотое перо России». А вскоре к многочисленной коллекции наград прозаика и публициста присоединился Диплом лауреата Всероссийской премии имени А.В.Суворова за цикл книг, посвящённый защитникам России. К нему приложены нагрудный знак «За вклад в патриотические традиции Отечества» и настольный бюстик генералиссимуса А.Суворова. Бюст Суворова навеял на Юрия Тарасовича новые воспоминания:

– Помню, шёл я как-то в День Победы среди ветеранов мимо памятника Суворову, который тут, недалеко от моего дома. И вдруг девочка кричит: «Смотри, дедушка, голубь на голову Суворова сел!» А дед отвечает: «Голубь – это хорошо. Лишь бы вороны чёрные не сели». Как в воду глядел – налетели эти чёрные вороны...». Так писатель охарактеризовал пору, когда оптимистично начавшаяся перестройка всё более сворачивала, невесть куда.

На орденских планках участника Великой Отечественной войны немало наград, в том числе ордена «Трудового Красного Знамени». «Дружбы народов» и «Знак почёта», полученные в мирное время. Но самой дорогой для себя он считает медаль «За взятие Берлина».

Я с трепетом открываю небольшой сборник писателя **«Солдатские берёзы», где в качестве автографа очерчено главное событие его жизни: «Раисе Лунёвой – коллеге от фронтовика, взявшего Берлин. Ю.Грибов».**

Р.Лунёва,

(Об авторе статьи – читайте ниже)

СОКОЛ ИЗ СОКОЛОВКИ

Возможно, это посвящение окажется больше самих стихотворных строк. Я – его двоюродная племянница, он – мой погибший на войне двоюродный дядя. Об его подвиге мне рассказала моя тётя – его старшая сестра.

Он – Иван Петрович Ковалёв.

Мальчишка, выросший в Подмосковном посёлке Соколовка Щёлковского района. Третий ребёнок и единственный сын в многодетной семье. Отец – коммунист, один из первых орденосцев Страны Советов.

Петр Кириллович Ковалёв воспитал единственного сына Ивана на высоких идеалах верности Родине. А Ивана манили самолёты, властно манило высокое небо. Ведь рядом располагалось Монино, где были аэродромы и откуда уходили в небо самолёты. Всё свободное время проводил Ваня Ковалёв в ОСОАВИАХИМовских кружках. Но мирным мечтам о небе не суждено было сбыться: 22 июня 1941 года началась война. И вместо мирного неба уходит Иван Ковалёв в небо фронтовое, чтобы защитить Отчизну от врага.

Но... в конце мая или начале июня 1943 года в дом Петра Кирилловича пришло извещение, что его сын гвардии младший лейтенант Ковалёв Иван погиб в воздушном бою 14 мая 1943 года. А следом пришло письмо от од-

нополчан. Боевые товарищи сообщили отцу, что в воздушном бою самолёт, пилотируемый его сыном, был подбит, загорелся и Иван направил объятую пламенем машину на самолёт врага – пошёл на воздушный таран. Погиб героически в небе над Курской дугой гвардии младший лейтенант Иван Петрович Ковалёв. Наш Сокол из Соколовки.

Служил он тогда в качестве пилота в 54-м гвардейском истребительном полку, который входил в состав 16-й Воздушной армии.

Долго хранил Пётр Кириллович в память о сыне документы, письма и фото военной поры. А перед смертью, считая их своим личным архивом, уничтожил. Воистину каменной твёрдости был человек... Безумно жаль, что не могу приложить фотографию дяди тех лет. И даже просто фотографию.

Обо всём этом мне однажды, в одну из редких наших встреч, рассказала его дочь Клавдия Петровна Воронцова (Ковалёва) – моя тётя Клава. Рассказ получился очень трогательный, его сопровождали слёзы сожаления и горечь утраты: ведь это был единственный сын. Оборвалась родословная на взлёте... Прошло ещё какое-то время, и у меня родились стихотворные строки.

СОКОЛ

Над Курской дугой в полыхающем небе
Идёт на таран самолёт.
Сжав ручки штурвала в безудержном гневе...
Парнишка в бессмертье идёт.

Он рос в Подмосковье в рабочем посёлке,
В трудолюбивой семье.
О солнечном небе, о дальних полётах
Мечталось на школьной скамье.

Тревожно запели походные трубы
И звали всех в военкомат...
«За всё отомщу!» – Сжав упрямые губы,
Упрямо сказал младший брат.

Летели домой треугольники-письма
Для мамы, сестёр и отца,
Мол, «жив и здоров! Я воюю с фашистом
И выполню долг до конца!».

Писал, что душа наполняется гневом
При виде, что стало с страной,
Что яростно бьёт он врага и умело,
Готов снова ринуться в бой!

Над Курской дугой в полыхающем небе
Пошёл на таран самолёт!..
Иван Ковалёв жил мечтой о победе...
Пусть в памяти это живёт!

Пусть нет фотографий, ни строчки из писем,
Но подвиг бессмертен в веках!
Века – это ряд из событий и чисел,
В которых отсутствует страх.

*Татьяна Чевордаева, юрист, поэт, журналист, художник
г. Ивантеевка, Московская область*

Николай Никифорович Колмаков

Я ПОМНЮ...

В семье **Ивана Колмакова** было трое детей: Таисия, Марфа и Никифор. Жила семья в г. Иркутске.

Таисия жила в деревне Новопашино Иркутской губернии, там у неё родился ребёнок, его крестили, назвали Николаем, а отчество дали по дяде и крёстному – Никифорович (больше об отце ничего не известно). В анкетах папа писал: **Колмаков Николай Никифорович**, родился 27 июля 1906 года в д.Новопашино Иркутской области, социальное происхождение – из крестьян.

Мой папа, Колмаков Николай Никифорович, после окончания рабфака был направлен в Московскую военную академию им. М.В.Фрунзе. Академия была создана в середине 19 века, она называлась «Николаевская Императорская Академия Генерального Штаба» и за сто лет накопила большой опыт в обучении военных инженеров, которые получали в ней высшее военно-специальное образование. Папа закончил академию по специальности «взрывчатые вещества» в 1934 г. и получил направление в проектный институт (ГСПИ), работал главным инженером проекта. Институт официально относился к министерству машиностроения, но по существу – к министерству

обороны. Вместе с папой закончили Академию его друзья – **Михаил ЗАХАРОВ, Николай ПОЛЯКОВ, Иннокентий ПОНОМАРЁВ**. Все работали в разных проектных институтах, жили в разных районах Москвы, дружили семьями. Моя мама, **КОЛМАКОВА (ПОПОВА) Лидия Николаевна**, работала в том же институте, что и папа. Они поженились в 1932 году, а в 1937 году родилась я.

ИЮНЬ 1941 ГОДА. ВОЙНА...

Когда начали бомбить Москву, все предприятия военного ведомства стали готовиться к эвакуации, сотрудникам давали броню – освобождение от призыва на фронт.

Со своим институтом уехал за Урал Михаил Захаров с семьёй. Николай Поляков от брони отказался, ушёл добровольцем. С фронта он не вернулся. Иннокентий Пономарёв, член ВКП(б), был призван на фронт политруком. Он погиб в боях под Сталинградом, тётке Маше сообщили, что он пропал без вести. Надя, дочь, много лет искала его однополчан, в конце концов нашлись очевидцы его гибели, они сообщили Наде, где похоронен её отец.

Мы жили в коммунальной квартире в доме по адресу 1 Котельнический переулок. Переулок круто спускается к Москве – реке недалеко от Устьинского моста. На другом берегу реки ближе к Красной площади находится МОГЭС, снабжавший электроэнергией город. Немецкая авиация, прорываясь к центру города, упорно целилась в электростанцию. Но МОГЭС уцелел: бомбы падали в реку. При первом налёте взрывной волной в нашей комнате выбило оконные стёкла. Мамы дома не было. Папа прибежал из кухни и увидел меня, стоящую среди осколков стекла. Позже я всем соседям рассказывала: «Папа прибежал и прижмал к себе. И стало не страшно».

Папе тоже полагалась броня, он от неё отказался и в конце осени добровольцем ушёл на фронт, его определили в артиллерию. Ему предложили отправить семью с институтом в эвакуацию, но мама решила остаться в Москве. Квартира постепенно пустела, и к началу 1942 года в ней осталось всего девять человек. Во время налётов по сигналу воздушной тревоги оставшиеся в доме жильцы сначала прятались в подвале дома, но потом решили, что это бессмысленно: если дом разбомбят, подвал засыплет, выбраться из-под обломков кирпичного дома будет невозможно. Поэтому во время бомбёжек оставались в квартире, собирались все вместе в тёмном коридоре, Иван Иванович вставал на колени и молился.

Мама отказалась от эвакуации, мы остались в Москве. Мама стала работать надомницей – вязала носки и варежки.

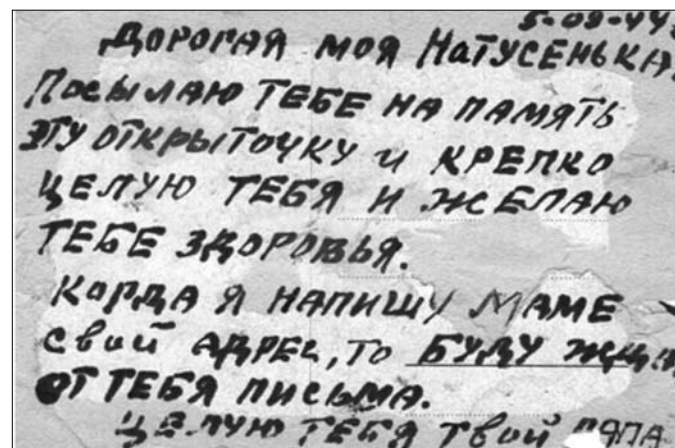
– Мам, а носки кому?

- Носки фронту.
- И варежки Фронту?
- Да, спи.
- Он добрый, этот Фронт?
- Добрый.
- Как папа?
- Да. Глазки закрой и спи.
- А Гитлер – злой?
- Злой.
- И пусть мёрзнет, да, мам?

Мама не ответила, она уставала за день и засыпала быстро. Письма с фронта приходили редко. Мама читала их, много раз перечитывала молча, потом – вслух мне и соседкам, но долго не хранила. В её письмах папе я коряво что-нибудь приписывала и что-нибудь рисовала.

Весной 1945 года войска 2-го и 3-его Белорусских фронтов штурмовали город – крепость Кёнигсберг (сейчас – г. Калининград). В состав 3-его Белорусского фронта входила папина воинская часть. Операцией руководил Маршал Советского Союза **А.М.Василевский**. Во время штурма папу сильно контузило, он долго лежал в госпитале, перенёс тяжёлую операцию, почти потерял слух. Позже, когда появились слуховые аппараты, пользовался ими до конца жизни. Перед началом боёв за Кёнигсберг его приняли в члены КПСС. Из госпиталя пришло его первое письмо лично мне.

«5-09-44 г. Дорогая моя Натусенька. Посылаю тебе на память эту открыточку и крепко целую тебя и желаю тебе здоровья. Когда я напишу маме свой адрес, то буду ждать от тебя письма. Целую тебя, твой папа».

Письма от папы приходили редко. Мама их долго не хранила. Открытки, которые он мне присылал, хранятся в альбоме. После госпиталя его вновь отправили на фронт.

Один раз проезжал через Москву в Новосибирск **Константин ШАСТИН**, после ранения ему дали краткосрочный отпуск. Один раз заехал папин однополчанин, привёз весточку от папы и гостинец – кулёк сахарного песка. Мама вязала шарфы для фронта, а с 1944 года и до папиного возвращения работала в генеральской пошивочной мастерской сначала в бухгалтерии, потом – на складе готовых изделий. Меня она оставляла под присмотром соседки – старенькой Клавдии Алексеевны Борисовой. По вечерам мы ужинали втроем, часто к нам попить чайку приходила мамина подруга по квартире **ЧЕРВЯКОВА Антонина Андреевна**. Она работала инженером-технологом на фармацевтическом заводе. Прекрасная женщина, умная, добрая и ласковая. Иногда мы ходили в гости к тёте Наташе на 1-ую Мещанскую ул. (сейчас пр. Мира). Шли пешком по Садовому кольцу от Таганской площади до улицы Колхозной (сейчас Сухаревская). Все вместе на Садовом кольце смотрели первый салют в честь освобождения Орла и Белгорода, до хрипоты кричали с Милкой (подругой) «Ура!» во время салюта в честь Победы 9 мая 1945 года. После окончания войны папу сразу не демобилизовали, он продолжал служить в Германии. Его воинская часть стояла в Восточной Пруссии.

Домой папа вернулся летом 1947 г. Худущий – кожа да кости. По воспоминаниям мамы и по фотографиям в молодости у него были тёмные кудрявые волосы и голубые весёлые глаза. Теперь глаза казались очень большими из-за худобы, но были по-прежнему весёлые. На фронте папа стал курить, но когда вернулся, бросил сразу, в один день. Вернулся! Мы с мамой были счастливы! Милый, дорогой мой папочка! Живой! Мне даже было немного совестно перед подругами: Танин отец погиб, Надин вернулся без ноги, Леночкин пропал без вести. Потом, правда, оказалось, что он был ранен, попал в плен, а после освобождения из концлагеря был сослан в Карелию на лесозаготовки. Домой его отпустили только в 1953 году. Два папиных друга – Пономарёв и Поляков – с фронта не вернулись. Пономарёв погиб под Сталинградом, а Поляков – в Белоруссии. Вернулся из эвакуации Михаил Николаевич Захаров с женой и дочкой, моей ровесницей. Они часто приезжали к нам в гости. Дядя Миша был весёлый, общительный человек, компанейский. Выпив водочки и пообедав, дядя Миша начинал петь. Папа ему подтягивал, а остальные слушали. «Взял бы я бандуру...», «По Муромской дороженьке...», «Что стоишь, качаясь, тонкая рябина» и другие. «Вьётся в тесной печурке огонь», – эту песню дядя Миша пел один, пел очень задушевно, и его жена, тетя Шура, тихонько плакала.

С 1945 г. стали возвращаться жильцы дома из эвакуации и с фронта. С фронта вернулись не все. Не вернулись отцы моих сверстников Тани Титовой,

Славы Мартынова, Славы Шухтерова, Вити Батыгина. Без ноги из госпиталя в 1944 г. вернулся **Ксенофонт Кузьмич ЯМАНУШКОВ** – отец моей лучшей подруги Нади. В семью **Мнёвых** пришла весть о зяте Евгении Дмитриевны, муже Зинаиды. Он был ранен, попал в плен. Из концлагеря его освободили в 1945 г., осудили и отправили в Карелию на лесозаготовки. Лена радовалась: «Папа не пропал без вести, он жив!». Её папа вернулся в середине 50-х.

День Победы – 9 мая – не был праздничным днём до 1965 года. Это был рабочий день, если не приходился на воскресенье. Но тост «За победу!» провозглашался всегда на любых праздниках, всегда, когда собирались гости. Потом вспоминали погибших друзей.

Говорить о войне папа не любил. Если спрашивали: «Как было на фронте?», он отвечал одним словом: «Трудно». Слушаю воспоминания участников войны, читаю о войне, смотрю документальные и художественные фильмы о войне и всё больше понимаю, какое это ёмкое слово – трудно. И понять всю его полноту может, наверное, только тот, кто на себе испытал все тяготы и трудности войны.

Из Германии папа привёз подарки маме и мне. Мне – куклу, которая будто бы плакала, когда ей нажимали на кнопку в животе. Звалась кукла «Говорящая Ира». Кроме подарков, он привёз трофейный пистолет и спрятал его в дровах в нашем сарае. Мама боялась, что кто-нибудь узнает и, как она говорила, «донесёт». Однажды поздно вечером они выбросили пистолет в Москву-реку.

Жизнь постепенно налаживалась. Из эвакуации вернулся институт, папа и мама вновь стали в нём работать.

Мама всегда следила за нашей одеждой, чтобы все трое выглядели, по её выражению, «достойно», вещей много не было. У папы – один костюм, как правило, тёмно-серый, несколько рубашек, что-нибудь тёплое, чтобы поддеть под пиджак зимой, и два галстука. Папа не любил галстуки и надевал только,

если вызывали в министерство. Поэтому один галстук висел дома в шкафу, а второй лежал в ящике стола на работе.

Продолжилась дружба с Захаровыми. Они жили в посёлке, в новом доме, построенном специально для сотрудников института, в котором работал дядя Миша. К ним надо было ехать на трамвае, потом на троллейбусе, потом опять на трамвае. Этот трамвай ходил редко, по одной колее от троллейбусного круга до посёлка и обратно. Два вагона всегда были полны-полнохоньки. На дорогу уходило часа три в один конец. Поэтому тётя Шура с Ритой ездили к нам очень редко, а дядю Мишу трудности дороги не пугали.

Не помню, что папа любил читать. Мне кажется, он читал то, что попадалось под руку, и газету «Правда». Эту газету надо было обязательно выписывать, и по ней еженедельно в отделах института проводили политинформации. Ещё мы выписывали журналы «Вокруг света», «Новый мир», «Роман-газета», «Иностранная литература». Папа читал, из «Иностранной литературы» вырезал романы и повести и отдавал в институтскую переплётную мастерскую. Эти сборники сохранились. В кино и театр он не любил ходить, наверное, из-за плохого слуха. Но если и приходилось идти с приехавшими в Москву родственниками, то – только в Малый.

Анатолий Иванович Мнёв, радиоинженер, однажды принёс домой ящик, сказал: «Это – Премия». Премией оказался первый телевизор советского времени «КВН-49*» чёрно-белый с малюсеньким экраном. Аббревиатура КВН составлена из первых букв фамилий его основных конструкторов Кенигсона, Варшавского и Николаевского. Позже к телевизору была прикреплена увеличительная линза. Поначалу у экрана КВН собиралась вся квартира, смотрели всё подряд, дивились и с возросшим уважением смотрели на всю семью Мнёвых. Несколько лет спустя папа тоже пришёл с «ящиком», это был телевизор второго поколения «Ленинград Т-2» 1951 года выпуска, в котором помимо телевизора был радиоприёмник и проигрыватель грампластинок, поэтому патефон было решено продать. На толкучке папа поставил его рядом с собой и пока торговался с потенциальным покупателем, патефон, по папину выражению, «умыкнули».

Казначеем в семье была мама. Все заработанные деньги складывались вместе. Папа относился к деньгам спокойно, полностью полагаясь на мамин хозяйственный опыт.

Если папа входил в комнату со смущенной улыбкой, держа руки за спиной, (мама называла это состояние «наивным»), значит, он получил премию и принёс подарок. Часто это были конфеты, торт или пирожные. Папа любил пирожные «эклер» и «наполеон». Были и большие подарки: хрустальная ваза для фруктов в виде ладьи, золотая брошь маме, швейная машинка, о которой я даже и не мечтала. Учась в институте, я на руках шила себе блузки из

ситцевых или шёлковых старых папиных рубашек, которые маме жалко было выбрасывать или пускать на тряпки. Свой первый фотоаппарат папа сменил на ФЭД, а позже, тоже на премиальные, купил себе «Зенит», а мне «Смену», купил фотоувеличитель. Плёнки он проявлял сам, а печатали фотографии мы вместе. Очень волнительными были мгновения, когда на белых прямоугольничках фотобумаги появлялись знакомые лица или чем-то памятные места. Конечно, фотографии были далеко не высокохудожественные, но с помощью фотоувеличителя можно было изменить размер изображения, напечатать часть кадра, сделать фото более светлым или часть затемнить. Словом, мы экспериментировали и творили.

Мама была права, говоря о состоянии наивности папы, приносящего подарки. Но мне помнится, что это состояние, то есть состояние смущённости, детской чистой наивности проявлялось у него в разных жизненных ситуациях. Пожалуй, он был похож на главного героя романа Бориса Васильева «Не стреляйте в белых лебедей», которого прекрасно, на мой взгляд, сыграл С.Любшин в фильме режиссёра Р.Нахапетова. Похож не внешне, не поступками, не судьбой, а похож именно состоянием души.

Папа не был словоохотлив, скорее он был молчуном, скороспелых решений не принимал, обдумывал. Поэтому, когда мама сердилась на него, называла «пыхтерь» или «тугодум», а ещё – «чалдон». На «пыхтерю» и «тугодума» он обижался («опять ты меня шпыняешь»), а от «чалдона» приходил в весёлое расположение духа, смеялся и подмигивал мне. Он был совсем неконфликтный, правдолюбец, несправедливость его возмущала. Дома родители обсуждали разные конфликтные ситуации, возникавшие между сотрудниками. Папа был на стороне обиженных сослуживцев, говорил, что пойдёт в министерство, покажет-докажет, а мама напоминала о каком-то довоенном случае, когда заступничество в виде письменной жалобы сотрудников в министерство ни к чему не привело, только всем писавшим пригрозили увольнением. По-видимому, эта черта его характера была известна в институте, поэтому дважды его выбирали народным заседателем в районный суд Пролетарского района. В пятидесятые годы в судах гражданские дела вели судья и два народных заседателя, которые избирались на собраниях по месту работы сроком на 2,5 года. Это была как бы общественная нагрузка, но с отрывом от работы на несколько дней несколько раз в год.

В первые годы после войны работы в институте было много, у папы за два года накопился отпуск, и по требованию профкома директор института отпустил его в отпуск на два месяца, но с условием оставить адрес, если он куда-то уедет. Папа оставил адрес фронтowego друга, который жил в г. Эссен-тукки и приглашал к себе погостить. По дороге к нему заехали в Анапу – к морю, жёлтому, мелкому песку и жёлтым крупным и сладким абрикосам. Купались,

загорали, ходили на высокий берег, где волны с шумом разбивались о камни, там было очень живописно. В эту поездку папа почему-то фотоаппарат не взял. Потом поехали в Ессентуки, папин друг сопровождал нас в поездках в Пятигорск и Минеральные Воды. Но папин отпуск длился всего месяц, пришла телеграмма со срочным вызовом на работу. Вздохнули, с сожалением попрощались с Кавказом и вернулись в Москву.

Прекрасная была поездка. Одна из самых лучших в моей жизни. На следующий год папин сотрудник уговорил его поехать в деревню под Орлом на вишни и ранние яблоки. Поехали все вместе. Папа сплёл из веток ивы корчагу, ставил её на ночь под берег реки, мечтал, что поймается большая рыба, но утром доставал из корчаги рыбёшек – мелочь, приносил домой и просил, чтобы мама их чистила. Мама чистила. Мелкие и скользкие, они падали на землю к величайшей радости кота и к великому огорчению рыболова. Жили мы в горнице пожилых колхозников; папа спал на сеновале, а мы с мамой на кровати, на матрасе, туго набитом пахучей полынью от клопов, которых в избе было великое множество. В изобилии было вишен, а яблок мы не дождались, так как папу из отпуска снова отозвали. Два года по месяцу я отдыхала в подмосковном молодёжном лагере от института. А родители в эти годы, мне кажется, вообще были без отпуска.

С 1953 года каждое лето мы ездили в Цесис. Один раз, перед Цесисом, жили в Юрмале, снимали комнату. Папа любил гулять один с фотоаппаратом по окрестностям. Однажды он увидел на рейде военные корабли. Красиво. Подошёл ближе и стал фотографировать. Тут-то его и задержали, плёнку из аппарата вынули, засветили. Кто? Откуда? Зачем? Где документы? Поздно вечером его привезли к дому нашего хозяина. Тот выдал нас за родственников, извинился за недоразумение, папа показал паспорт. От неприятностей нас спасло то, что снимали комнату у начальника местного отделения милиции. Когда военная машина уехала, он попросил нас с квартиры съехать. Потом папа смеялся сам над собой: как его угораздило так «обмишуриться»!

Папины награды:

орден Красной Звезды, медали За взятие Кенигсберга, За Трудовую Доблесть, За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945гг., Гвардейский значок.

Четыре благодарности от Военного Совета Гвардейской Армии тов. Гвардии инженеру майору Колмакову Николаю Никифоровичу: Участнику вторжения в Восточную Пруссию (октябрь 1944 года),

Участнику штурма города Инстербург (январь 1945 года),

Участнику штурма города и крепости Пиллау (апрель 1945 года),

Участнику штурма города и крепости Кенигсберг (апрель 1945 года).

Мама тоже была награждена медалями:

За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг., За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945гг., так как мастерская, где шили форму для офицеров высоких званий, и в которой мама работала, относилась к военному ведомству. Позже и папа и мама были награждены медалями в честь 800-летия Москвы, а папа ещё и в память о 20-летию со дня Победы. Все награды, орденская книжка и благодарности хранятся у нас в красной коробочке.

Романовская (Колмакова) Наталья Николаевна Из воспоминаний разных лет.

2009

АЛЕКСАНДРА КУЗЬМИНИЧНА КУЗЬМИНА

ВОЙНА ГЛАЗАМИ ЮНОСТИ

Александра Кузьминична КУЗЬМИНА родилась 23 мая 1923 года в деревне Федьково Новодугинского района Смоленской области. Почтовое отделение Высоко-Сычовское.

Когда началась Великая Отечественная война, Саше было всего лишь семнадцать лет. Она запомнила весь ужас тех первых мгновений! Немцы в их деревне появились с самого начала трагических событий – немецко-фашистская оккупация Смоленска уже началась 16 июля 1941. Несмотря на все советские контратаки, в июле-августе 1941 года шли самые упорные советско-германские бои за Смоленск. С начала августа 1941 года по сентябрь 1943 года был оккупирован Рославль, с октября 1941 года по март 1943 – Вязьма. Под Вязьмой был окружен почти весь советский Западный фронт, в котлах под Вязьмой и Брянском в плен попало 673 тысячи советских военных. Немцы рвались на Москву: Смоленск был для них «воротами», которые фашисты намерены были широко распахнуть и войти в столицу. К счастью, им это не удалось!

Смоленская область очень пострадала от войны, впрочем, как и все земли нашей огромной страны.

Александра Кузьминична помнит до мельчайших подробностей тот осенний погожий день. Деревню Федьково вместе с деревней Требаново 6 сентября 1941 года сожгли полностью: немцам стало известно, что туда наведались партизаны с целью заготовить продукты. Русский комендант, ставленник немцев, донес об этом своим новым «хозяевам», и те сначала подожгли ферму, а затем и все дома. Огненные языки сжигали всё на своём пути, деревня сгорела полностью.

Жителей деревни собрали в амбаре, где сушился лён. Они оставались там грязные, голодные несколько дней. Потом их повели пешком километров сорок в другую деревню. Было страшно уходить так далеко от дома, от которого, правда, уже ничего и не осталось.

Однажды Александра Кузьминична с подругой ходила в разведку по просьбе коменданта деревни. Без предупреждения родителей они отправились на очень опасное для жизни мероприятие в деревню Лукино. По дороге им встретился отряд немцев, которые сразу «распознали» в девушках разведчиц, и начали стрелять. Их схватили и отвели в немецкую комендатуру. После допроса поместили в холодный амбар, но местный комендант носил им картошку, а потом отпустил за водой и посоветовал бежать. Немцы открыли по ним стрельбу. К счастью, пули пощадили девушек.

Фотографий военных лет не сохранилось. В те трагические дни мало у кого была возможность смотреть спокойно в объектив «на память»... Эти черно-белые снимки появились уже после войны. Но в памяти ещё свежи воспоминания, ещё не остыла земля от огня войны. Лес, в котором прятались смоляне...

Затихли последние взрывы, потухли всполохи огня...

Жители деревни вернулись к своим пепелищам. Повсюду стоял плач, слышались глухие стенания и причитания – так страдали сердца уцелевших стариков, женщин, детей, которые на всю жизнь получили эмоционально психические травмы.

Боль души не отпускает Александру Кузьминичну до сих пор. Страшные картины юности часто приходят к ней во сне, хотя с 25 сентября 1943 года, когда была освобождена Смоленщина, прошло много лет. Казалось, уже заросли шрамы и на сердце, и на родной земле, но память цепко держит и не отпускает от себя войну. Наверно, это потому, что Саша... Александра Кузьминична не хочет пожаров новой войны. Не хочет, чтобы кто-то восемнадцатилетний вместо свиданий спешил в укрытие, вместо песен весенних соловьёв слышал гулкий грохот военной грозы.

Александра Кузьминична Кузьмина награждена юбилейной медалью к 65-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне.

Александр Васильевич Ланцов

Саша в 1944 году

Я родился 14 апреля 1932 года, в дер. Боровая, Холм-Жирковского района, Смоленской области в семье колхозников.

Когда мне было 9 лет, началась Великая Отечественная война. С сентября 1941 г. по 17 марта 1943 года находился в оккупации.

В начале сентября 1941, во время боя был ранен в левую руку, схвачен немцами и увезён в пересылочный лагерь Холм-Жирковка. В лагере ампутировали пальцы на левой руке наши пленные хирурги. Там же под охраной немецких солдат выполнял работы по доставке овощей с колхозных полей, а зимой по вывозке леса. В начале апреля 1942 года сбежал.

Много раз прятался от немецких облав до 17 марта 1943 года, пока деревня не была освобождена. Помогал нашим бойцам выносить раненых с поля боя, а потом подбирать и захоранивать в братских могилах убитых.

После освобождения и восстановления колхоза «Ясная Поляна» был направлен на курсы прицепщика. Работал прицепщиком и учился в школе до 1947 года. За это меня причислили к категории «участников **ВОВ по тылу**». Окончив семь классов школы, поехал в Москву поступать в художественный техникум, по совету председателя колхоза, так как по его же заданию выпускал «Боевые листки» о достижениях колхозников.

1948 год. Вот и окончилась учёба в школе.

Документы в техникум не приняли: тут сыграло роль то, что я был в оккупации и в фашистском лагере (в те годы был принят запрещающий закон). Поступил в Ремесленное училище, которое окончил в августе 1948 года. Получил пятый разряд слесаря-сантехника, и был направлен на работу в Домоуправление № 85 г. Москвы. Работал слесарем до августа 1950 года.

В Ремесленном училище № 16.
Александр (в центре) староста группы

К этому году запрещающий закон отменили, и я поступил в МХГПУ (Московское художественно-графическое педагогическое училище). По его окончании в 1954 году получил звание преподавателя-учителя рисования и черчения. Так с 1954 по сей день и работаю преподавателем вот уже 57 лет.

После училища окончил Московский государственный заочный педагогический институт (МГЗПИ), художественно-графический факультет. Опыт работы позволил получить некоторые изобретения учебно-наглядных пособий по своей специальности. Все годы активно участвовал в различных выставках.

Наряду с желанием рисовать, увлекаюсь стихами. Подготовил три тома своих стихов «От всей души». Все годы провожу встречи с молодёжью, на которых рассказываю о военном детстве, читаю свои стихи, оформляю выставки своих работ на темы: «Край, в котором мы живём» и «Россия – Родина моя».

Выставки моих работ прошли: в кинотеатре Первомайский, в методическом центре «Среднее Профессиональное Образование коммунальной сферы услуг», во дворце им А.М. Горького, в Эстетическом центре профессионального образования, в Доме учителя города Москвы, в колледжах, гимназиях, школах.

В прошлом во время командировок оформлял выставки во Дворцах культуры Советско-венгерской дружбы в г. Будапешт, Советско-польской дружбы в г. Варшава и Советско-югославской – в г. Белград.

У меня прекрасная жена. От двоих детей есть трое внуков.

**«Правду о Ржеве скажут только тогда,
когда умрут все, кто здесь командовал...».**

Ветеран боёв за Ржев в личной беседе.

Ржевская битва 1941-1943 гг. – самая кровопролитная битва за всю историю человечества. И самая замалчиваемая историками.

На Ржевском плацдарме стояли две трети дивизий армии «Центр» для наступления на Москву.

Потери советских войск в боях под Ржевом составили более 2-х миллионов человек, вдвое превысив потери в Сталинградской битве.

В лесах подо Ржевом погибла 29-я армия. Сам город был превращен в лунный пейзаж.

От 40.000 населения города осталось всего 248 человек.

После ожесточённой пятнадцатимесячной битвы Ржев так и не был взят – немцы сами отошли на заранее подготовленные позиции.

А ВОЛГА ПЛАЧЕТ

Защитникам Ржева

Четыре года мечтал солдат,
Как он вернётся в дом на заре,
И как утешит отца и мать,
Прижмётся сердцем к родной земле...
Последний выстрел – и взят рейхстаг!
Солдат усталый спешит домой.
Враг уничтожен, повержен враг:
Его штандарты на мостовой!

Триумф Победы – скорбь и печаль,
Слеза в ресницах, виски в снегах,
На женских лицах тоски вуаль,
Священный список на скрижалях...
Триумф Победы – смех и цветы,
Раскат салюта, покой земли,
Полёт высокий большой мечты
И детский лепет – как гимн любви.

Забутый не может кромешный ад,
Долину Смерти, бои за Ржев, –
Стоял тут насмерть, герой-солдат,
Во имя жизни рождая гнев.
Отпыхала огонь-гроза
Да откружилась метель с свинцом.
А Волга плачет: его друзья
В полях, в болотах спят вечным сном.

17 октября 2008

*(по следам документов,
представленных
историками-участниками войны;
взяты из материалов интернета)*

СУДЬБА НА МИГ СВЕЛА

Александре Машковой¹

Я не забуду миг, как пал я под Смоленском,
Очнулся: сквозь туман увидел образ женский.
Склонившись надо мной, ты мило улыбнулась:
«Ну, ешь скорей, дружок!» – И нежно прикоснулась.

Зубами скрежетал, но не стонал от боли,
С тобою «танцевал» я танго фронтовое
И уносился вдаль любовью неземною,
Качался на волнах, как чайка над водою.

А патефон играл, сквозь взрывы пробивался,
И я в твоих глазах тонул, но не спасался.
Судьба на миг свела – на годы разлучила,
Спустя полвека нас опять соединила!

Хоть столько лет прошло, заснеженных метелью,
Я помню силуэт: в халате Ангел Белый.
Живут во мне слова и танго фронтовое,
Твой рыжий завиток, взгляд серый с синевою.

Твой образ все года мне не давал покою,
Медвяный запах кос, взгляд серый с синевою...
Склонившись надо мной, лукаво улыбнулась:
«Ты должен жить, солдат!» – губами прикоснулась.

26 апреля – 18 ноября 2008

¹Повар во время Великой Отечественной войны

Мария Веселовская-Томаш

АЛЕКСАНДРА ГЕОРГИЕВНА МАШКОВА

1940 год

В 2005 году у меня вышла в свет документально-художественная повесть «Неиспитая чаша любви». В ней идёт речь об оккупации Смоленска фашистами в годы Великой Отечественной войны с 16 июля 1941 по 25 сентября 1943 года. Защитницей этого древнерусского города как раз и была шустрая, бойкая, невысокого росточка молодая мамочка Шура. Она успела выйти замуж до начала войны и стала Александрой Машковой. О таких, как она, говорят: «Мал золотник, да дорог!». Сама, как напёрсточник, а сколько доброты, ласки, нежности, тепла излучало её сердце! А, если добавить, что Шура на фронте развозила солдатам обеды, то можно представить, сколько солдат запомнили её щедрую душу и ловкие руки! Сколько раненых солдатиков напоила водицей она! Не раз наливала суп или подавала кашу под звуки артобстрела, «песни» «Катюш». Через годы солдаты сохранили милый образ Шурочки. И для многих солдат её лицо было последним образом в закрывшихся навсегда глазах.

*Несколько экземпляров своей повести я отправила в музей Великой Отечественной войны города Смоленска. Потом, как оказалось, один экземпляр книги подарили Александре Георгиевне Машковой. Александра Георгиевна показала повесть своей доброй знакомой секретарю Совета ветеранов 215 стрелковой дивизии **В.М.Трубиновой** в городе Москве: в пове-*

сти есть глава и об её отце **М.Е.Кашковском**. Через Валентину Матвеевну в 2008 году мне посчастливилось попасть в «Музей славы» на Поклонной горе на Международную конференцию, посвящённую Ржевской битве (городу Ржеву накануне, в ноябре 2007 года, было присвоено высокое звание «Город воинской славы»). Там я познакомилась и с Александрой Георгиевной.

Эта женщина меня потрясла с первых минут: обаятельная, жизнерадостная, хохотушка. Тогда в свои 90 лет, как челнок: без устали говорила, вспоминала, острила, смешила.

А.Г.Машкова прочла первый выпуск альманаха «Алтарь Отечества», вышедший в свет в 2010 году, похвалила и поблагодарила. Это дорогого стоит. На мои слова о том, что мы должны, обязаны благодарить победителей за Победу, Александра Георгиевна возражала и твердила: «Нет, нет, спасибо за память Вам, за то, что Вы делаете! И не возражайте!». Для будущего тома альманаха предоставила материалы о своей жизни. А жизнь этого человека длинна, богата различными историческими яркими событиями, коллизиями, связанными с историей нашей страны. Порой была грустной и весёлой, лёгкой, местами – очень трудной, а, в общем-то, счастливой! Девушке Шуре пришлось защищать не только Смоленск. С первых дней войны, будучи санитаркой, Шура защищала Тулу. Была и кладовщицей: кто, как не Шура, смог бы так тщательно, точно всё держать в строгом порядке! Затем Александра, со слезами – не разрешали «напёрстку» под снаряды! – вырвалась в артбатальон, защищала Ржев, Смоленщину, Белоруссию. И осталась жива! Александра доказала, что на фронте дорог каждый солдат: санитар ли, кладовщик или повар... Высокий или крохотного росточка...

О фронтовиках написано много книг, немало снято фильмов, поётся много потрясающих песен! Слава им! Пусть живут ещё долго эти необыкновенные люди, победившие фашизм и подарившие нам жизнь! О войне пусть узнают дети только из материалов музеев, государственных и частных, домашних, таких, какой «соорудила» Александра Георгиевна на своём пятиметровом балконе... К ней приходят взрослые и дети, чтобы посмотреть на необычный музей. Александра Георгиевна не только защищала жизнь других когда-то, но и живёт только во имя других сегодня! Заботой о будущем маленьких сограждан наполнена вся её жизнь!

И пусть растут дети под звуки музыки, а не взрывы снарядов... Пусть никогда не плачут от боли!

Мария Веселовская-Томаш
2011

Родители, старшая сестра и брат

МАЛ ЗОЛОТНИК, ДА ДОРОГ!

Георгий Дмитриевич Мосякин до Октябрьской революции 1917 года служил камердинером у графов Шереметьевых. Серьёзный молодой человек встретил такую же девушку Наташу, Наталью Дмитриевну Ульянову. Поженились. В семье Мосякиных 18 апреля 1918 года в деревне Ново-Никольское Плавского района родилась дочь **Шура**. В их семье, кроме Александры, были ещё Антонина и Василий.

В 1936 году Александра окончила курсы (потом на их базе откроют Тульский педагогический институт) и до июня 1941 года работала учителем. Она преподавала в школе до самой войны физику и математику. С 1941 по 1945 год – рядовой 5-го автобата. На пенсию вышла в 1996 году, в 78 лет! Александра Георгиевна полна задора, энергии, жизнелюбия! С удовольствием общается с семьёй старшей сестры. Ведёт уроки мужества среди школьников города Тулы. Ни дня покоя! И спешит, спешит...

А.Г.Машкова в Центральной библиотеке № 271 им. Ф. Гладкова г.Москвы 11 мая 2010 г.

В Подростковом клубе города Тулы

Думы Гитлера в 41

Думы Гитлера в 41
 Выход Москва без боя,
 Но Москва встала стеной.
 Полюс - германский
 Душа Гитлера в 41
 Хотел же был фриц там,
 А Тулу выставил тамкам
 Гитлерина

Свой победоносный
 Тульский
 Душа Гитлера в 41
 Ленинские Симоненки
 Разгорелась из что страсти
 Алет-полстому вылетели
 Сарафане круты выворот,
 Не дай же круты выворот,
 Оу Симоненки от ворот
 Оу Симоненки аргаты на запад,
 Без лютной баты на запад!
 Душа Гитлера в 41
 Сталинград прибрать
 в Сталинграде бой кровавый
 в Сталинграде бой кровавый
 в Сталинграде бой кровавый
 в Сталинграде бой кровавый
 в Сталинграде бой кровавый

Потеряла и колечко, А в колечке 22 движения.

Потеряла и колечко,
 А в колечке 22 движения.
 И снова однокорный в бой,
 И снова - выше туч,
 В Курске слово из-под Гомля,
 И снова - выше туч,
 Громкая армия за судьбы
 Громкая армия - городцы
 Отважный летчик - геройский
 Иван Антонович Лесов.
 А. МАШКОВА,
 участнице обороны Тулы

Сожалею, что этот том альманаха никогда не возьмёт в руки Александра Георгиевна!

Пришло печальное известие: её не стало в ноябре 2012 года. Она прошла достойный путь длиной в 94 с половиной года. Но ведь ничего не стоило Всевышнему его продлить до 100 лет! Право же: она заслужила.

Музей стал государственным: он перешёл в Гимназию № 10 города Тулы. И после ухода с планеты Земля Славный Ветеран Машкова стоит на страже мира – воспитание подрастающего поколения всегда было в послевоенной жизни приоритетным для неё.

*Мария Веселовская-Томаш
25 января 2012*

ПЛАЧЕТ МАРЬЯ ПО ИВАНУ

(Дойна)

Ах, зачем цыганка мне гадала,
Ах, зачем всю правду рассказала,
Что моё недолгим будет счастье,
Горьких слёз придётся выпить чашу?..

Карты на стол бросила-раскрыла,
Боль моей души не утаила:
«Любишь, Марья, милого Ивана,
Для него лишь ты одна желанна.

Только выпадают две дороги:
Улетит твой сокол от порога.
Колесить тебе по белу свету...
Не скупись, подкинь ещё монету!

Вновь раскину карты, погадаю.
Карты не обманут – точно знаю!
Жизнь твоя пройдёт в большой печали:
Твой Иван...». – Тут карты замолчали.

Ах, зачем цыганка мне гадала,
По руке судьбу мою читала?..
Аист над гнездом моим не вьётся,
Молодому сердцу не поётся.

Ах, не знать бы правды, не терзаться,
Милого б с войны живым дожждаться...
Плачет осень грустными дождями,
Плачет Марья вдовьими слезами.

Плачет Марья по Ивану
Плачет вдовьими слезами...

*Мария Веселовская-Томаш
Ноябрь 1996*

ПРЫЖОК В ПРОШЛОЕ

Весна, запах сирени проникает через раскрытые окна, заполняя своим благоуханием всё пространство.

Светлый школьный коридор. На низкой скамейке сидит пожилой обаятельный, сильный мужчина в чёрном пиджаке, который украшают многочисленные медали. Он держит маленькую ручку девочки – она на инвалидной коляске. Они специально остались после встречи клуба «Юный полярник», который вела учитель географии Кира Никитична Ковалёва в Пущинской* школе, чтобы ближе познакомиться.

Девочка молчала, стесняясь своей поражённой параличом речи. Но она очень старалась запомнить ощущение мощной руки, открытую улыбку и добрый взгляд, так как понимала, что эта встреча для неё знаковая: перед ней сидел **Виктор Михайлович Перов** – Человек-легенда, яркая личность с непростой судьбой, заслуженный военно-полярный летчик, кавалер

* Пущино – мой родной наукоград, находится в одном из красивейших, живописных мест Московской области.

лер высшей награды Бельгии – Ордена Короля Леопольда Второго, а также – Ордена Короны.

Имя Виктора Перова сейчас носит одна из снежных гор Антарктиды и необычная, экзотическая местность нунатак**.

Никто не ожидал, что почти сразу после знакомства между ними завяжется недолгая, но интересная переписка и крепкая дружба.

«Здравствуй, милая девочка Машенька!» – именно так обычно начиналось его письмо. После очередной госпитализации он писал: *«У меня были очень хорошие и сильные ноги. Вот только проклятая война! На фронте дважды калечили и на удивление врачам, я необыкновенно быстро поправлялся. Особенно после второго ранения, я поднялся почти из безнадежного состояния на удивление всей медицине, после чего пролетал ещё более 30 лет летчиком-инструктором на всех типах самолетов».*

Великая Отечественная Война покалечила миллионы людей, не только солдат, воевавших на фронте, но и их родных и близких. Её страшные раны причиняют боль им всю жизнь. О той войне много пишут книг и снимают фильмы, но солдаты, которые, действительно, прошли по полыхающим военным дорогам, часто рассказывают о ней с неохотой, как бы оберегая всех нас от ещё более страшной правды.

Виктор Михайлович Перов тоже, возможно предпочёл бы молчание, если бы не осознание им того факта, что его жизнь и подвиги, послужат ярким примером для многих людей. Это осознание и послужило толчком к написанию книги «Полярными трассами», в которой он многие главы посвятил своим военным годам.

Его самолёты были дважды сбиты в воздушных боях.

– Я прекрасно понимал, что шансов спастись у меня практически не было, – вспоминает Виктор Михайлович. – Высота чуть больше тридцати метров. Если выпрыгну – парашют не успеет раскрыться... Но выхода не было, сгореть заживо в кабине самолёта мне не хотелось, и я пытался покинуть его. Задыхаясь в чёрном дыму, левой рукой нащупал кольцо парашюта и дёрнул. Конечно, это было чудо, что под встречным потоком воздуха

** Нунатак – Сегодня на карте мира нечасто увидишь объекты, удалённые на десятки тысяч километров от России, носящие имена наших современников. Тем более в Антарктиде, открытой ещё в 1820 году русскими мореплавателями М.Н. Лазаревым и Ф.Ф. Беллинсгаузеном. Именем Виктора Перова там названы два объекта: гора и экзотическая местная природно-географическая реалья – нунатак. Это одиночная скала, вершина, выступающая над поверхностью ледника. Слово из языка коренных народов Аляски, Гренландии, Канады и Чукотки стало научным термином: Нунатак Перова.

парашют раскрылся и буквально выдернул меня из огненной кабины. Я не успел опомниться, как оказался на земле – на краю деревни Карамышево с двумя пулями в левой ноге и обширными ожогами. Недалеко от меня упал и мой самолёт, пылал мощным костром».

После этого случая Виктор Михайлович часто сетовал на то, что в то время практически у всех самолётов СССР не было радиосвязи. Он считал, что именно плохое оснащение явилось причиной многочисленных трагедий неудачных действий авиаполка:

– Ой, как дорого стоило нам несовершенство техники, на которой нам пришлось начать войну! – Говорил лётчик.

Мне вспоминаются его рассказы о том, насколько он был удивлён тем, что после выздоровления его послали не на фронт, а на перегонку самолётов с Аляски в Красноярск, на перегоночную авиадивизию. Воздушный мост в годы войны стал настоящим адским испытанием для людей и крылатых машин. В мире ничего подобного ещё не существовало.

Виктор Перов в центре своих коллег.

На неприспособленных к длительным перелётам и к сильнейшим морозам истребителях приходилось преодолевать огромные расстояния, понимая, что в случае чего на аварийную посадку идти некуда. Благодаря такой трассе фронт стал получать такие необходимые ему истребители. Более трёхсот истребителей перегнал только один капитан Перов.

Именно такая воздушная трасса определила дальнейший путь Виктора Михайловича и привела его в победном 1945 году в полярную авиацию «Главсевморпути»: он стал командиром Московской авиагруппы особого назначения.

Много событий в «полярной жизни» Виктора Перова связано со спасением в невероятно сложных условиях людей, терпящих бедствие в ледяных просторах Арктики. Особенно запомнился его рассказ о пропавшей бельгийской экспедиции. Никто не рискнул в сложнейших метеоусловиях вести поиски, только Виктор Перов самостоятельно принял решение лететь на помощь, выполняя неписанный закон полярников: «Рискуй, но выручай товарища из беды».

– А что такое жизнь? – Неоднократно крутились мысли в голове у Перова, – есть ли чего-то дороже, кроме этого мига сознания и бытия? Ради этого бесценного дара абсолютной и чистой реальности, действительно, стоит рисковать.

Весь мир с замиранием сердца следил за бескорыстными действиями полярного лётчика Перова в течение пяти дней и ночей. Он выполнял рискованные непрерывные полёты в невероятно сложных условиях и всё-таки нашёл бельгийцев, которые к тому времени жили только последней надеждой.

Подвиг экипажа Перова растопил лёд «холодной войны» между Бельгией и СССР. В 1959 году было организовано Общество советско-бельгийской дружбы, в котором Виктор Михайлович на протяжении многих лет был председателем.

Многое можно вспомнить об этом удивительно сильном человеке, но ещё интереснее прочесть в его собственной книге и в разных произведениях других авторов о нём.

Помимо знаменитых бельгийских наград (я о них писала в начале своего рассказа), Виктор Перов имел два ордена Ленина, два ордена Красного Знамени, два ордена Отечественной войны I степени, два ордена «Знак Почёта», медаль «За отвагу», много других медалей и почётных знаков, в том числе, Почётный знак Российского комитета ветеранов войны и знак «Почётный полярник».

Делая «прыжок» в прошлое, я вспоминаю одно из его последних писем:

«Я за свои 80 лет объездил и облетал практически весь мир, сделал массу добрых дел для людей, но, несмотря на это, часто расстраиваюсь и плачу по причине своей немощи. И совсем озорчительно, что ты, моя милая

Николай Александрович Платонов

... и слышится звон орденов

крошка, только появившись на свет, оказалась в таком же незавидном положении. Восхищаюсь твоим мужеством и жизнелюбием. Живи, моя милая, и старайся творить в меру своих сил добрые дела для человека. Обнимаю тебя, буду стараться брать с тебя пример и с нетерпением ждать твоих милых и добрых весточек. Твой приёмный дедушка Витя».

Мне часто снится сон, будто я самостоятельно стою на высокой горе, ощущая всей грудью абсолютную свободу. И теперь я чётко осознаю, что это Ваша гора. Всю жизнь стараюсь выполнить просьбу, следуя Вашему яркому примеру, я живу для людей. Я благодарна Богу и судьбе, что в моей жизни была такая встреча и дружба с Вами, за то, что я имела честь поддерживать Вас своими детскими письмами и называть Вас «Дедушка».

*Мария Селихова
2012*

Надпись на обороте: Юхмачи. Платонов

Николай Александрович Платонов родился ещё в начале прошлого века в деревне Юхмачи Татарской АССР.

Женился в своё время на Тасе (это моя бабушка, на которую, говорят, я очень похожа). Бабушку не помню: она умерла совсем молодой, в двадцать пять лет. На фотографии с дедушкой и бабушкой стоит мой отец – Владимир. Сидит – Саша, его брат, который умер в шесть лет.

В нашей семье сохранились только две фотографии. Их копии мне дал дядя Борис. Борис и Владислав: сыновья деда от второго брака. Они – продолжение ветви Николая Платонова.

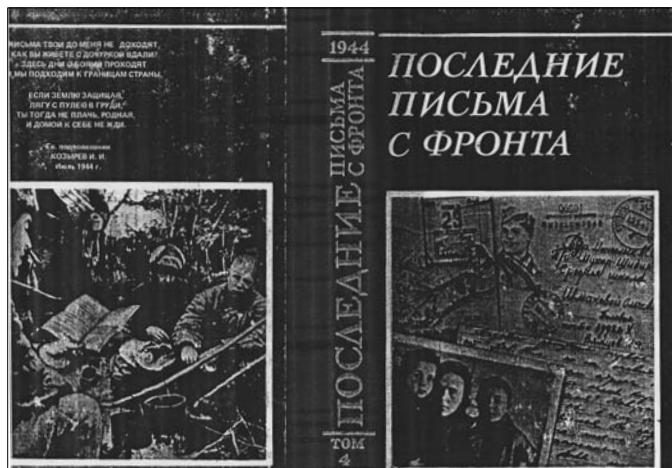
С фронта дед не вернулся, пал без вести на поле боя... Многие годы мы, потомки Николая Александровича Платонова, ищем следы его захоронения. Обращались в разные инстанции. Очень мало сведений удалось разыскать.

В томе 4 сборника «Последние письма с фронта – всего несколько крупниц о дорогом нашему сердцу человеке. Предлагаю копии последних писем деда. Да ещё карту, где предположительно захоронен мой дедушка.

*Людмила Туманова-Платонова
2011*

Николай Платонов с семьёй

Последние письма с фронта солдата Платонова

«МОРЕ НЕДАЛЕКО И КРУПНЫЕ ОЗЕРА»

Н. А. Платонов

«Экзистенту, мой добрый, милый Тасюшка, деточка моя, дочка и мамочка Вильда! Целую вас крепко-крепко и люблю, Тасюшка, целую за меня наших братьев Борчука и Вильда! Больше целую лет прошло, как я отбыл от своего родного дома. Самым лучшим и как писарею хотел быть вместе. И чем дальше, тем более становится это местом острей.

Добавление к тому же, что и совершенно не знаю, как вы живете. Это еще больше отражается на мне. Когда писал Ленинград и маршальские институты, читал, что там телеграммы и радио идут. Там тогда получал два письма телеграммой и радио. Как же теперь?.. Вероятно, писем, из своей бывшей части с продолжением тем... вероятно, писем, из провинции еще на прежний адрес.

При выписке из госпиталя получил товарищам по клубу передать мне письма на адрес 8143 «А», тоже это - Ленинград.

...был пробыл две недели писарем. Тоже не дождался. Возможно, товарищ по клубу тоже выехал. Прибыл на фронт адрес 7573 «В», где официально ждал отправки. Но вот в одно время сказали, что здесь плохо пробыл, и поэтому написал на адрес 8143 «А» товарищам, чтобы они мне корреспонденцию переслали с любовью сопроводившими.

Но мамой так, что этого никто не ожидал, быстро выехали в Ленинградскую армию на фронт. При этом в адресе 7573 меня не хотели оставить на той работе и специальности, на которую был назначен и сейчас. Только это было в ту же неделю от Ленинграда. Не успели оформить. Сейчас по всем этим адресам пытаюсь, чтобы уже тогда мне все прислали. А в тот же день говорили от тебя, что я работал учителем в средней школе.

Ты же в письмах у меня потеряла всякий дух меня документи. Писала в часть, чтобы прислали поно. И вот теперь иду и жду письма и документы. И в то же время не верится, чтобы все это и получал. Наверное, все это материализуется. Делай и обман.

Да, вот и на новом месте, хотя уже это определенно, потому что не так далеко? Прислать максимум боевом, тому выходящим специально боевые задания на периодичный срок, ближе к фронту. Если же только один из трех. Но будет надеяться на лучшее, чтобы последние посылки с прекрасным адресом.

Поскольку здесь часто переименовал, ведь море недалеко и крупные озера. Место красивое и отличное. Крутым камнем довольно периода.

Но как, Тасюшка, прислать май, послать посылку и какие результаты известны, как документы уберечь? Как прощальное отлучка? Как дела у Вовки? Как растут Борчука и Вильда? Да, так же, как и ты.

Ну, Тасюшка, пишу писарею. Жду не дождусь твоего маленького почерка и любимых слов. Целую крепко. Кля и паша.

30.04.44 г.

Письмо красноармейца Николая Александровича Платонова, оказавшегося последним, прозвучало тоской по родине и близким. Он, учивший одной из средних школ столицы Умугрети — Ижевск, ушел на фронт, когда ему уже было за сорок. Дома оставался жени Титина Петровна, педагог той же школы, пятидесятилетний сын Владимир, семилетний Борчука, вскоре родился и самый младший — Вильда.

Судьба Николая Александровича до войны сложилась драматично. Родился он в 1902 году в деревне Юмалы, Спасского района, Татарской АССР. Учился в Ижевске. После окончания педагогического училища работал в Татарии. В 1938 году был репрессирован, однако через год его реабилитировали, признав необоснованность обвинения и виновности в краже марок.

После этого Николай Александрович вместе с семьей возвратился в Ижевск, где поступил на вочное отделение Умугретиского техникума, готовящего специалистов.

...послать письмо, а в письме как два года назад, когда ты ушел, чтобы увидеть меня через чужих людей. Ты же тогда не паша, вошала и дошол к себе не жди.

Если землю заштыла, вугу с пулюва в гуади, ты тогда не паша, вошала и дошол к себе не жди.

С. И. Козырев и И. И. Козырев, 1944 г.

Больше очередь коммунистических настроений — тем и больше отступать. Милые письма много писали — приносите посылки.

14.04.43 г.

Из-под Сталинграда Николай Александрович убит под Ленинградом. Воевал в 22-м стрелковом полку 92-й стрелковой дивизии в роте химической защиты. В сентябре 1943 года он сообщал жене о награждении его медалью «За оборону Ленинграда».

«Эта медаль и получал, как в все в нашей части, подрабатывал, за ответственным участии в бою в обстановке...»

11.09.43 г.

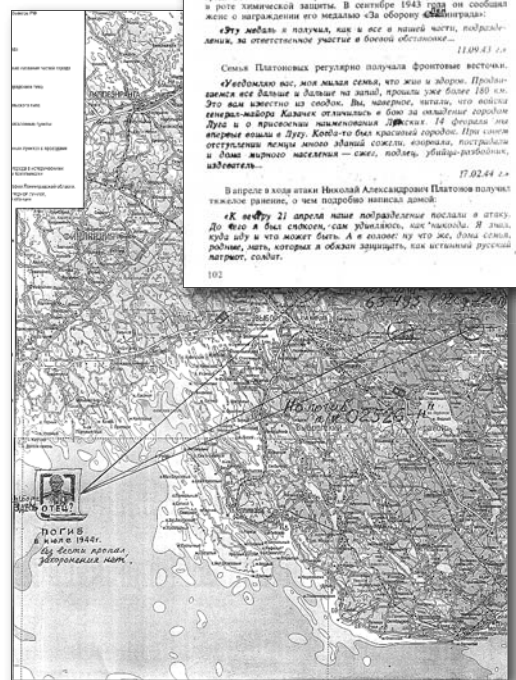
Сын Платонова регулярно получал фронтные весточки.

«Уведомляю вас, моя милая семья, что жив и здоров. Продолжается все дальше и дальше на запад, пройти уже более 180 км. Это вам известно из сообщений. Да, широким, читал, что послал генерал-майору Алексеев отчитывался о бою за оккупированный городок Луца и о расстреле немецкой эскадры. 14 февраля мы отступили в Луго. Кто-то был ранен в городок. При отходе отступили немцы много злобой сожгли, взорвали, построили и дома жарили насильно — смея, побили, убила-разбодили, избили...»

17.02.44 г.

Вспредел в ходе атаки Николай Александрович Платонов получил тяжелое ранение, о чем подробно написал жене.

«К вечеру 21 апреля наша подразделение послала в атаку. Да, вое в бое сержанта, сам убивался, как чуждым. В атаку, куда иду и что может быть. А в атаке: ну что же, дома семья, родители, мать, которая в обязан заботится, как стальной русский лагерь, солдат.

Место захоронения Николая Платонова

ВРАЧ Л. П. РЫБАКОВА: СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ

Семья Царицыных родом из станицы Ильской Краснодарского края. Отец, **ЦАРИЦЫН Платон Васильевич**, был врачом; мать – **ЦАРИЦЫНА Анастасия Ксенофоновна** – учительницей.

В 1937 г. семья переехала в Ставропольский край. Перед Великой Отечественной войной Царицыны жили в г. Ессентуки, где Платон Васильевич был главным врачом больницы.

Отец – коммунист, мобилизован 20 июня 1941 года; ушел в отставку в мае 1946 г. Он прошёл всю войну на передовой в чине майора начальником медицинской службы Гвардейского миномётного полка на фронтах Сталинграда, Подмосковья, Киева, I и II украинских направлений. Имел много наград и персональную благодарность от руководства армии, так что дочери было с кого брать пример.

Людмила была в оккупации с августа 1942 г. по декабрь 1943 г. в г. Ессентуки. В первый же день оккупации немцы изгнали её и мать из квартиры (ул. Оборонная) на площадь, но не успели уничтожить: спасли люди. За период оккупации фашистами было издано до 160 приказов и каждый раз с определенными требованиями и угрозами населению.

Постоянно, днём и ночью, шли облавы. Как в домах, так и в общественных местах (на улице, рынке, огородах), немцы искали коммунистов и партизан. Обычно во время облав фашисты уничтожали каждого пятого или десятого человека или каждый четвертый – пятый или десятый дом. Людмила дважды попадала в облаву эсесовцев (офицеров). Они гнались за ней и обстреливали её, но, так как она знала район, ей удавалось убежать и скрыться. После этого она чувствовала слезку, но вскоре пришли наши войска и опасность миновала.

Облавы Людмиле снились ещё в течение двух лет после войны.

Немцами был установлен комендантский час с разрешением выхода на улицу с 8 до 16 часов, а в остальное время появлявшихся там людей уничтожали. Были уничтожены и все евреи. Сначала они обязаны были носить 6-конечные звезды белого цвета на левой стороне груди. Затем их собрали в здании школы им. 25-летия Октября с минимальным количеством вещей и вывезли на «студебеккерах» в Минводы, где их уничтожили в противотанковых рвах и засыпали землёй. Чудом осталась живой одна женщина: при расстреле в неё пуля не попала и она выкарабкалась из-под земли после отъезда немцев. Её приютили в Ессентуках на ул. Кисловодской и она рассказала все об уничтожении людей. По доносам немцы выявили группу коммунистов и всех расстреляли. Некоторых девочек забрали и угнали в Германию.

Большую роль в уничтожении интервентов сыграло партизанское движение под руководством командира Пуда, а после объединения Кисловодской и Ессентукской групп партизан – **КОЛТУНОВА-ДАВЫДОВА Ивана Ивановича**. Партизаны располагались в лесах горной местности в районе станицы Боргустанской, в то время входившей в Ессентукский район.

Людмила была связана с партизанами. Для получения оперативной информации партизаны её устроили в немецкую гимназию, т.к. она немного владела немецким языком; задания выполняла успешно. Во время занятий эсэсовцы появлялись 2-3 раза в день.

Утром 11-го января 1943 года партизаны вступили в г. Ессентуки со стороны «Белого угля». Шла конница с красными знамёнами – это было великое счастье. Наши войска наступали со стороны станицы Суворовской. Немцы бежали и обстреливали город с противоположной стороны. Немецкие самолёты нещадно бомбили город. В городе остались только румынские части, которые вскоре были уничтожены и город был освобожден. Жители Ессентуков всегда с большой благодарностью вспоминали партизан за их великий подвиг во время войны.

В феврале 1943 года мать Людмилы, Царицына Анастасия Ксенофоновна, была приглашена в г. Пятигорск, в то время краевой центр, главным прокурором Северо-Кавказского военного округа, который информировал её о том, что она и её дочь были в списках на уничтожение путём показательной казни. Нем-

цами были подготовлены все документы для уничтожения, но они не успели выполнить свою задачу, т.к. в город вошли наши военные части и партизаны.

В г. Ессентуки Людмила училась в школе № 3 им. Дзержинского по 7-й класс, где в 1943 г. была принята в комсомол и избрана секретарем комсомольской организации.

После оккупации с 1943 г. и до окончания войны школьники сочетали учебу с работой в совхозе им. Тельмана по посеву и посадке овощей, прополке и уборке зерновых и картофеля, дежурили в госпитале, ухаживали за ранеными, писали солдатам письма домой, устраивали концерты. После разделения школы по полу учащихся, Людмила была переведена в школу им. 25-летия Октября, которую окончила в 1946 г. с серебряной медалью и в том же году была принята без экзаменов на лечебный факультет 2-го Московского медицинского института им. Н.И.Пирогова, окончив его в 1952 году.

Тут можно было бы поставить точку: слишком молода героиня моего рассказа об участнице борьбы с врагом в годы войны. Но я хочу рассказать о том, каких высот достигла она, представительница поколения тех, кого мы называем «Дети войны».

В первый год по окончании института Людмила Платоновна работала гинекологом в Ессентукской водогрязелечебнице, одновременно учась в аспирантуре по специальности бальнеология. С 1953 по 2004 г.г. уже работала в Новороссийске по специальности организатор здравоохранения: заместитель заведующего горздравотделом, заместитель главврача; с апреля 1977 г. – главный врач еще строящейся Центральной городской поликлиники, о котором писал в газете «Новороссийские известия» главный редактор этой газеты, характеризуя её, как ответственного и авторитетного руководителя:

«Л.П. Рыбакова – врач высшей категории на протяжении 20-ти лет и кандидат медицинских наук по организации здравоохранения с правом работы на профессорской должности».

За период работы (врачебный стаж – 53 года, из них 40 лет – по организации здравоохранения) под руководством Л.П. Рыбаковой было построено и введено в эксплуатацию несколько лечебных учреждений в г. Новороссийске: водогрязелечебница, стоматологическая поликлиника, детская молочная кухня, Центральная городская поликлиника (ЦГП).

ЦГП имела свою славную историю, а Людмила Платоновна была первым руководителем в её истории, проводила контроль за выполнением плана строительства поликлиники и качеством стройки, осуществляла подбор кадров и материальное обеспечение этого лечебного учреждения (мебель, медтехника и др.); решались вопросы организации медицинской помощи.

С самого начала стройки И. Ищенко, первый секретарь горкома КПСС, взял обязательство построить поликлинику за 8 месяцев. Новороссийску её очень не хватало, т.к. город в брежневское время, особенно после присвоения звания «Город–герой», развивался опережающими темпами, финансировался из отдельного бюджета страны, соответственно, население быстро росло.

Обязательство партийного руководителя выполнили быстро и в срок, правда, пришлось, как говорится, попотеть. На месте поликлиники был не только пустырь, но и болото. Понадобилось несметное количество машин – 100! – и не один день, чтобы засыпать эту зыбь. Поликлиника, без всякой натяжки, была народной стройкой. Ежедневно городские предприятия и организации направляли сюда по 100–150 человек, а по субботам шли на работу в поликлинику колонны новороссийцев со знамёнами под звуки фанфар. Первый секретарь горкома КПСС встречал их перед зданием, а в два часа принимал рапорты о проделанной работе.

В начале ноября 1977 года состоялось официальное открытие поликлиники. У её входа был установлен барельеф с датой открытия и фамилиями участников строительства. Здание городской поликлиники по своему объёму отвечало областному масштабу и состояло из трёх связанных между собой корпусов: детского, взрослого и специализированных служб.

Несколько месяцев работа осуществлялась только на трёх этажах из семи. Сотрудники ЦГП принимали активное участие в оснащении кабинетов. Любопытный факт: 50% мебели и лифтовые жалюзи сделаны на Новороссийском заводе по чертежам главного врача Л.П. Рыбаковой. К 8 марта 1978 г. все этажи были обеспечены мебелью и медицинским оборудованием, а также работой лифтов.

Тогда и теперь – это самая большая поликлиника Кубани и одна из крупнейших в стране. Она рассчитана на 1600 посещений в смену; в день принимала 2000 – 3000 человек.

Поликлиника была межрайонным консультативным центром; приём велся по 25 специальностям.

Министерством здравоохранения поликлиника была утверждена объектом показа интуристам. 8 марта 1978 г. поликлиника принимала первых интуристов. Это были поляки – работники Министерства здравоохранения во главе с министром и медицинские руководители областей Польши. Специалисты внимательно ознакомились с работой всех кабинетов и восторженно повторяли: «Это чудо медицины!», т.к. кабинеты были оснащены новейшим медицинским оборудованием того времени. Здесь побывали и оставили восторженные отзывы представители более 25 стран, в том числе, делегации из Греции, Италии, Японии, Китая, Англии и США.

Людмила Платоновна с радостью вспоминает, как обустраивали парк вокруг поликлиники. Сосна, туя, ель, каштан, японская роза и другие породы деревьев отлично прижились. Все сотрудники ЦГП хорошо ухаживали за ними. Ещё была большая сосновая аллея. Высаженные в те дни деревья сейчас стали просто огромными – настоящий южный парк. Рядом со зданием поликлиники был создан огромный спортивный комплекс, где занимались шестью видами спорта. Здесь проводились городские и краевые соревнования медицинских учреждений и сотрудники ЦГП ежедневно делали зарядку. Рядом со спортивным комплексом были разбиты цветники.

В 1982 году Новороссийским отделом здравоохранения по согласованию с Министерством здравоохранения был проведён организационно-структурный эксперимент: по территориальному принципу создано больнично-поликлиническое объединение № 1 (БПО № 1). В этот комплекс вошли: ЦГП на 1600 посещений в смену, городская поликлиника на 800 посещений в смену, городская больница на 1200 коек, городская женская консультация на 400 посещений в смену, родильный дом на 160 коек и пригородная амбулатория. Общая численность работников составляла 2500 человек. Пищеблок БПО № 1 обслуживал также инфекционную больницу на 300 коек дополнительно. В бытность руководителем БПО №1 Л. П. Рыбаковой в ЦГП были приглашены на работу такие «узкие специалисты», как сурдолог, фониатор, ангиохирург, открыты кабинеты электросна и механотерапии, городской травматологический пункт, два бассейна (для взрослых и детей), лечебные души трёх видов, стоматологическое отделение на 12 кресел и кабинет зубопротезирования.

Для перенесших инсульт и инфаркт миокарда был оборудован и введён в эксплуатацию кабинет реабилитации, в котором имелись разные виды дорожек: гладкие и с гравием, японский мостик, настоящий действующий светофор, разные лестницы, домашние приборы (газовая плита, звонки, кухонная раковина с краном и другое). Пациенты учились ходить, зажигать газовую плиту, на стендах застегивать пуговицы, закрывать и открывать замки и совершать другие необходимые действия в бытовой жизни.

Был организован центр плавания грудных детей. Принимались дети в возрасте до 6 месяцев. Таких центров в стране насчитывалось всего 7. Оздоровление в бассейнах трудно переоценить. Обычно до 70-80% детей подвержено простудным заболеваниям, а занимающихся плаванием – до 30 %, что является хорошим клиническим результатом. В стационаре также были открыты новые отделения ангиохирургии и искусственной почки.

Оборудовано бомбоубежище на 120 коек с автономным электрообеспечением, водопроводом и вентиляцией.

Коллектив был сплочённый. Работы всегда хватало, но трудились с энтузиазмом. Трудности во время организации поликлиники сплотили народ. Отношение

к дисциплине – самое строгое. Каждый сотрудник чувствовал личную ответственность. Наставники помогали молодым специалистам влиться в коллектив по принципу: один за всех и все за одного. Все работали на совесть, но умели и отдыхать. В БТО № 1 было два самостоятельных самодеятельных кружка – «Малиновка» и «Наши друзья». Пели, играли, танцевали. В ЦГП имелся хороший буфет, где всегда было первые, вторые блюда и сладкое. Все любили и охотно пользовались этим буфетом. Сохранились грамоты и призы поликлиники того времени.

Л.П. Рыбакова – член совета президиума Всесоюзного научного медико-технического общества ВНМТО. Сейчас переименовано в Академию медико-технических наук (АМТН) – суть не изменилась. Эта организация объединяет в своем коллективе крупных ученых и специалистов в разных областях медико-технических наук, представителей здравоохранения, изобретателей, разработчиков и производителей медицинской техники. АМТН осуществляет деятельность на стыке медицины и техники.

Л. П. Рыбакова организовала в городе Новороссийске медико – техническое общество с подчинением ВНМТО. В Новороссийске проводились городские и союзные конференции. Новороссийское медико-техническое общество на протяжении многих лет занимало в стране следующее за Москвой и Ленинградом место по качеству работы.

Людмила Платоновна выполняла большую общественную работу: 18 лет на общественных началах была заведующей отделом науки, культуры и здравоохранения городского комитета народного контроля. Девять лет она возглавляла подразделение по контролю за алкогольным состоянием водителей. Неоднократно избиралась членом городского совета. В Высшей школе на философском факультете в отделении пропаганды и агитации Л. П. Рыбакова-Царицына являлась ведущим специалистом.

Рыбакова Людмила Платоновна за многолетний и качественный труд имеет несколько наград. О своих достижениях и регалиях говорит скромно. Людмила Платоновна имеет одно зарегистрированное изобретение. Она – «Отличник здравоохранения», «Отличник гражданской обороны», «Почётный член ВНМТО»; имеет Почетный диплом СЭВ за активное участие и вклад в научно-техническую интеграцию стран СЭВ в области создания медицинской техники, а также за заслуги в организации её производства и внедрения. За выполнение правительственного задания в Португалии она награждена орденом «Дружба народов». Имеет медали за «Доблестный труд» и «Ветеран труда».

По настоящее время Новороссийск с радостью и благодарностью вспоминает Людмилу Платоновну за внесённый ею вклад в оздоровление жителей города.

Е.В. Стеблина

(об авторе – см. отдельную главу ниже)

ПАРФЕНИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ТОМАШ

*На перекрёстках судьбы...
Справа налево: Отец и Сын.*

Как круты дороги фронтовые! Как непредсказуемы встречи! А ведь бывают среди них и счастливые!

На длинных, полыхающих военных дорогах Великой Отечественной в 1944 году на одно мгновение встретились два родных человека: мой дедушка **Парфений Васильевич Томаш** и совсем-совсем ещё юный отец, **Максим Парфеньевич Томаш**. Отец и сын! От которых тоже зависела судьба Мира.

Мой дед, Парфений Васильевич, родился 16 июня 1901 года в селе Шапте-Бань Бельцкого уезда. Не стало деда 6 сентября в 1984 году.

Бабушка **Довгань Домна Петровна** родилась 18 октября 1904 года там же. 13 апреля 1945 года, когда дед был ещё на фронте, бабушки не стало: в то время свирепствовал тиф. Деду отправили телеграмму с извещением о смерти, но так как на телеграмме не было печати, она не дошла до адресата. Дед и отец оставались в неведении до возвращения с фронта.

Судьба была благосклонна к ним: с войны вернулись оба. Правда, ранеными.

Одна-единственная фотография, дорогая реликвия тех огненных лет осталась на всю огромную семью: у деда было шесть сыновей и одна дочь, двенадцать внуков, семнадцать правнуков. Уже и праправнуки пошли. Некоторые из них – парадоксы истории – живут в Германии, Бельгии, Казахстане, Украине, России. И, конечно же, в Молдавии.

Долго родные искали старый фронтовой снимок в своих семейных архивах. И нашли! Нашли военный билет деда! Он был «призван к мобилизации Болотинским РВК в 1944 году 20 апреля в стрелковый полк № 232». Так и воевал он в этом полку до апреля 1945 года.

Вспомнили: дед рассказывал, как в 1944 году, едва выгнали румынских завоевателей с молдавских земель, как взрослых мужчин сразу вызывали в военкоматы: нужно было не просто выгнать врага, а добить!

До деда ушёл в военкомат отец мой. И только со снимком нашли и папин военный билет с короткими сведениями: вначале будущих солдат отправили на военные сборы, а затем – на фронт... С 14 апреля по декабрь 1944 года отец – стрелок 370-Запасного Стрелкового полка. А с декабря 1944 по март 1945 года – стрелок 222 Стрелковой Дивизии...

Уже чеканила свой шаг Победа, врага загоняли в своё логово, пахло весной...

На реке Одра, что в Германии, строили переправы. Стрелок Парфений Томаш также не стоял в стороне. И тут же рядом, на каком-то перекрёстке войны, пересеклись пути отца и сына! Молниеносно нашли фронтового фотографа: на память о встрече! Будет ли ещё новая встреча?! К счастью, она была. А пока их пути снова разошлись... При форсировании реки Одры 1 марта 1945 года мой отец был ранен в ноги: в правую голень и левую стопу. По июнь 1945 года отец находился на излечении в военном госпитале № 4440.

Дорогие мне люди, отец и дед, шагая под взрывами бомб и снарядов, скрежет танков и гул самолётов до самой Германии, принесли нам общую ПОБЕДУ над врагом. Память об этом связывает прочно народы, бывшие когда-то жителями одной огромной страны под названием СССР.

... 1 мая 2011 года. Мне сегодня написал дядя, Дмитрий Томаш (он на полгода старше меня), из Кишинёва:

«Марина! С праздником 1 МАЯ!!! Сегодня – день поминания усопших, поэтому никаких митингов и демонстраций, но 9 мая у нас будут митинги и демонстрация в честь ДНЯ ПОБЕДЫ!!! Настрой людей – боевой. У нас на работе один клиент на своей машине написал: «НА БЕРЛИН», «Т-34», «С ДНЕМ ПОБЕДЫ» и повесил ГЕОРГИЕВСКУЮ ЛЕНТУ. И так везде. Народу не прикажешь. Вот такие сейчас настроения».

Комок в горле. И брызнули слёзы из глаз. Думаю, вы понимаете состояние моей души...

ПЛЫВУТ ПО НЕБУ ОБЛАКА

Плывут по небу облака,
Как будто стая лебедей.
Спешат они издалека
Навстречу памяти моей.

Я открываю патефон,
Пластинку старую кручу,
И окунаюсь в дивный сон –
В нём с удивлением молчу.

Салют грохочет над землёй
И фейерверки – там и тут!
Пришла Победа к нам весной:
Фронтовики домой идут.

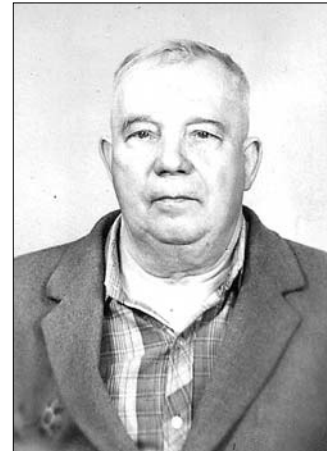
Мелькнуло милое лицо:
То мать ликует и поёт,
И на отцовское плечо
Меня растерянно кладёт.

Плывут над Родиной моей
В пыли солдатские версты,
Печаль и радость матерей,
Крик возродившейся мечты.

30 января 2009

Мария Веселовская-Томаш

Григорий Никитович Фёдоров

Григорий Никитович Фёдоров родился в 1915 году в семье крестьян в селе Головино Лотошинского района Московской области.

До войны работал там же кузнецом. Перед войной переехал в город Красногорск, где поступил на работу на Красногорский механический завод в литейный цех. Сразу после начала войны вышли постановления Совнаркома СССР «О мероприятиях по борьбе с парашютными десантами и диверсантами противника» и «Об охране предприятий и учреждений и создании истребительных батальонов».

Эти документы и послужили основой для создания истребительного батальона в городе Красногорске. Его главной задачей была **охрана особо важных объектов в городе и районе и борьба с диверсантами. Батальон являлся структурным подразделением НКВД.**

Личный состав батальона был представлен добровольцами из числа рабочих и служащих предприятий города Красногорска. Одним из таких добровольцев был и Г.Н.Фёдоров.

Бойцам истребительного батальона приходилось наблюдать за состоянием района, оповещать население о налётах вражеской авиации. Оказывать помощь в ликвидации последствий бомбардировок, тушить пожары, обезвреживать фугасные бомбы.

С началом генерального наступления немецких войск развернулась масштабная битва за Москву.

В середине октября 1941 года под Москвой сложилась очень тяжёлая обстановка. Над Москвой нависла смертельная угроза. Постановлением СНК все истребительные батальоны из ведения НКВД были переданы в состав войск Московской зоны обороны. Истребительный батальон Красногорского района вошёл в состав 4-ой Московской Стрелковой дивизии. 1-я рота истребительного батальона была придана 5-ому Стрелковому полку и впоследствии стала миномётной. Вот в этом подразделении прошёл миномётчиком всю войну Григорий Фёдоров.

В дальнейшем Григорий Никитович в составе 155-й Стрелковой (бывшая 4-я Московская Стрелковая дивизия) воевал на Калининском фронте, участвовал в боях на Курской дуге. Был тяжело ранен. Войну закончил участником встречи на Эльбе с американцами.

Награждён медалями и орденами.

*Надежда Фёдорова,
член Союза Художников РФ,
племянница Григория Фёдорова,
2011*

Г О В О Р Я Т Д Е Т И В О Й Н Ы

ОТРАЖАЛАСЬ
В ГЛАЗАХ ВОЙНА,
В КРИКАХ,
СТОНАХ
И В ДЕТСКИХ СЛЕЗАХ

Их семейного архива Алины Григорьевны Винничек

Ярослав Пичугин

ДЕТИ СОРОК ПЕРВОГО

(Владимиру Опойкову)

Кто в мир заглянул накануне
И позже, в начале войны...
В том страшном, не минувшем втуне,
А явленном в форме вины,

В обрывисто-злом сорок первом,
Когда в отступлении шли.
И всё, что держалось на нерве,
Немецкие танки сожгли.

Они под разрывы снарядов
Учились прилежно ходить,
Для матери были отрадой,
Как жизни ведущая нить...

И вышагать всё же сумели
За грани тех огненных лет,
Где снова шинельные ели
Всё держат в пространстве ответ.

И вот, первозданно седые,
Как будто пробившийся свет,
Не сдались окрестной гордыне,
У них заготовлено «Нет!».

Нет – злобе, чиновному сброду,
Нет – снова, конечно, войне,
Случайному ложному плоду
И смерти, ушедшей во вне...

Чехировская начальная школа
Попаснянского р-на
Ворошиловградской обл.,
май 1946 г. 3-й класс.
Стоит крайний справа
Лошаков В.Г.

ТАМ, НА ШАХТЕ УГОЛЬНОЙ...

(О моём военном детстве)

Этот жаркий июньский день 1941 года в Донбассе мне, пятилетнему мальчишке, хорошо запомнился прежде всего плачем моей мамы и старшей сестры у радиорепродуктора. Обычно о таких радиорепродукторах говорят как о чёрных тарелках, висящих на стене. Нет, в нашем доме он был тоже в виде тарелки, но не чёрной, и не висел на стене, а стоял на столе. Он был весь в зелёных рисунках, с каким-то тропическим лесом, пальмами, слонами, обезьянами. Я любил всё это рассматривать и всё пытался узнать от взрослых, почему оттуда звучит человеческий голос, и где там те дяди и тётки, которые разговаривают, смеются, поют, играют на гармошке, на балалайке и ещё на чём-то. Но взрослые отмахивались от моих вопросов, видимо, потому, что и сами толком не знали, как это объяснить.

Так вот, из этого объекта моего повышенного внимания пришла большая беда, название которой было «война». И эта беда касается всех, раз плачет мама и сестра Уляша, нервно перебирая мозолистыми пальцами, ходит по комнате хмурый отец. И глядя на всё это, я тоже заревел. И меня никто не

стал успокаивать. Потом все немного успокоились и потекли дни тревожного ожидания.

Мой отец, **Григорий Сергеевич ЛОШАКОВ**, 20-летним крестьянским парнем вместе с молодой женой – моей мамой, **Агриппиной Павловной ЛОШАКОВОЙ** (в девичестве **Калашниковой**), «вышел в степь донецкую» в далёком 1927 году, и начал работать коногоном, а затем – забойщиком стахановской бригады на шахте №14 рудника «Тоштовка» треста «Красноармейскуголь» в Попаснянском районе Ворошиловградской (ныне вновь Луганской) области, в 60 км от своей родной деревни Беседовка Старобельского района той же области.

С начала войны и до июня 1942 года отец продолжал работать в качестве десятника эксплуатации (горного мастера) этой шахты. Периодически его вызывали на военные сборы в райвоенкомат, но на фронт не отправляли, а возвращали опять на шахту. В его трудовой книжке, которая как святая реликвия бережно хранится в нашей семье, отмечены вызовы на эти сборы то на месяц, то на две недели, то на неделю.

Шахта № 14 работала и давала уголь до последних дней перед оккупацией Донбасса немецко-фашистскими войсками летом 1942 года. К этому времени наш район стал прифронтовым, и через наш пришахтный посёлок Чехирова шли отступающие части Красной Армии.

Часто наша квартира и двор наполнялись уставшими, запыленными красноармейцами, которые останавливались на ночлег или для краткого отдыха. Глядя на нас, они часто вздыхали, старались развлечь нас шутками, прибаутками, сказками, чем-нибудь угостить – обычно куском колотого сахара-рафинада с прилипшими крошками хлеба и махорки. Запомнился на всю жизнь один весёлый красноармеец, который сажал меня к себе на колени, щекотал своими колючими усами, бодал двумя пальцами в живот и под мой безудержный хохот приговаривал: «Идёт коза рогатая, орешки несёт богатые!». Игра часто заканчивалась моей икоткой, красноармеец угощал меня сахаром и лёгким шлепком отправлял к матери.

Но во время налётов немецкой авиации все куда-то разбегались, а мы всей семьёй вместе с иконой прятались в своём погребе; мама зажигала свечу и усердно молилась. Помню, как несколько раз видел низко летящие немецкие самолёты, которые десятками заходили на бомбёжку соседнего леса, где укрывались части Красной Армии. И от этих самолётов черными точками отделялись и летели вниз сотни авиабомб.

Советское Правительство в условиях смертельной схватки с фашизмом понимало, что «Во время войны уголь не просто топливо. Это танки, это самолёты, это оружие, это снаряды» – газета «Правда», 11 декабря 1942 года (газетная вырезка с этой фразой до сих пор лежит в трудовой книжке отца). Поэтому приказом Верховного Главнокомандующего все кадровые шахтеры,

металлурги, химики отзывались с фронта и направлялись в тыл на шахты, рудники, заводы, фабрики для интенсивной работы по обеспечению фронта всем, что необходимо было для разгрома гитлеровских захватчиков.

Не доехали до фронта и кадровые шахтёры Донбасса, с которыми мобилизован был мой отец. В то время, когда был объявлен приказ И.В.Сталина, они находились на формировании кавалерийской воинской части в летних лагерях около города Кирова, и оттуда были мобилизованы для работы на шахтах Мосбасса, Кузбасса, Печерского, Кизеловского и других угольных бассейнов страны. Отец был мобилизован на шахту № 29 треста «Донскоуйголь» комбината «Москвауголь», где он с 19 июня 1942 года приступил к работе в качестве горного мастера. Но его семья ничего этого не знала.

После мобилизации отца летом 1942 года связь с ним надолго оборвалась, так как наша мама с тремя детьми оказалась на оккупированной немецкими войсками территории и пережила все ужасы немецкой оккупации. И мы долго не знали, где наш отец, жив ли он, точно также, как и он, долго не знал, живы ли мы, где мы и что с нами.

Так случилось, что наш район оказался на пути главного наступления немецко-фашистских войск на Сталинград. И в этом же районе, на берегах Северского Донца шли ожесточенные бои зимой 1943 года, когда Красная Армия гнала фашистов на запад после их разгрома под Сталинградом. Таким образом, война дважды прокатилась опустошительным огненным валом по этим местам, и в нашем пришахтном посёлке Чехирова после его освобождения от фашистов не осталось ни одного жилого здания.

Мне хорошо помнится, как знойным летним днём 1942 года на улицы нашего шахтёрского посёлка с рёвом вошла колонна открытых немецких грузовиков, загруженных военной амуницией. Сверху на тюках одежды и другого какого-то армейского обмундирования сидели немецкие солдаты в серо-зелёных мундирах с засученными рукавами, играли на губных гармошках и аккордеонах. Мы, голопузая малышня, плескались холодной водой из-под водопроводной колонки (водопровод ещё работал). Увидев немцев, мы под крики наших матерей разбежались по домам, а немцы, весело гогоча, попрыгали с машин, стали раздеваться по поясу и заняли наше место у колонки.

Так я первый раз увидел немецких солдат. С их приходом и взрослые, и дети затаились по домам. Но таиться пришлось не долго. Вскоре начались обходы наших квартир. Почти каждый день в дом заходили группы вооружённых немецких солдат человека по три-четыре. Обычно молча, ничего не спрашивая, проходили в обе комнаты, осматривали их, требовали открыть шкаф и сундук. И забирали всё, что приглянулось: пальто, платья, костюмы, туфли, хромовые сапоги, часы. Таким путём мы лишились многого, в том числе и именных часов, которыми отец был награждён наркомом угольной про-

мышленности западных районов СССР за успехи в стахановском движении.

Однако вскоре первая волна грабежей прекратилась. Во-первых, уже нечего было брать, во-вторых, к нам на постой встал немецкий офицер. Он занял одну из комнат, в другой сгрудилась наша семья. Наш четырёхквартирный одноэтажный дом из природного камня-известняка был одним из лучших в посёлке. Таких было всего пять домов, построенных для стахановцев шахты. Кроме того, было ещё шесть двухэтажных деревянных бараков, а также большое количество частных домов, построенных самими шахтерами в посёлке около шахты, который в просторечии обзывался Шанхаем: «Где живёшь? – На Шанхае!».

Немецкий офицер был у нас на постое больше месяца, и это в какой-то мере оберегало нас от нашествий немецкой солдатни и местных полицейских. Надо отметить, что этот офицер был абсолютно равнодушен к нам – мы для него просто не существовали. И это уже было хорошо. Лишь однажды нашей маме пришлось переживать за нас, когда я заболел и всю ночь кашлял и плакал, не давал спать офицеру. И он в течение ночи несколько раз приходил к нам в комнату, светил мне фонариком в лицо и что-то сердито выговаривал матери, требуя, чтобы она меня успокоила. Потом офицер куда-то исчез, и начались наши самые чёрные дни.

Прежде всего, в конце лета нас выселили в деревянный барак, где мы заняли две пустых комнаты на первом этаже. На новом месте жительства большое внимание к нашей семье стали проявлять местные полицейские. Один из них работал вместе с отцом на шахте, и стал шантажировать мать тем, что он сообщит немцам о том, что наш отец был стахановцем – ударником, семью которого оккупанты обязательно пустят в расход.

Угрожая таким образом, он требовал с неё самогон, деньги, продукты. В преддверии зимы мать проявляла заботу о заготовке картофеля, овощей и других продуктов для семьи на зиму. И всё, что удалось вырастить на своём огороде, складировала в погребе, а также в одной из комнат, где было сложено много тыкв, початков кукурузы, выращенных нами на огороде, а также колосья пшеницы, собранные нами на заброшенных полях прилегающих колхозов. Мать как могла, защищалась от полицейского-вымогателя и вынуждена была менять запасенные продукты на самогон, чтобы хотя бы на время заткнуть глотку ненавистному шантажисту.

И уже к началу 1943 года иссякли почти все наши продуктовые запасы, опустел погреб, чему поспособствовали и набеги своих же ворюг-мародёров. И тогда мама принимает рискованное для военного времени решение – бежать от своего преследователя. Она собирает в два заплечных мешка кое-какие наши пожитки. На одни санки сажает шестилетнего сына (т.е. меня), на другие санки – мою трехлётнюю сестру Аню, и вместе со старшей сестрой Юлей (14 лет) среди ночи уводит всю семью из шахтёрского посёлка к даль-

ним родственникам в Лисичанск (теперь – Северо-Донецк), который находится в 15 км от нашего шахтерского посёлка.

Как они с сестрой в пристяжке с гружёными салазками и заплечными мешками прошли эти 15 км по оккупированной фашистами территории, почему их никто не остановил ни ночью, ни днём – до сих пор не понятно. Однако к полудню следующего дня вся семья уже была в безопасности – в доме дальних родственников в Переездной, составной части Лисичанска на берегу Северского Донца.

Правда, об одном из приключений во время этого перехода моя покойная мать часто вспоминала: уже днём на одной из дорожных колдобин санки опрокинулись, и я вывалился из них на дорогу прямо под колёса немецкого мотоциклиста. Мать каким-то чудом успела выхватить меня из-под колёс, а тот даже не сбавил скорости и не оглянулся. У меня осталось лишь смутное воспоминание испуга на белом полотне зимней дороги.

Около двух месяцев прожили мы у наших спасителей, которые делились с нами своими скудными съестными припасами. Толкли кукурузу и жёлуди в домашней ступе, из этой смеси варили подобие супа и пекли на пушечном масле (солидоле) лепёшки. Здесь мы почему-то не видели немцев и даже тогда, когда эта часть Лисичанска стала прифронтовой зоной.

Стояли солнечные зимние дни, город стали часто бомбить и обстреливать снарядами, но, несмотря на запреты матерей, мы с местными мальчишками бегали смотреть на дымящиеся развалины разбомблённых соседних домов. И однажды морозным февральским днём вдруг с большой радостью увидели красноармейца, который в длиннополой шинели шагал по каким-то своим делам вдоль нашей улицы на спуск к берегу Северского Донца. Как я сейчас понимаю, этот солдатик был совсем не бравого вида, может быть, какой-нибудь ездовой. Но его красная звезда на ушанке с опущенными «ушами», длинная наша советская винтовка, ещё более длинная красноармейская шинель родного серого цвета произвели на нас большое впечатление, и мы тут же разбежались по домам с радостной вестью: «Наши пришли!!!».

Так закончилась наша жизнь на оккупированной фашистами территории, на смену которой пришли перипетии последующих военных и послевоенных лет. Спасая семью от зимнего голода и холода, мать решила пробираться в родной Старобельск, вблизи которого в прилегающих деревнях проживала и её, и отцовская многочисленная родня. Было трудное путешествие всей семьей на попутных грузовиках – военных «полторках» и «ЗИСах» с многочасовым ожиданием попуток на прифронтовых дорогах, с ночёвками вповалку с красноармейцами в придорожных хатах. Расстояние от Лисичанска до Старобельска длиной в 60 км наша семья преодолела за 3 дня, голодая с бутылкой самогона в руках на зимней дороге.

Запомнились эти зимние солнечные и морозные дни, когда мы замерзали в кузовах военных попутных машин, а над нами высоко в голубом небе серебрилась в лучах солнца «рама» – немецкий двухфюзеляжный самолёт-разведчик. Наши попутчики – красноармейцы, угрюмо посматривали на неё и говорили: «Ну, жди теперь гостей!». И в самом деле, «гости» вскоре появлялись: прилетала группа надсадно гудящих немецких бомбардировщиков, машина останавливалась, все рассыпались по придорожным кюветам и ямам, где мама закрывала нас собою, рядом где-то звонко лязгали залпы зениток. Потом бомбёжка заканчивалась, мы грузились в свою машину и ехали дальше. Было несколько таких бомбёжек, которые, к счастью для нас заканчивались благополучно, а вот для других – гибелью. После бомбёжки наша машина ехала медленно, объезжая горящие автомашины и воронки от авиабомб на полотне дороги.

Вспоминается один эпизод, произошедший с шофёром попутного «ЗИС-5», на котором мы ехали. Его остановил генерал, легковая «Эмка» (М-1) которого стояла на обочине. Генерал был невысокого роста, в чёрном полушубке и мерлушковой папахе, с покрасневшимся от мороза и гнева лицом. Выскочивший из нашей машины шофёр с перепуганным лицом вытянулся перед генералом, а тот бил его наотмашь по щекам и что-то кричал. Закончив мордобой, генерал с сопровождающим его офицером сел в легковушку и укатил, а наш шофёр развернул свой «ЗИС-5» и повёз нас обратно.

Как поняла мама и потом нам объяснила, произошло следующее. Кто-то доложил генералу, что шофёры военных грузовиков не останавливаются перед ранеными красноармейцами, голосующими на дорогах и добирающимися на попутках до госпиталей, но охотно берут гражданских попутчиков, голосующих бутылкой самогона. Не обнаружив в кузове нашей машины раненых, а вместо них – гражданских попутчиков, генерал рассвирепел, отлупил шофёра и послал его за 3 ранеными красноармейцами, которых он видел на дороге километров за десять до того места, где он остановил нашу машину. Шофёр забрал раненых бойцов, и снова поехал в сторону Старобельска, но до места назначения мы добрались лишь на следующий день, сменив ещё несколько попутных машин.

Дальше была трудная, но относительно сытая жизнь в прифронтовой украинской деревне Беседовка около Старобельска. Это была родная деревня наших родителей, и многие родственники помогали нам всем, чем могли. Мама и старшая сестра Юля с началом весны стали работать в полевой бригаде местного колхоза. Семья наша жила то у одной, то у другой родни, пока председатель колхоза не выделил для нас жильё в виде заброшенной кладовой с худой крышей и без окон.

Летом 1943 года город Старобельск, набитый частями Красной Армии, часто бомбила немецкая авиация. Обычно это были ночные налёты, во время которых немцы вешали на парашютах осветительные бомбы, и из деревни

Беседовки весь город вместе со взрывами авиабомб мы видели, как на ладони. Однако прицельному бомбометанию мешали наши зенитные батареи, стоявшие на горе над соседней деревней Подгоровкой, и остервенело лупившие по невидимым самолётам. Поэтому много бомб попадало в реку Айдар, разделявшую нашу деревню с городом. Утром, вооружившись корзинами, мы со старшей сестрой и с другими жителями деревни Беседовка через лиман (пойму реки) шли на берег Айдара и вылавливали глушённую бомбами рыбу. Часто вся поверхность реки была покрыта мёртвой рыбой, и мы в считанные минуты заполняли корзины и тащились с ними домой.

Это было существенным подспорьем в нашем летнем вегетарианском рационе. А нас с четырёхлетней сестрой Аней частенько подкармливал остатками обеда повар офицерской столовой, которая размещалась в доме нашей тёти Ольги: мы жили в её доме в летние месяцы 1943 года. Его угощенья я, семилетний пацан, добровольно «отрабатывал» тем, что рубил хворост на дрова для печки летней кухни во дворе, где готовились обеды для офицеров.

Осенью 1943 года я пошёл в первый класс начальной школы, расположенной в Беседовке на Крейдянке – так называется часть деревни на склоне меловой горы (*мел по-украински крейда*). В школе было всего две учительницы, из которых одна исполняла обязанности директора школы, но каждая из учительниц вела занятия одновременно сразу в двух классах – одна в объединённых 1-2-х классах, другая в объединённых 3-4-х классах. Поработав с первоклашками и дав им задание, учительница занималась с второклашками, одновременно контролируя работу первоклашек. На всю школу был один букварь, который был расчленён на отдельные листочки. Первоклашек было человек 7-8, и после уроков этот листочек с заданием переходил из рук в руки по очереди, установленной учительницей, которая организовывала выполнение домашних заданий в стенах школы по типу современной «продлёнки».

Писали на обрывках обёрточной бумаги, на старых газетах чернилами, приготовленными из чёрных ягод бузины. Родители по воскресеньям отправлялись на базар в Старобельске, где у спекулянтов можно было втридорога купить учебные перья и деревянные ручки, газеты, обёрточную бумагу, чернильные таблетки и другие подобные «школьные принадлежности». Зима 1943-1944 года в Беседовке была снежной и морозной, и в свободное от школы время вся деревенская ребятня развлекалась катанием с горок, по льду замерзшей реки Айдар.

После того, как была восстановлена связь с отцом, и он сообщил о том, что хлопочет перед начальством о его возвращении на прежнее место работы в Донбассе, мы по просьбе отца весной 1944 года вернулись в полностью разрушенный посёлок Чехирово.

В это время наш отец, как и многие другие кадровые шахтеры, отозванные по приказу И.В. Сталина с фронта, работал в Мосбассе на шахтах, вос-

Григорий Лошаков

становленных после изгнания немецко-фашистских захватчиков в результате битвы под Москвой зимой 1941-1942 гг. На многие годы основным местом работы отца стала шахта № 29, расположенная на южной окраине города Донской, а первоначальным местом жительства было шахтёрское общежитие в одноэтажном бараче в центре городка. Здесь при коридорной системе в каждой комнате размером 16х18 кв.м. жило по 5 человек таких же шахтёров, как он, была общая кухня и «все удобства во дворе».

Но, по рассказам отца, в общежитии шахтёры бывали мало. В те годы на шахтах Мосбасса был введён режим военного времени с удлинённым рабочим днём и часто без выходных, с многочисленными ДПД – днями повышенной добычи, посвящёнными различным государственно-политическим праздникам: 1 мая, 7 ноября, дням рождения вождей, Дню конституции и т.п. После разгрома немецко-фашистских захватчиков под Москвой и Сталинградом появилось много немецких военнопленных, и многих из них отправили работать на шахтах Подмосковского угольного бассейна. Вокруг города Донской было несколько лагерей для пленных немецких солдат, и эти военнопленные в те годы были основной рабочей

силой на шахтах треста «Донской уголь». Был такой лагерь и в самом городе, около базара.

Из пленных немцев формировались рабочие шахтерские бригады во главе с горным мастером – бригадиром из числа советских кадровых шахтеров. В первое время работы на шахте № 29 такую бригаду немецких рабочих около 30 человек возглавлял и отец. И у его бригады в то время, как и у многих других таких же бригад, был особый режим работы и жизни. Ранним утром понедельника сотни военнопленных немцев колоннами под военным конвоем и под стук деревянных подошв башмаков выводились из лагеря и разводились по шахтам. Здесь они под началом своих бригадиров спускались в шахту на свои участки и оставались там до конца недели. На участках под землёй для них были оборудованы спальные места, душевые, в шахте они обеспечивались трехразовым горячим питанием из шахтерской столовой (пища и питьевая вода спускались в шахту в контейнерах – термосах военного образца).

Вместе с немецкой бригадой всю неделю в шахте оставался и бригадир. Рабочий график такой бригады строился так, что в течение суток они работали по 12-14 часов, разбитых на три рабочих цикла по 4-5 часов, прерываемых одночасовыми перерывами для приёма пищи и отдыха. К концу субботнего дня бригада поднималась на-гора, немецкие военнопленные строились колонной и уходили под конвоем в лагерь для воскресного отдыха, а бригадир – мой отец, «бежал» отдыхать в общежитие. В понедельник с утра всё начиналось сначала: отец за полчаса «пробежал» (проходил быстрым шагом) трёхкилометровую дистанцию от общежития до шахты № 29, обгоняя идущую туда же колонну военнопленных, где принимал по счёту от конвоиров своих подопечных и спускался с ними снова на неделю в шахту.

Такой режим работы сохранялся на шахте довольно долго, но вскоре отец после краткосрочных курсов повышения квалификации в Учебно-техническом комбинате получает повышение: его назначают начальником подготовительного участка на той же шахте № 29.

Став начальником участка, отец перешёл на совершенно новый режим работы, который до сих пор поражает меня своей напряженностью и изнурительностью, сохранявшимися и в послевоенное время.

В обязанности начальника участка шахты входило участие в проведении им всех трёх сменных нарядов, которые проводились с мастерами смен и другими помощниками начальника участка. На шахте смены начинались в 00 часов ночью (первая смена), в 8.00 – вторая смена и в 16.00 – третья смена.

За час до начала каждой смены шахтерские бригады должны были получить задание на смену, спуститься в шахту и приступить к работе на участке. К этому часу надо прибавить ещё полчаса, чтобы от дома «пробежать» 3 км до шахты. Чтобы успеть к утреннему наряду, на вторую смену, отец просыпался

в 6.00, на скорую руку собирався, завтракал, в 6.30 выходил из дома и скорым шагом в 7.00 приходил на шахту, проводил наряд и на всю смену вместе с шахтёрами спускался в шахту.

Под землёй он выяснял состояние дел на своем участке, решал текущие вопросы, уточняя задание для работающей и последующей смены, помогал горным мастерам (бригадирам) в решении тех или иных производственных вопросов на месте. Из шахты он поднимался на-гора за 1,5-2 часа до начала 3-ей смены, чтобы перед проведением наряда успеть встретиться с начальником шахты, главным инженером, другими руководителями и специалистами шахты и решить с ними вопросы, касающиеся работы его участка. В 15.00 начинался наряд для 3-ей смены, после окончания которого смена к 16.00 спускалась в шахту, а начальник участка оставался на поверхности, оформлял всевозможную документацию (нарядные, табельные, больничные листы, заявки на крепёжные, строительные и другие материалы, отчёты по их использованию, планово-финансовые и прочие документы).

Закончив, по его выражению, «писанину», отец сдавал всю документацию в «контору» (бухгалтерию) и где-то около 19.00 возвращался домой, ужинал и ложился на пару часов поспать. В 22.30 он уже выходил из дома и бежал на шахту проводить наряд для 1-ой (ночной) смены. Закончив наряд ночной смене, он к часу ночи возвращался домой, спал до 6.00, а в полседьмого утра уже бежал на шахту давать утренний наряд. И так непрерывно многие месяцы и годы подряд, исключая месяц отпуска, который он начал получать лишь в послевоенные годы и проводил обычно в санатории для лечения хронического радикулита, силикоза, «добытых» им ещё в первые годы работы в шахте.

Всё это я и другие члены нашей семьи узнали от отца потом, когда закончилась война, и отец смог вновь соединиться со своей семьёй. И в редкие минуты свободного времени он рассказывал нам о своей работе во время войны. А в далёкие годы военного лихолетья мы почти два года ничего не знали о своём отце, точно также как и он о своей семье. И только в начале 1944 года через родственников он нашёл нас в своей родной деревне Беседовка около г. Старобельска.

В условиях военного времени как мобилизованный на шахты Мосбасса отец не смог даже на короткое время приехать к нам на Украину. Узнав, что его родная шахта № 14 в Донбассе восстанавливается, он начал хлопотать перед начальством Мосбасса и перед Наркоматом угольной промышленности западных районов СССР о его переводе на прежнее место работы и по месту жительства семьи, в Донбасс. И чтобы его просьба была убедительнее, попросил маму переехать с семьёй из деревни на прежнее место жительства, в посёлок Чехирово при шахте № 14, что мы и сделали весной 1944 года.

Но в посёлке после военного смерча не осталось ни одного целого дома. Лишь на местном кладбище чудом сохранилась и пустовала кладбищенская сторожка, которую и заняла наша семья. Два с половиной года мы жили среди могил, заброшенных за годы войны. А рядом с кладбищем, через балку, уже работал вспомогательный ствол шахты № 14, дававшей стране бесценный антрацит – красавец уголь! Главный ствол шахты ещё не работал, так как были сложности с его восстановлением после затопления и взрыва перед приходом гитлеровцев – оккупанты так и не смогли его восстановить, и начать добычу угля на шахте глубиной больше одного километра!

В момент нашего возвращения на шахте был острый дефицит рабочей силы, поэтому уже через несколько дней после возвращения из деревни мама и старшая сестра устроились на работу на шахте: мама на погрузке угля на шахтном дворе, а сестра была принята учеником машиниста подъёма. Как рабочие шахты они получили продовольственные карточки на хлеб, сахар, масло, крупы и другие продукты на себя и на иждивенцев: на меня с младшей сестрой. Рабочим по карточкам полагалось 700 г. хлеба в день, иждивенцам – 400 г.

К этому времени стало налаживаться продовольственное снабжение, появилась государственная торговая палатка, шахтёрская столовая, а потом и магазин, в котором можно было отоваривать карточки. Жизнь стала налаживаться, но особенно улучшилась она после того, как мы на прилегающем к кладбищу поле вырастили и убрали в 1944 году свой урожай зерна пшеницы, кукурузы, подсолнечника, фасоли, гороха, тыквы, картофеля, капусты, огурцов и других овощей, на заработанные на шахте деньги купили козу. В магазине по карточкам периодически стали давать американские продукты: мясную тушёнку, молочную сгущёнку, яичный порошок, а также промтовары – детскую одежду, обувь и пр. Всё это распределялось среди населения по карточкам и талонам.

В шахтёрском посёлке Чехирово начали строить жилые дома, построили общежитие для завербованных в республиках Средней Азии молодых шахтёров. Начала работать в специально построенном здании поселковая начальная школа, куда меня мама тут же определила во второй класс. Открылся летний кинотеатр, где нам, пацанам, можно было через заборную щель или с высокого дерева посмотреть бесплатно интересные кинофильмы.

Но у меня на такие развлечения времени было мало, так как с 8-летнего возраста на меня легли серьёзные домашние заботы. В отсутствие мамы и старшей сестры – они уже работали на шахте – надо было присматривать за 5-летней младшей сестрой Аней. Нужно было обеспечивать печку углём и дровами, собирая их среди отвалов пустой породы на шахтном дворе и перетаскивая их на себе домой через балку – глубокий овраг, поросший лесом, и отделявший наше кладбище от шахты. Наколоть дров, разбить топором боль-

шие глыбы угля на мелкие кусочки, растопить печку, натаскать воды из колодца, вскипятить её в большом чугуне было тоже моей обязанностью.

Чтобы как-то облегчить свою работу по доставке угля и дров с шахты, я увлечённо занимался изобретением и постройкой тачки из подручных материалов, но это плохо получалось, так как я долго не мог найти подходящего колеса. Однажды на шахте я всё-таки нашёл такое колесо и стал делать тачку. Для того чтобы укрепить ось с колесом в нижней части продольных деревянных брусьев тачки, надо было на конце каждого из брусьев под ось сделать отверстие, выжигая его раскалённым болтом. Раскалив в печке подходящий для этой цели болт докрасна, я подхватил его щипцами и стал подносить к месту прожигания. В это время болт вильнул и готов был выпасть из щипцов. Чтобы этого не произошло, я невольным движением левой руки подставил её тыльной стороной ладони под раскалённый болт и взвыл от боли. Глубокий и длинный ожог долго не заживал и мучил меня постоянными болями, его несколько месяцев лечили всевозможными мазями. В конце концов, он зажил, а на тыльной стороне левой ладони руки и сейчас можно видеть следы моего «детского технического творчества».

Но особенно трудным и мучительным моим занятием была пастьба наших коз. На всю жизнь у меня за три летних пастбищных периода об этих животных осталось впечатление как об очень хитрых и неукротимых тварях, хотя они и обеспечивали нашу семью молоком. Казалось, что у нашей Нинки – так звали первую, старшую козу – было только одно на уме: незаметно удрать из стада, забраться в огород, всё там сожрать и истоптать. И уследить за этой козой-хитрюгой было сверх моих мальчишеских сил.

Под стать матери были и её дети, среди которых выделялся сын – цап (козёл) Борька, которого я по своей мальчишеской неосмотрительности научил бодаться. И когда Борька через год заматерел и из милого козлёнка превратился в грозного бодливого козла, от него убегали и взрослые, и дети. Единственное, чего он боялся, так это хлёсткого, с потягом, удара длинным кнутом из сыромятной кожи.

Но однажды Борька стал виновником одного происшествия, которое вполне могло закончиться трагически, и в конечном итоге стоило козлу-забияке его жизни.

Рядом с нашей сторожкой на кладбище в землянке жила другая семья – женщина с мамой-старушкой и четырёхлетней дочкой. Зимним солнечным днём мама выпустила свою маленькую дочь погулять. Девочка была одета в какой-то длиннополый пиджак, подпоясанный ремнем. Так вот наш Борька умудрился за этот ремень поддеть девочку на рога и долго как куклу таскал её по двору, пока взрослые, выбежавшие на крик смертельно перепуганной девочки, не сняли её с рогов. Был грандиозный скандал, и судьба Борьки была решена:

пришёл какой-то хромоногий мужик и зарезал его на мясо. Несколько месяцев мы, благодаря Борьке, наслаждались сытной мясной жизнью. А в нашей семье многие годы напоминал об этом забияке и о нашём военном детстве прикроватный коврик, сделанный из его шкуры с белой длинной шерстью.

Другим довольно неприятным воспоминанием о моих «взрослых» занятиях военного и послевоенного детства осталась история с табаком и курением. Наша мама выращивала, сушила и готовила на продажу тютюн – табак-самосад. Это был дополнительный источник средств для содержания семьи. Пастух, у которого я был в подпасках, молодой и, как я теперь понимаю, развратный парень, научил меня курить, воровать у матери и таскать для него табак. Во всём подражая ему, я с 8 лет курил самокрутки, по-взрослому ругался и оглушительно «стрелял» – щёлкал длинным кнутом, гоняясь босиком целый день по выжженной степи за коровами, телятами и шkodливymi козами, пока мой «шеф» в тенистой балке отсыпался после ночных походов с местными девчатами. Я настолько был увлечён таким «взрослым» образом жизни и привык к курению, что в отсутствие табака начал собирать окурки около общежития молодых шахтёров, приехавших из Средней Азии.

Мне было уже 10 лет, когда жаркой осенью засушливого 1946 года я в очередной раз насобирал окурков, спрятался в лесополосе, тянувшейся вдоль железной дороги, из окурков выпотрошил их содержимое и сделал цыгарку-самокрутку. Я закурил, успел сделать только две затяжки и ... потерял сознание.

Очнулся я в лесополосе, лёжа на спине, где-то перед заходом солнца, пролежав без сознания не менее 3 часов. Рядом лежала погасшая самокрутка, в голове стоял туман, в ушах звенело. Я сначала не понимал, где я и что со мной. Потом всё вспомнил, и на память пришли также разговоры в посёлке о том, что шахтеры из Средней Азии курят какой-то гашиш, который веселит их не хуже самогона. И я понял, какого «тютюна» я накурился. Я ещё полежал некоторое время, пока смог встать, и уже в сумерках с трудом добрался до нашей сторожки на кладбище.

Это произошло со мной 65 лет тому назад, но стало хорошим уроком на всю жизнь. С тех пор я никогда не курил, с трудом переношу запах дыма, когда рядом кто-то курит, и никак не могу смириться с тем, что мой сын стал курильщиком. Первые годы я часто с ужасом вспоминал тот случай, долго никому из домашних о нём не рассказывал, и они узнали об этом жестоком уроке только тогда, когда я стал взрослым и однажды рассказал обо всём.

Солнечным утром 9 мая 1945 года мы проснулись в своей кладбищенской сторожке от радостных возгласов нашей мамы, которая возвращалась из магазина, нагруженная продуктами и промтоварами, и сообщила нам об окончании войны. И целый день был радостный праздник в соседнем посёл-

ке Тоштовка с митингом, музыкой, песнями, танцами. И снова ожила надежда, что мы скоро увидим своего отца. А от него с каждым письмом приходила одна и та же неутешительная весть: ему в очередной раз отказали в просьбе о переводе на работу в Донбасс.

К тому же зимой 1946 года мама перенесла тяжёлую операцию – в результате заболевания щитовидки ей в больнице г. Ворошиловграда пришлось удалять зоб: качественное образование величиной с гусиное яйцо на шее под подбородком, и при операции были задеты жизненно важные центры. Сказались напряженные военные годы, бесконечные стрессы в борьбе за выживание семьи, голод, тяжёлый труд на погрузке угля, на огороде, и после операции она стала инвалидом на всю жизнь. А тут ещё объявился прежний хозяин кладбищенской сторожки, и нас стали выселять из неё чуть ли не под открытое небо.

Встревоженный этими обстоятельствами и получив очередной отказ о переводе в Донбасс, отец принимает решение забрать семью к себе в г. Донской. И получив, наконец, первый свой послевоенный отпуск, летом 1946 года, в разгар засухи на Украине, он приезжает в Донбасс за семьей.

Конечно, трудно описать радость той встречи, которую мы ждали долгих четыре года. Мы были все счастливы и радостно стали собираться в дорогу. Особых пожитков у нас не было, но в хозяйстве за три года у нас появилось несколько коз, которые обеспечивали нас молоком и мясом. С грустью и сожалением мы распродали свое козье стадо, и в сентябре 1946 года через станцию Попасная выехали всей семьёй в город Донской, который тогда вместе с городом Сталиногорск (теперь это город Новомосковск) входил в состав Московской области как стратегически важные для столицы угольные центры.

Сейчас пассажирский поезд расстояние от станции Попасной до Москвы проходит за 16-18 часов. В тот же первый послевоенный год скорости были совсем иные. Во-первых, нам нужно было ехать не до Москвы, а до станции Узловая, что в 10 км от г. Донского и на 180 км южнее Москвы. Во-вторых, прямого поезда до Узловой, а тем более до Донского от станции Попасной не было. И мы ехали с пересадками так называемыми «рабочими поездами» – предшественниками современных пригородных электричек – с многочасовыми ожиданиями нужного поезда на пересадочных станциях. Из Попасной мы выехали 17 сентября, а в Узловую приехали 24 сентября, то есть в дороге мы были целую неделю. И для отца была проблема: целую неделю прокормить семью из пяти человек, когда продукты можно было купить по баснословным коммерческим ценам только у спекулянтов на привокзальных рынках. И за эту неделю у отца растаяли почти все денежные сбережения, которые он копил несколько лет.

Уехали мы из выгоревшей, иссушённой жестокой засухой донецкой степи, а приехали в благоухающий зеленью лугов и золотом лесов подмосковный

край. В день нашего приезда моросил мелкий осенний дождь, от Узловой до Донского почему-то никакого транспорта не оказалось. И было принято решение добираться до Донского пешком вдоль железнодорожного полотна, так как никакого тяжёлого багажа у нас с собой не было – все наши скудные пожитки были в сундуке, который мы отправили отдельным багажом медленной скоростью. Потом, через месяц, мы получили этот сундук, наполовину разграбленный в долгой дороге.

А в тот хмурый сентябрьский день мы шли тропинкой среди свежей зелени придорожной травы, наслаждались прохладой и свежестью влажного воздуха, так непривычного и приятного после южного иссушающего зноя. Через три часа мы добрались до маленького городка Донской и пришли в шахтёрское общежитие, где в комнате вместе с отцом жило ещё четыре шахтёра. С помощью простыни был отгорожен один угол, и за этой импровизированной ширмой каким-то чудом разместилось всё наше семейство.

Здесь мы ютились всего неделю, потешая наших новых соседей украинской речью. Почему-то их приводили в восторг такие слова, как «цибуля», «цукор», «пошукать», «сокира», «шо ты робышь?» и другие. А одно из них, услышанное местными мальчишками от старшей сестры в мой адрес – «Володя, принеси сокиру», – стало для меня в мальчишеские годы дразнилкой-прозвищем – «секир-башка».

Через несколько дней после приезда в г. Донской я уже пошёл в школу – в 4-й класс Донской средней школы № 1. Помню, как на одном из первых уроков классная руководительница Ольга Сергеевна Потапова попросила меня пересказать сказку А.С. Пушкина о попе и его работнике Балде. И весь класс смеялся и долго не мог успокоиться после моего начала: «Пишов поп по базару пошукать кой-якого товару...». И до сих пор мои друзья-одноклассники при встрече вспоминают эти забавные эпизоды из первых лет моей школьной жизни в г. Донской.

Не успели мы отдышаться от изнурительной дороги, как нашу семью на новом месте постиг большой удар. Через несколько дней после нашего приезда в Донской отцу, наконец, пришло разрешение на его перевод с шахты № 29 треста «Донской уголь» на шахту № 14 в Донбассе. Этого перевода он добивался больше 2 лет. Трудно передать состояние наших родителей после получения этого известия, особенно отца, который буквально посерел и долго не мог оправиться от пережитого потрясения.

Но назад уже хода не было: не было ни средств, ни желания ещё раз испытать «прелести» недельного переезда. Да и никто нас там в тот засушливый и голодный 1946 год и не ждал: не было ни жилья, ни близких людей, ни друзей. Через неделю нашего пребывания в г. Донском нам дали комнату в бараке около базара и рядом с лагерем для военнопленных немцев. Мы пере-

зимовали в этом бараке, испытав все знакомые уже нам «прелести» барачной жизни с насквозь продуваемым и обледенелым коридором, постоянно чадающим печным отоплением и всё теми же всеми удобствами во дворе. Весной 1947 года нашей семье улучшили жилищные условия: дали две комнаты в трёхкомнатной квартире в двухэтажном бараке, рядом с прежним бараком.

И мы навсегда остались в городе Донской, небольшом шахтёрском городке, который стал для нас второй малой Родиной. Здесь мы – мои сестры и я – выросли, получили образование, обе сестры вышли замуж, родили и вырастили детей, которые стали достойными людьми. Здесь моя родная Донская средняя школа № 1, которую я окончил в 1953 году, и из которой шагнул в интересную и содержательную жизнь, поступив в том же году в Тимирязевку, лучший сельскохозяйственный вуз страны.

Но это уже совсем другая история.

В.Г.Лошаков

*Заслуженный деятель науки РФ,
Заслуженный деятель науки РФ, профессор,
доктор сельскохозяйственных наук.
Октябрь 2011 года*

РАИСА СЕРГЕЕВНА ЛУНЕВА

ГЛАВНОЕ ДЕЛО МОЕЙ ЖИЗНИ

Москва – мой самый любимый и родной город. Это – моя колыбель, мои юность и отрочество, мои университеты и, наконец, щедрая пора зрелости. Как одновременно много и мало прожито. Но зато как вместительно оказалось прошлое: событиям, поездкам, встречам нет числа... Воспоминания мелькают как в калейдоскопе, они настолько будоражат, что сердце начинает учащённо биться, а душа – как будто отделяется от тела и улетает невесть куда.

Я родилась на 43-ий день фашистского нашествия. Папа, **ЦВЕТКОВ Сергей Иванович** (*это и моя девичья фамилия*) уже был на фронте. Он был высококлассным специалистом и воевал на Северном флоте старшим техником по оптике на подводной лодке. Для него это была третья война, после «финской» и «польской». Впоследствии он частенько рассказывал нам, своим дочерям, о «дороге жизни», по которой вывозили из Ленинграда эвакуированных, о том, как под вражескими бомбами взрывались грузовики, плотно заполненные детьми, и скрывались в тёмной ледяной воде Ладожского озера.

Мама, коренная москвичка, имевшая на руках двух дочерей девяти и одиннадцати лет и ожидавшая моего появления на свет, отказалась от эвакуации.

Мы жили в Замоскворечье, недалеко от электромеханического завода имени Владимира Ильича, который почти с первых дней войны стал изготавливать снаряды для гвардейских миномётов («Катюш»). Рядом находились Чернышевские казармы. Буквально напротив нашего дома расположилась парфюмерная фабрика «Новая Заря» и чуть далее – Московская печатная фабрика «Гознак». Видимо, эти объекты привлекали немцев, потому что, как только 22 июля 1941 года фашистские стервятники начали регулярные налёты на столицу, то уже в первые две недели запылали стоявшие по соседству с нами несколько одно- и двухэтажных домов. Промышленные объекты не пострадали, но многие жители погибли, другие лишились крова.

В первые же дни войны возле нашего дома вырыли бомбоубежище, нечто похожее на солдатский блиндаж, покрытое досками и присыпанное землёй. Только вместо лежанок там стояли деревянные лавочки, на которых сидели жители близлежащих домов в ожидании отбоя воздушной тревоги.

20 ноября 1943 года была открыта станция метро «Павелецкая» Горьковско-Замоскворецкой линии, которая, как и другие, использовалась в качестве бомбоубежища. Поскольку немцы, как правило, совершали налёты на Москву ночью, мама с детьми добиралась к этому надёжному месту с вечера, то и дело, со страхом поглядывая на небо, сплошь покрытое аэростатами. Заграждения, производимые на заводе «Каучук» здорово маскировали город, но не сдерживали атак немецких бомбардировщиков. Чтобы не возвращаться со страшным грузом на свои аэродромы, немцы сбрасывали бомбы, где придётся.

За каждой из сестёр были закреплены определённые обязанности. Старшая сестра Надя брала в руки небольшой чемоданчик с вещами и пакетик с сухарями. Средней сестре доверяли «неприкосновенный запас»: на плечо она вешала сумку от противогаса, наполненную двумя-тремя пачками печенья, чтобы можно было покормить младшую сестру, то есть меня, в случае, если разбомбят наш дом, а в руках держала узел с пелёнками. Ну, а мама прижимала к груди меня, двухлетнего ребёнка, закутанного в как можно большее число одежек, и документы, включая продовольственные карточки, которые во время войны были дороже дорогого. Так как путь до метро занимал не менее 45 минут в один конец, то, как правило, мы ночевали дома. Мама приставляла к большой металлической кровати стулья и укладывала всех попеременно её, согревая нас своим теплом. Молясь о наших жизнях, она в то же время считала, что лучше погибнуть всем вместе.

Голодали в Москве, как и везде. Сестрёнка Лида ездила на трамвае в Нижние Котлы (тогда это был конец города) и привозила оттуда крапиву, лебеду, сурепку. Мама же вывозила за город свои и папины вещи, на которые можно было что-то выменять из продуктов. О мясных продуктах приходилось

лишь мечтать. Однажды по продовольственным карточкам выдали кровяную колбасу. Мама аккуратно поделила её на три части (к счастью, я ещё была мала для такого «блюда»). Запах колбасы привлёк внимание кошки, она как будто ожидала счастливого момента. И ей повезло. Лида нечаянно уронила свой кусок, кошка миглом вцепилась в него и скрылась под кроватью. Сестричка ринулась за ней. Мама еле вытащила её оттуда и практически спасла, отдав свою долю. Разъярённое голодное животное готово было драться за свою добычу насмерть.

А я с двух лет грезил о «большой булочке» (именно так я произносила название хлеба).

На летний период сестёр отправляли в трудовые лагеря, объясняя, что они могут помочь солдатам поскорее расправиться с ненавистным врагом. Дети собирали в лесу щавель, грибы, лекарственные травы, вязали берёзовые веники. Помогали колхозу в прополке картофельных гряд, а зимой совмещали учёбу в школе с шефством над ранеными солдатами, которые находились на излечении в госпитале.

Если воспоминания о днях, пережитых в годы войны, я по малолетству писала в основном по рассказам сестёр и покойных родителей, то праздничный победный салют запомнила навсегда, хотя мне было неполных четыре года. Я сидела на папиных плечах (его к тому времени комиссовали по болезни и он успел поработать по восстановлению Сталинградского тракторного

завода). Когда в честь победителей загремели залпы сотен орудий, восторгу моему не было предела: я со всеми кричала «ура! ура!». Всю войну женская часть нашей семьи провела в родном городе. Если бы жизнь повернулась иначе, мы могли бы вместе со всеми москвичами погибнуть в затопленной столице. Но пришла долгожданная Победа, и я подсознательно горжусь тем, что моя семья не покинула Москву в тяжёлые для неё дни 1941 года и вплоть до окончания войны.

Наконец-то, мир пришёл на нашу благословенную землю, и жизнь потекла по спокойному руслу. Папа занял должность заместителя директора Московского завода по ремонту высокоточного оборудования, старшая сестра пошла работать на фабрику «Гознак», а средняя поступила в финансовый техникум. К азам образования приобщилась и я: в 1948 году перешагнула порог 553-ей школы, где встретила подругу на всю жизнь. Фамилия её тоже была Цветкова, а звали Галей. Выйдя замуж, стали Раисой Лунёвой и Галиной Лисицыной, но дружба наша крепчает год от года, и мы гордимся этим.

Вот со страницы фотоальбома глядит на меня восьмилетняя девочка с аккуратно заплетёнными светлыми косичками в любовно сшитой мамой школьной форме. Белая сумка через плечо и повязка с красным крестом на рукаве напоминают о моей первой общественной работе – классной санитарки. Война окончилась, но забота о чистоте рук (а главное – «душ») прочно вошла в нашу жизнь.

Рая в школьные годы

Внизу фотографии надпись: «1949-1950 г.г. Хорошая ученица школы № 553 гор. Москвы». Это благодарность моим родителям. В то время я и не помышляла о своей будущей профессии. И до сих пор не уверена, отважилась бы когда-нибудь стать журналистом, если бы ни случай.

В 1954 году я перешла в только что построенную 729 школу. Многие юные москвичи вернулись из эвакуации, и школ, с учетом порушенных в годы войны, не хватало. Моим учителем русского языка и литературы стала Маргарита Даниловна Миринская. Эти предметы всегда были для меня самыми любимыми, а особенно сочинения на свободную тему.

Однажды Маргарита Даниловна предложила нам тему на выбор: «За что я люблю свою маму... папу... сестру... брата... подругу...?». Я писала о маме. И вердикт учительницы потряс маму: Маргарита Даниловна сказала, что из меня получится хороший журналист. Когда мы в семье обсуждали эту тему, она мне представлялась какой-то заоблачной, тем более что в это время я стала терять слух (война все же достала и меня), а по окончании десятилетки тяжело заболела и даже получила инвалидность. Но молодость брала своё.

Поступила на работу в то время ещё засекреченное, а ныне известное объединение, в которое входили Государственный оптический завод и ЦКБ «Геофизика». Жизнь забурлила. В гости к заводчанам частенько приезжали летчики-космонавты В.Быковский, П.Климук, Г.Шонин, Г.Титов, В.Шаталов и др. Это для их космических кораблей готовили продукцию наши мастера.

С трепетом снимаю с полки книгу «Здравствуй, Вселенная» Валерия Быковского и Валентины Николаевой-Терешковой, где рукой В.Быковского аккуратно выведено: «Цветковой Рае с пожеланием всего самого хорошего в жизни. 26.06.73г.». А на стене – фотография, запечатлевшая нас на открытии одной из смен заводского пионерского лагеря «Алмаз».

Ещё одна ценная для меня реликвия: почтовые марки, выпущенные к 15-летию космической эры. Они выполнены по рисункам лётчика-космонавта А.Леонова. На них автограф его коллеги Петра Климуга.

В заводском клубе «Алмаз», а затем и за праздничным столом по случаю очередного «Дня Радио» я поближе познакомилась с дикторами радио и телевидения Ю.Левитаном, который в гитлеровском «расстрельном» списке значился под первым номером, С.Моргуновой и И.Кирилловым. К этому времени я уже училась на факультете журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова и работала ответственным редактором заводского радиовещания. В 1971 году защитила диплом. На следующий год была принята в Союз журналистов СССР (ныне России).

В пионерском лагере «Алмаз»

Война жёстко прошла по нашему поколению. Может, и не случайно темой своей дипломной работы я выбрала «Из истории сатирических журналов и листов периода Великой Отечественной войны». Мне хотелось подтвердить слова **Александра ТВАРДОВСКОГО**:

*– Жить без пищи можно сутки,
Можно больше, но порой
На войне одной минутки
Не прожить без прибаутки,
Шутки самой немудрой.*

Кстати, легендарным «Катюшам» в сатирическом журнале «Залп» были посвящены такие частушки бойца **ПАВЛЕНКО**:

*– Эльза Фрицу напевала.
Долго жить ему желала.
Если «Катя» запоёт,
Фриц и дня не проживёт.*

А вот стихи, опубликованные в сатирическом журнале «Перекрёстным огнём»:

*– Наш народ непобедимый,
Нам Отчизна дорога –
Фронт и тыл у нас едины,
Вместе бьют они врага.*

*Шлёт народ на фронт подарки:
Самолёты, пушки, танки.
От такого от подарка
На морозе немцам жарко.*

*... Оборону укрепляем
Всё для фронта посылаем.
Охнул немец: «Очень плох!».
От «подарков» наших сдох.*

И сатирой на фронтах решался бой. Тема к моменту работы над дипломом (1971 год) была мало изучена, и мне предложили остаться в аспирантуре. Но любовь к журналистике победила.

Познание жизни и души человеческой для работников средств массовой информации большая радость, и я продолжила работу на любимом предприятии.

Помимо редакционной коллегии, мне удалось собрать большой рабочевский актив, в который вошли талантливые и равнодушные люди. Заводское радиовещание отражало все стороны жизни предприятия. Информация о партийной, профсоюзной и комсомольской деятельности, производственных достижениях, интервью, рассказы и очерки о знатных рабочих, разработчиках, конструкторах, исследователях нашего замечательного коллектива. Разве это не радость писать о такой сплочённой семье? Я вспоминаю об этом и сегодня.

Когда по стране прозвучал призыв наладить производство товаров народного потребления, где их ранее не выпускали, на предприятии был специально создан отдел нестандартного оборудования. Завод приступил к разработке и выпуску медицинских конструкций, которые вошли затем в комплекс «искусственная почка», спасшая или продлившая жизнь многим людям.

Военная тематика никогда не покидала страниц нашей радиогазеты. **Леонард КАРПИСОНОВ** по окончании школы авиационных специалистов был направлен в полк «Нормандия», который базировался на берегах Не-

мана и впоследствии решением советского правительства стал именоваться «Нормандия-Неман». Война, наконец, вышла за пределы Советского Союза, готовилось наступление на Восточную Пруссию. Кстати, французы с первых дней создания своего полка предпочли советские самолёты американским и английским. И хотя советские парни не участвовали непосредственно в боях, они знали: успехи французских лётчиков в небе в немалой степени зависят от работы технических советских специалистов. Эту общую победу разделил со всеми и Карпионов.

А о подвиге **Виктора ЮШКОВА** дети из ГДР читали в своей немецкой хрестоматии. Это случилось уже после войны. В 1954 году Виктор выполнял в Германии священный долг солдата в группе советских войск по охране интересов дружественного государства.

Однажды над городом Плауэном, где служил сержант Юшков, разыгралась стихия. Река Вейсе Эльстер могучими волнами сметала деревянные мосты и грозно несла свои воды к плотине. Брёвна разрушенных мостов становились стенобитными орудиями. Виктор не растерялся, бросился в реку и стал связывать брёвна в плоты, а находившиеся на берегу люди вытаскивали их на берег. Так была спасена плотина на реке Вейсе, а значит, и сам город Плауэн.

Через несколько лет немецкие дети с учительницей разыскали героя и многие годы переписывались с Виктором Юшковым.

Вот такие люди трудились на нашем прославленном предприятии! И для себя я считаю, этот период творческой деятельности самым интересным и плодотворным. Во-первых, потому, что в низовой печати журналист не имеет права вести одну какую-то тему. Он просто обязан быть всеяден, специализироваться во всех областях, включая политику, экономику, производство и заканчивая спортом, культурой, и даже общением с детьми. Микрофон многих пугает, и потому нужны большой такт и умение, чтобы убедить человека пообщаться с репортером, а в итоге – и со всеми радиослушателями. И, вторых, реакция на передачи звучит мгновенно: здесь уже помогал телефон.

Одно было плохо: материалы с закрытого предприятия я не имела права публиковать в открытой прессе. А журналисты буквально требовали от меня выхода в большой эфир. В итоге я стала штатным корреспондентом Московского городского радио, а главным жанром для меня стал очерк.

В 1970 году мой труд был отмечен медалью «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И.Ленина», в 2001 и 2010 годах мне вручили Почётную грамоту «За большой вклад в российскую журналистику», а в 2003 году наградили Почётным знаком «Российская пресса. 300 лет».

Сегодня я вхожу в состав Объединённого Совета ветеранов Союза журналистов РФ, ядро которого составляют военные корреспонденты. Общаюсь с ними, особенно остро осознаёшь, почему в этой страшной войне победил именно наш

народ. Пройдя тяжёлые фронтовые дороги, хлебнув послевоенного лиха, преодолевая испытания в наше нелегкое время, они по-прежнему бодрь, полны сил и энергии. Желание поделиться с нынешней и будущей Россией воспоминаниями о Великой Отечественной войне подвигло их на составление и издание десяти-томника «Живая память». В последнем томе опубликован и мой рассказ «Так мы жили» по воспоминаниям мамы и сестёр, которым к началу войны исполнилось 9 и 11 лет. Папа в это время, будучи высококлассным специалистом, воевал старшим техником на подводной лодке на Северном флоте.

Кроме того, я работаю в Фонде «Маршал Жуков Г.К.», который был создан в 1983 году по инициативе и под руководством старшей дочери маршала Маргариты Георгиевны, к сожалению, ныне покойной. Мы, её единомышленники, продвигаем в жизнь идеи и взгляды Георгия Константиновича, делаем всё, чтобы нынешнее и будущие поколения гордились своими предками, которые из страшных и суровых испытаний 1941-1945 годов вышли не побеждёнными, а победителями. Мы за то, чтобы не было очернено имя великого сына нашей Родины.

В 2007 году в числе шести человек я вошла и инициативную группу по созданию Общественной организации «Дети Великой Отечественной войны» города Москвы. 17 апреля 2008 года стало днём рождения нашего содружества.

На долю этого поколения выпало счастье быть сыновьями и дочерьми тех, кто, не колеблясь, встал на защиту нашей Родины в тяжелейшие для неё годы с 1941 по 1945. Наравне со взрослыми они пережили все тяготы военного лихолетья: эвакуацию, оккупацию, бомбёжки, голод, холод, гибель родных и близких, потерю жилищ.

Дети защитников Родины рука об руку с отцами-победителями восстанавливали разрушенное хозяйство страны, закладывая прочный фундамент для её дальнейшего процветания. И сегодня мы просто обязаны продолжить славные традиции участников и ветеранов Великой Отечественной войны по увековечиванию честного, а не перевернутого представления о героическом сражении советского народа за свободу и независимость своей страны, а также за освобождение народов, оккупированных фашистами. Поколения, идущие нам на смену, должны знать всю правду о войне и послевоенном времени.

Редеют ряды участников, ветеранов и детей войны. И так хочется, чтобы слёзы не туманили их глаза, а надежда светила на лицах.

Раиса Сергеевна ЛУНЁВА

*член Объединённого Совета ветеранов Союза журналистов РФ,
зам. председателя РОО «Дети Великой Отечественной войны» города Москвы*

Володе 10 лет

СОВЕТСКАЯ ЭЛЕКТРОЭНЕРГЕТИКА БЫЛА УНИКАЛЬНА...

Когда я впервые перешагнула порог квартиры Владимира Ильича Луценко, то сначала растерялась: такое впечатление, что попала в книгохранилище. Совершенно очевидно, что главные хозяева в этом доме – книги, журналы и газеты, а мебель – просто приложение к ним. Как журналист, я была рада знакомству с таким почитателем литературы, хотя исподволь и почувствовала недоверие: неужели успеваешь всё это прочитать, или хотя бы пролистать? Оказалось, сомнения мои были напрасны. Владимир Ильич в этом деле настоящий уникам.

Он удивительный собеседник, круг его интересов настолько разносторонен, что невольно поражаешься, как он может всё это запомнить? Интерес к энергетике у Луценко вне конкуренции, это его любовь и боль одновременно. Им написаны десятки статей по энергореформе отрасли. В них не только критика, в них конкретные предложения, которые позволили бы вернуть страну в число энергетических лидеров. Политику, экономику и историю тоже нельзя причислить к простому любопытству. Книги он по сей день приобретает толковые, серьёзные, изучает их, как привык в институте, подчёркивая отдельные слова, а то и выделяя целые абзацы. Неравнодушен к словарям, книгам по искусству, обожает литературу про актёров. Более полувека прожи-

вает в Москве, но свою малую Родину, соловынную Курскую область и город Дмитриев, расположенный в 160 км от областного центра, не забывает. Наведывается туда ежегодно, за исключением двух последних лет, которые по вине горе-водителя, вынужден был провести в больницах и дома, потому что на костылях особенно не разбежишься. А ведь по характеру – это неугомонный, подвижный, весёлый и неунывающий человек. В этот тяжёлый для него период книги стали самыми дорогими и незаменимыми друзьями.

Прежде чем рассказать о своей семье и себе, Владимир Ильич с упоением вспоминает историю своего края. Ещё задолго до Рюрика, по словам Татищева В.Н., Курская земля имела свою государственность. Она с честью справлялась со своим назначением: быть стражем рубежей Руси от кочевников южных степей. Первыми врагов встречали курские городки, и не случайно, повелением Екатерины Великой, в основу герба каждого уездного города был взят «щит».

Много крови пролилось на этой благословенной земле. Были и крестьянские волнения, и контрреволюционные мятежи. Но война с фашистской Германией стала самой жестокой и многострадальной.

С середины 1942 года вся Курская область оказалась оккупированной врагом. Немцы старались вывезти как можно больше богатства. Эшелоны с награбленным имуществом, промышленными и продовольственными товарами, торопились в сторону Германии. Фашисты не гнушались вывозить даже знаменитый чернозём.

Гитлеровцы чётко руководствовались установкой: всех непокорных уничтожить. Людей убивали, мучили, сжигали заживо, вешали. Очевидцем жестоких казней стал и четырёхлетний Володя. 70 лет прошло с той поры, а он по сей день без слёз не может вспоминать виселицы, на которых покачивались трупы его земляков. Снимать их из петель не разрешалось до особого распоряжения фашистов. Помимо 2000 военнопленных, оккупанты в родном Володином городе уничтожили 350 стариков, женщин и детей. На пепелище каждого дома клали дощечку, на которой руками изуверов было написано: «Мстим за саботаж германскому командованию и за связь с партизанами».

Немцы во время казней сгоняли из домов всех жителей, включая детей. Они думали, что посеют в сердцах людей страх перед ними, заставят преклониться перед их силой. Но захватчики просчитались: партизанское движение ширилось с каждым днём. Дмитриевский партизанский отряд один из первых в начале октября вступил в соприкосновение с захватчиками. Среди них был и Володин отец.

Илья Акимович ЛУЩЕНКО и его жена Пелагея Илларионовна – родители мальчика и двух его сестёр – выходцы из крестьянских семей. Коренной житель села Меньшикова, Илья Акимович долгое время возглавлял сельский Со-

вет, пока семья не перебралась в город Дмитриев. В феврале 1943 года, когда Дмитриев был освобождён от оккупантов, участнику Гражданской и Великой Отечественной войн доверили пост коменданта города. Пригодились его крестьянские хватка, смекалка и трудолюбие, умение ладить с людьми. Вопросы по тем временам приходилось решать непростые: обеспечивать земляков жильём и продуктами, налаживать обучение детей в школе, поддерживать контакт с советскими воинами, которые готовились к боям на «Курской дуге»...

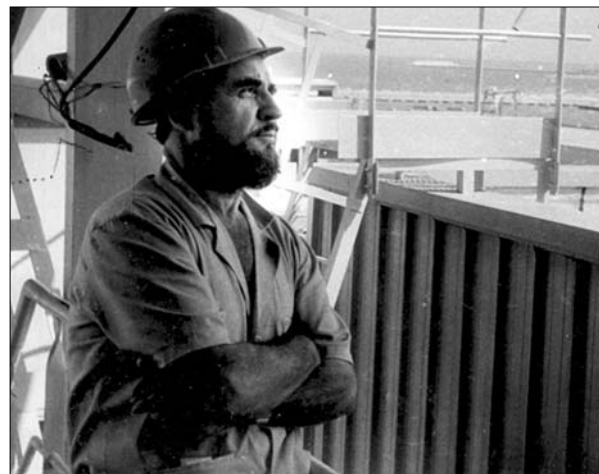
Солдаты размещались рядом с родительским домом Володи, и потому его с любовью привечали бойцы. Иной раз баловали и едой. Но самым большим подарком для 5-летнего мальчугана был настоящий, боевой, правда, женский, пистолет, но зато как раз по его руке. Володя положил его под подушку и заснул в полном блаженстве от счастья, что проснётся настоящим солдатом. Но родители, конечно, исхитрились незаметно вытащить у сына опасную «игрушку». С такой потерей мальчишка долго не мог смириться...

По окончании войны отец возглавил предприятие «Красный торфяник». Володя же в это время усиленно занимался в школе, потому что цель его дальнейшей жизни была определена давно: он мечтал стать инженером. И два года после окончания школы специально потратил на приобретение «рабочей закалки» – потрудился разнорабочим, а затем токарем и электросварщиком на ремонтном заводе.

Желание, к которому так стремился Луценко-младший, сбылось: он стал студентом теплоэнергетического факультета Московского энергетического института. Всё-таки лишний раз убеждаешься: ничто не происходит случайно. От самого Владимира Ильича исходят тепло и свет. Он мягок и честен с друзьями, которых у него немало. Многие из них – коллеги по работе: шутка ли – трудовой стаж у Луценко 40 лет.

В деле он настойчив и даже упрям, и потому, как специалист, бесценен. Ветеран труда, советник РФ 3-его класса, Заслуженный работник РАО «ЕЭС России», Заслуженный энергетик Российской Федерации – таков послужной список Владимира Ильича. Он непосредственно участвовал в создании 7 электростанций федерального значения. Его труд отмечен государственными наградами.

Луценко с гордостью рассказывает об отрасли, которой отдал свою жизнь. После института он трудился на стройках Москвы – ТЭЦ-11, ТЭЦ-22 и ТЭЦ-23. Строил Нижнекамскую ТЭЦ, ТЭЦ КамАЗа, Заинскую ГРЭС в Татарстане. Проектировал Ново-Воронежскую АЭС. Разрабатывал сетевые графики на строительстве Волжского автогиганта (ВАЗ), Костромской ГРЭС. В 1984-90 годах работал начальником отдела по строительству тепловых и атомных электростанций, курировал КАТЭК – Березовскую ГРЭС. Руководил отделом и выпуском ежемесячных отчётов по анализу производственно-хозяйственной деятельности Минэнерго СССР, сотрудничал с Госпланом СССР по разработке и взаимодействию

На Ангаре

отраслевой автоматизированной системы управления «ОАСУ-Энергия» и автоматизированной системы плановых расчётов АСПР-Госплан СССР. Исколесил почти всю страну, строя, проектируя и эксплуатируя тепловые, а затем атомные электростанции. Довелось поработать и в Алжире. Закончил свою трудовую деятельность Владимир Ильич в Министерстве Российской Федерации по делам содружества независимых государств, перейдя сюда из Минэнерго СССР. Развал Советского Союза не давал морального права прекратить уже начатое строительство электростанций, которые теперь находились как бы на чужой территории.

Перестройка резко ударила по энергетике. Эффективной системы управления отраслью, по мнению В.И.Луценко, создать не удалось:

– Советская электроэнергетика была уникальна, функционировала как единая энергосистема страны, исключала возможность аварий, которые имели место на Западе и, к сожалению, теперь в России. Единая энергосистема имела многие преимущества: оптимальные перетоки, балансируемое использование пиковых мощностей, общий резерв мощностей, оптимальный режим работы крупных блоков ТЭЦ и АЭС с экономией топлива. Принятые законы по электроэнергетике лишают государство прав влиять на важнейшую отрасль жизнеобеспечения, так как эти законы защищают только интересы производителя и продавца электроэнергии, но не потребителей. Всё это затуманивается системой ложных целей, при этом энергетика становится сферой бизнеса, основной задачей которой является достижение максимальной прибыли. В настоящее время в энергетике отсутствует ответственность за безопасную работу

генерирующих объектов и распределительных сетей. Сегодня отсутствует само понимание слова «ответственность», и это вызывает особую тревогу.

Боль за любимое детище заставила Заслуженного энергетика РФ обратиться к Путину и правительству страны. «Распоряжением президента 8-РП 7.01.01, – телеграфирует он, – рабочая группа должна представить единую концепцию 15.04.01 это не выполнено 18.05 01 правительство рассматривает только предложения Грефа (МЭРТ) просим принять меры чтобы концепция по вопросам реформирования электроэнергетики была единой государственной чтобы не случилось как с обвальная приватизацией и Россия не оказалась во мгле надо сохранить единую инфраструктуру электроэнергетики не спешите телеграмма направлена Путину Строеву Селезнёву Касьянову».

Ответа Владимир Ильич не получил... Да и по жизни всё оставалось прежним. Разрушение отрасли продолжалось. Сегодня крайне необходимы качественное образование, культура технологий. Нужны инженеры, конструкторы, творцы, созидатели. А случилось обратное: страну ведут к уничтожению духовности, нравственности, чести и долга, что может привести к полной деградации населения. В управлении энергетикой в девяностые годы происходит жесточайшая вакханалия. За 14 лет (с 1991 по 2004 годы) энергетикой по очереди управляли 10 министров, эффект от деятельности которых был ничтожен, иногда близок к нулю, а то и вовсе отрицателен. Действиями конкретных лиц разрушена энергетическая школа, включавшая в себя широкую сеть научных институтов, учебных заведений, технических центров, проектно-изыскательских и технологических институтов, экспериментально-исследовательских лабораторий, конструкторских бюро и заводов. Потеряны учёные, инженеры, профессионалы по всем направлениям электроэнергетики, включая такие специальные науки, как теория сооружений, гидравлика, инженерная геология, спецмашиностроение, летательные аппараты для энергостроительства, оборудование для АЭС. 90-ые годы лишили Россию энергостроительного потенциала – исчезли спецтресты, объединения, заводы.

Владимир Ильич Луценко – представитель последнего военного поколения. Он и его сподвижники по общественной организации «Дети Великой Отечественной войны» города Москвы по разуму и духу – созидатели. То, что с такой лёгкостью сегодня разрушается их труд, не имеет оправдания и не может оставить их равнодушными. Всеобщими усилиями мы должны вернуть российской энергетике былую славу, потому что электроэнергетика – это стержень страны.

Р.Лунева

*член Объединённого Совета ветеранов Союза журналистов РФ,
зам. председателя РОО «Дети Великой Отечественной войны» города Москвы*

ЕВГЕНИЯ ВИКТОРОВНА СТЕБЛИНА (ТРЕТЬЯКОВА)

Женя Третьякова, 1945 г.

ДЕТСТВО В СПОЛОХАХ ВОЙНЫ

Размышляя о Первой и Второй Отечественных войнах, понимаешь, что победить в них мог только народ, нравственные ценности которого вырабатывались и отшлифовывались веками: любовь к своему народу и Отечеству и милость к «падшим», что отличает именно наш российский менталитет.

В понимание духа и смысла истории своего народа я хочу мозаично внести маленькую лепту из истории своей семьи, выжившей, не теряя моральных ориентиров, во время войны и внесшей вклад в развитие общества в мирное время.

Мои первые воспоминания в жизни связаны с началом войны через 2 дня после моего двухлетия. Я ощущала себя скованной по рукам и ногам в неудобном положении, потому что лежала брошенной на сундуке в корыте в прихожей, а дома никого не было. Это произошло потому, что в связи с началом войны власти г. Новочеркаска, Ростовской области, где я родилась и жила, дали распоряжение развести всех детей из детских садов и яслей по домам, запеленав их и перевязав руки и ноги, чтобы не убежали, пока родители смогут добраться с работы. Кстати, в этом корыте я так и ехала в «теплушке» для перевозки скота, под бомбами самолётов,

через всю страну в эвакуацию на Урал, в город Магнитогорск, в котором мы прожили до 1953 года.

В городе Новочеркасске при немецких «ковровых» бомбардировках, по рассказам мамы, я кричала: «Мама, омы (бомбы)!» и валила её на землю, закрывая её голову своими руками. Затем эти «Омы» сопровождали меня всю мою сознательную жизнь в физике как единица измерения электрического сопротивления.

Я помню и последний день войны, день Победы, когда мама подвела меня к репродуктору и сказала: «Запомни, это день Победы, говорит Сталин, войны больше нет, мы победили!».

Я помню, с каким удивлением и страхом в городе Магнитогорске в 1947 году впервые увидела немцев: они стояли худые и жалкие, с потухшими взорами, за колючей проволокой – колонии для военнопленных с протянутыми для милостыни руками к тем, кого они уничтожали, и просили есть. Сначала я подумала: «Вот они какие, ничем не отличаются по виду от других людей, но из-за них я потеряла дядю Диму (маминого младшего брата **Дмитрия Борисовича ВЕЛИЧКО**, добровольцем ушедшего на войну после окончания института и пропавшего без вести), научилась слышать свист падающих бомб раньше, чем говорить, потеряла родной дом, мёрзла и голодала». Потом мелькнула мысль о наших солдатах в немецком плену, может, им там кто-нибудь сможет помочь. Моя ладошка разжалась и положила в протянутую руку обеденную пайку хлеба.

«И милость к падшим призывал» – великий Пушкин всё уже сказал за меня. Больше мимо этой колонии я уже никогда не ходила.

Видимо, как и все дети войны, в детстве я была достаточно самостоятельным «общественным» ребёнком, росла, «как трава в огороде», т.к. родители работали по 12 часов в день шесть дней в неделю и я их практически не видела. Родители доверяли мне отоваривать продовольственные карточки и покупать продукты ещё тогда, когда меня не было видно из-за прилавка и приходилось становиться «на цыпочки», чтобы кассирша заметила мою руку на стойке, когда подходила моя многочасовая очередь за хлебом или керосином. В одной из таких очередей, помню, мы не стояли, а, вконец обессиленные, лежали на газоне. И никто никогда меня не обманул в магазине, хотя считать сдачу я ещё не могла.

От моего детства, в котором замерзали чернила на уроках, всегда хотелось есть, и самым вкусным лакомством был бутерброд с маргарином и сахаром, у меня остались светлые воспоминания о людях, которые заботились обо мне в детском саду, пионерских лагерях, в школе и подарили жизнь моей маме, когда она от голода и холода в 1942 году заболела туберкулезом лёгких, а никаких антибиотиков в аптеках не было и в помине. Тогда

мой отец пошёл к директору Магнитогорского горно-металлургического Комбината Дымшицу и попросил дать ему для лечения моей мамы красный технический пенициллин, применявшийся при выплавке металла в качестве флюса.

Мой отец, **Виктор Михайлович ТРЕТЬЯКОВ** (1906 -1984), выходец из духовного сословия, стал представителем советской интеллигенции.

Как инженер-строитель строил Новый город в Магнитогорске, потом 22 года посвятил воспитанию учащихся.

Космонавт–4 (космическая станция «Восток-4») **Павел Романович ПОПОВИЧ** четыре года (с 1947 г.) учился в Магнитогорском индустриальном техникуме в группе, где классным руководителем был мой отец.

Космонавты **Леонов, Волков, Хрунов, Волынов, Береговой** оставили свои автографы на обороте фотографии, подаренной Виктору Михайловичу.

Виктор Михайлович Третьяков имел две правительственные награды: медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» и юбилейную медаль в честь 30-летия победы в Великой Отечественной войне.

Газеты городов Рубежного и Северодонецка Луганской области писали о В.М.Третьякове в разделе «Встречи с интересными людьми».

Фотография космонавта П.Р. Поповича с его дарственной надписью, подаренная В.М. Третьякову в Звёздном городке.

В.М. Третьяков с дочерью Евгенией, 1963 г.

Моя мама, **Третьякова Антонина Борисовна** (урожденная **Величко**) (1912–1986), работала в течение 28 лет инженером – механиком в крупных промышленных центрах России и Украины, имела множество поощрений за хорошую работу и отличные производственные показатели: благодарности, почетные грамоты, премии и ценные подарки; была занесена на заводскую доску почета. За долголетнюю безупречную работу ей было присвоено почетное звание «стахановки социалистического труда».

В производственной характеристике сказано, что «А.Б.Третьякова является ярким примером нашей трудовой интеллигенции».

Мамин брат **Величко Дмитрий Борисович** (1915 – 1941) закончил с отличием Новочеркасский Индустриальный институт, ушел добровольцем на фронт и пропал без вести в начале войны.

После ухода на фронт у Дмитрия Величко осталась жена Лидия, которая всё время ждала его возвращения с войны и так и не вышла вторично замуж. Сохранилось её письмо от 10.VII.43 г. моим родителям в Магнитогорск из г. Ургента, Узбекской ССР Хорезмской области, куда она была эвакуирована из Новочеркасска:

«Здравствуйте, Тоня, Витя и Женечка!

Температура здесь ужасная, позавчера в тени было 45 градусов, а на солнце + 65. Правда, тепло? Я в этом году такое переносу нелегко. Сильно похудела и вообще с тем, что было в Новочеркасске, не сравнить...

Дмитрий Борисович Величко, 1941 г.

Митя – это же исключительно способный и умный человек. Эх, Тоня, Тоня, как обидно за всё. Иногда просто теряю всякие надежды на то, что он жив. Но это только иногда, а вообще мне всё кажется, что он далеко и всё же придет домой.

Я всё храню все его безделушки, вещи, письма. Уже 2 года. Ну что ж, буду ждать лучшего.

Как Виктор, как Женечка? Пиши о ней все, все. Жду.

Целую крепко. Лида».

Я до сих пор благодарна тёте Лиде за её пожизненную память и верность Дмитрию Борисовичу Величко, судя по сохранившимся его письмам, – весёлому, неистощимому шутнику и заводиле. Его фотография, сколько себя помню, стояла у мамы на буфете, и я в детстве любила рассматривать на ней красивое породистое лицо и значок парашютиста на лацкане пиджака.

Во время Великой Отечественной войны дети войны – поколение людей 1928-1945 гг. рождения, которых война лишила детства, – мужественно и самоотверженно переносили все тяготы военного лихолетья наряду со своими родителями. Они трудились на заводах, фабриках, работали в колхозах и госпиталях, гасили фугаски, сражались в партизанских отрядах, а многие из них остались сиротами в это голодное и холодное время.

Жизнь поколения детей войны в тылу приравнивается в воспоминаниях заместителя начальника генштаба генерал-полковника **С.М. Штеменко** к

фронтовой: «Любая война имеет фронт и тыл. И только Великая Отечественная война не имела тыла, потому что тыл тоже был фронтом».

В послевоенные годы на плечи детей войны легло восстановление разрушенного народного хозяйства, работа на колхозных полях и овощных базах в школьные и студенческие годы, освоение целинных и залежных земель. Именно они создавали промышленный и научный потенциал России как ведущей мировой державы в 1960 – 2000 годы, а многие трудятся и сейчас.

Надо помнить, что дети войны являются последними живыми свидетелями ужасов Великой Отечественной войны.

В своих мемуарах, книгах, картинах дети войны, демонстрируя яркость и многогранность своих талантов, поддерживают неразрывную связь между поколениями, передавая своим творчеством «Детям и внукам Победы» патриотическое видение мира, оптимизм, любовь к своей Родине и соотечественникам.

Дети войны и Родина – понятия неразделимые. В этом и заключается истина о человеке и его призвании: быть полезным своему народу в любую, самую трудную его годину.

Мы в своей жизни постарались этот долг исполнить.

Стеблина Евгения Викторовна

1939 г.р., окончила школу с золотой медалью, выпускница Физического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова;

кандидат физико-математических наук, доцент кафедры физики, автор свыше 50 публикаций и двух авторских свидетельств, член общества «Знание» РФ;

член Историко-Патриотического Объединения «Багратион», член Историко-Родословного Общества г. Москвы;

автор монографии по генеалогии, участник международных Савёловских и Рождественских чтений и Форума «Патриотизм – безопасность Отечества», ветеран труда, академик Международной Общественной Академии Экологической Безопасности и Природопользования (МОАЭБП);

председатель РОО «Дети Великой Отечественной войны» г. Москвы. Имеет дочь и двух внуков.

Владимир Александрович Трибунский

Саша Трибунский справа

ВОСПОМИНАНИЯ ИЗ ВОЕННОГО ДЕТСТВА

До трёх лет я себя не помню. Как мне потом рассказывали, родился я за год до начала Великой Отечественной войны в городе Баку – станция Насосная, где располагалась дивизия военных бомбардировщиков, в которой служил мой отец, **Трибунский Александр Николаевич**, военный лётчик в звании капитана ВВС.

А вот помню уже себя в 1943 году в таёжном сибирском местечке Мингоне на Дальнем востоке, где стояла воинская авиачасть, в которой отец мой был командиром эскадрильи бомбардировщиков. Как потом я узнал, с самого начала войны советское командование держало на Дальнем востоке крупные силы, так как ожидалось нападение миллионной квантунской армии Японии на Советский Союз со стороны дальневосточных границ.

Таким образом, мои детские гуляния на улице проходили среди землянок, среди проходящих строем солдат и гула военных самолетов.

Позже дивизию, в которой служил отец, перебросили на западный фронт биться с фашистскими захватчиками. Отец после войны мало рассказывал о сражениях, в которых участвовал, но у него было шесть боевых орденов и не-

сколько медалей. Я в основном запомнил две: «За взятие Кёнигсберга» (ныне Калининград) и «За взятие Берлина».

А между тем, мы с мамой и старшим братом Витей переехали поближе к фронту – во Владимирскую область, в город Ковров. Городок жил, как и все советские города, не оккупированные фашистами, одним общим укладом, который можно выразить короткой фразой «Всё для фронта, всё для победы».

Проживали мы в доме, который предназначался для семей фронтовиков. Мужчин там я не видел до самого конца войны, были только женщины и дети. Бытовую сторону описывать не буду, она исчерпывающе охарактеризована в известной песне гениального Владимира Высоцкого: «... все жили мирно, дружно так – система коридорная, на тридцать восемь комнаток всего одна уборная...». И ещё: «... не боялась тревоги соседка, и привыкла к ней мать понемногу, и плевал я, здоровый трёхлетка, на воздушную эту тревогу...». Прекрасно помню, как мама с другими женщинами соскребала ножом бумажные полоски с окон, наклеенные крест-накрест на стёкла для маскировки, чтобы не привлекать вражеские самолёты-разведчики – в 1944 в этом уже не было необходимости, Владимирская область была уже надёжным тылом. Голода, как такового, не помню, но по утрам всегда почему-то просил дать погрызть сухую хлебную корочку...

С 1944 года и далее весь 1945 год на улицах стало появляться всё больше и больше калек в военных шинелях: кто на костылях, кто без руки, а кто вообще безногий, передвигался на самодельной дощечке с колесиками. К некоторым женщинам нашего дома-общежития стали возвращаться израненные мужья. Мать ждала, как манну небесную, письма отца с фронта.

Между тем, наша детская жизнь шла своим чередом: старший брат ходил в школу. Вблизи нашего дома работал кинотеатр, и мы ходили смотреть фильмы, главным образом, о войне. Неизгладимую память оставил фильм «Иван Никулин, русский матрос» – про то, как воюет морская пехота. После этих фильмов мы, мальчишки, устраивали во дворе игры «в войну» и жесточно изображали, как кидаемся с гранатами под вражеские танки. Были и вполне мирные картины на темы русских сказок.

Вечерами в длинном коридоре нашего дома дети устраивали свои игры, тут заводилами были чаще девочки. Помню, как однажды стали изображать царский двор (кажется, после фильма «Принц и нищий», или «Золушка») и меня, как самого младшего из компании, посадили на трон изображать принца. Девочки манерно и вполне похоже изображали придворных дам, вели светские разговоры, подавали мне изысканные яства (понарошку), а я важно восседал на троне (то бишь, на табуретке) и выслушивал их манерные речи с большим удивлением.

Я это к тому привожу, что, несмотря на суровые военные будни, у детей была огромная тяга к чему-то светлому, интеллектуальному, духовному. Приходили и уходили праздники. Помню, как на Новый 1945 год старший брат повёл меня в свою школу на детский новогодний утренник, где был настоящий, как мне тогда казалось, Дед Мороз и другие сказочные герои.

И вот, наконец, в мае 1945 года по радио объявили о взятии Берлина и о победе Красной армии в Великой Отечественной войне. Через какое-то время, помню, ночью, сквозь сон слышу вдруг стук в дверь и мамин крик, лопотанье брата «папа, папа!», и я, ещё сонный, ощущаю, как кто-то целует меня, прижавшись ко мне колючей небритой щекой. Папа вернулся с фронта живой!!!

Но для нашей семьи война на этом ещё не закончилась. Отец заехал к нам только повидаться – их часть срочно перебрасывали на Дальний восток для проведения боевой операции по освобождению острова Сахалин и Курильских островов от японских захватчиков. Для нас жизнь в тылу продолжалась.

Как мы все знаем из истории, Сахалин и Курильские острова довольно быстро и энергично были освобождены от «самураев» войсками Красной Армии, и мама получила, наконец, письмо от отца с вызовом приехать к нему всей семьёй на Сахалин, где он командовал уже авиapolком бомбардировочной авиации в звании подполковника. Мама тут же начала собираться.

Предстоял долгий-долгий путь расстоянием почти 10 тысяч километров из центральной России на самый край света – остров Сахалин. Добирались мы сначала по железной дороге поездом до Хабаровска и ехали в вагоне целых две недели. Железная дорога тогда ещё не была электрифицирована, и наш состав тащили по очереди паровозы, которые часто останавливались на станциях и разъездах, ожидая встречного поезда, так как не везде была проложена двойная колея.

Мы ехали в плацкартном вагоне, который был набит битком пассажирами. Помню, на верхней полке ехал мужчина с добродушным лицом в гимнастерке – инвалид с фронта, у него не было правой руки. Несмотря на это, он был всё время в хорошем настроении: ещё бы – ехал домой с войны живой! Он, несмотря на отсутствие руки, легко спрыгивал со своей верхней полки на пол и также легко забирался обратно.

На станциях частенько в вагон проникали нищие, которые просили милостыню. Строгая рыжеволосая кондукторша в фуражке одергивала их и пыталась выпроводить, но ничего не помогало. Иногда в вагон забирался мальчишка и начинал громко петь военные песни. Особенно мне запомнился один малец, почти такого же возраста, как я, весь оборванный, он пел песню «Прощайте скалистые горы» и пел так одухотворенно, так выразительно, что

на меня это произвело огромное впечатление, и я побежал к маме в купе просить, чтобы она дала что-нибудь мальчишке. Денег у нас, конечно, не было, но краюху хлеба этому пацану мне удалось выпросить. А вот «злую» кондукторшу, которая его выгоняла, я в душе невзлюбил.

Наконец, мы приехали в Хабаровск, где должны были сесть в самолёт и лететь на Сахалин к папе! В то время не было рейсов гражданской авиации, соединяющих Хабаровск с аэродромами Сахалина, совсем недавно освобожденными от японцев. Помню, мы долго и послушно ждали посадки на самолёт. Потом, наконец, нам объявили: приготовиться к посадке. Самолёт оказался не гражданским самолётом Аэрофлота, а военным транспортным самолётом «Дуглас» американского производства. Такие самолёты появились у наших ВВС в 1945 году по «лендлизу» – американской союзнической помощи. В военное время он использовался только для перевозки грузов и выброски парашютистов. Для меня это был первый в жизни полёт на воздушном судне, и я с большим любопытством оглядывал обстановку внутри салона (если это можно назвать салоном). В самолёте не было пассажирских кресел, как принято в гражданских судах, а были две длинные скамьи вдоль обоих бортов самолёта во всю длину фюзеляжа, на которые и уселись пассажиры, летевшие с нами.

Я смотрел в иллюминатор, разглядывал уходящий вдаль берег «большой земли», как все называли материковую часть нашей страны, разглядывал Татарский пролив, видел крошечные кораблики. Потом началась «болтанка» – воздушные ямы, и я на время отключился, меня укачало.

Летели мы четыре часа, и вот, наконец, приземлились. Помню, открыли двери самолёта, пассажиры стали выходить. Вокруг светило яркое солнце, зелёная трава под самолётом приятно и гостеприимно расстилалась вокруг. Я вступил на трап и тут увидел смеющееся счастливое лицо отца, ждавшего нас внизу.

Начиналась новая послевоенная жизнь, вроде бы мирная, но отголоски войны ещё долго сопровождали нас и больно ранили...

Февраль 2012 г.

Юрий Алексеевич Тюпин

Автопортрет Тюпина в молодости

Родился я на замечательной северной реке Пинеге – красивейшей реке русского Севера, как писал о ней мой знаменитый земляк, великий русский писатель Федор Александрович Абрамов.

Детство и юность пришлись на трудное военное и послевоенное, со многими лишениями, но по-своему замечательное и счастливое время. Нелёгкой, но полнокровной, наполненной многовековыми традициями и опытом жизнью, жила тогда северная колхозная деревня. Главным критерием жизни был труд. Труд коллективный, колхозный, практически бесплатный, за трудодни. Трудились все: как взрослые, так и мы, дети. Летом пололи и окучивали картошку свою и колхозную, заготавливали сено и веники для коз и овец.

С середины июля шла заготовка ягод и грибов на зиму. Любимым трудовым занятием для нас, пацанов, был колхозный сенокос. Здесь вдоволь было верховой езды на лошадях. Колхозные лошади – это отдельная замечательная детская радость дере-

Май 1945 года. Встреча первого парохода

венской жизни. Зимой специально собирались по вечерам в конюшне, чтобы съездить на речку, напоить любимцев в специальной проруби. Весной отощавших подкармливали, чем могли.

Ещё одна, летняя, радость – это коллективные (по 4-5 человек) походы на рыбалку за 5 километров на лесное озеро с ночёвкой в избушке. Такие рыбацкие избы стояли раньше на каждом более-менее приличном озере. Клёв на озере был отменный. Только забрасывай удочку. Без улова не возвращались.

В школу, начиная с 5-го класса, ходили за 15 километров, на неделю. Каждый понедельник дождливой осенью без плащей и зонтов, насквозь промокшие, приходили в школу, часто на уроках засыпали.

С радостью встречали зиму, сбрасывали надоевшие кирзовые сапоги и обували валенки. Валенки – это лучшая обувь для северной зимы. Жили в интернате, пропитание готовили сами и считали это нормальным. Мы росли очень самостоятельными. Для проживания нам, северянам, от прадедов достались и сохранились самые удобные и долговечные жилища: северные рубленные дома – хоромины. Сруб прочно держит тепло, лишён духоты, сырости и сквозняков. Важнейшим элементом северной избы является русская печь. Это универсальное устройство для обогрева и приготовления пищи придаёт жилищу неповторимую красоту и уют. Какое удовольствие было, приходя с уличных прогулок, обледеневшему, как сосулька, влезть на печку и обогреться. Нет ничего вкуснее, чем пироги и шанежки из русской печки, но самым вкусным в то голодное время был горячий житник (*хлеб из житной муки на русском Севере*) нового урожая с холодным козьим молоком.

Жилая часть дома составляет не более 30-40%. Самое просторное место в северном доме – поветь. Это уникальное помещение для хранения сена, зерна использовалось в качестве мастерской, здесь же вручную мололи зерно на жерновах, здесь же обустроен туалет. На поветь въезжали на лошади по специально устроенному взвозу. Площадь повети позволяла развернуться лошади с санями. На пасху на повети вешали качели. Внизу под поветью размещался двор с хлевами для скота.

В 50-е годы прошлого века вокруг северных деревень была практически ещё сохранена нетронутой девственная природа. В колхозных лесах не проводились промышленные рубки, что способствовало изобилию грибов, ягод, дичи. Пишу подробно об этом потому, что к нынешнему веку все это безвозвратно утрачено. Дома–хоромины в большинстве своём разрушились, будучи нежилыми. По берегам Пинеги стоят стены с глазницами окон и проваленными крышами. Леса, в том числе колхозные и водоохранные, вырублены, а река загублена молевым лесосплавом.

*Пинежье – край родной, северный
(Северная деревня конца 40-х – начала 50-х годов по воспоминаниям детства)*

Все это очень грустно и печально, и я в свои 70 лет с помощью кисти и красок, без профессиональной подготовки, главным образом по памяти, пытаюсь на холсте восстановить ту северную деревню и природу моего детства.

В заключение хочу сказать, что трудности и лишения нашего военного и послевоенного детства закалили нас, привили нам самостоятельность, целеустремленность, трудолюбие и тягу к знаниям. Именно наше поколение осуществило исторический рывок 60-х годов в отечественной экономике, во всех отраслях промышленности. Мои сверстники из холмогорских и пинежских деревень составили кадровый костяк строящегося и набирающего силу «Севмашпредприятия», выпускающего атомные подводные лодки в городе Северодвинске. Это единственное в стране предприятие такого уровня, сумевшее достойно пережить разруху 90-х годов и не растерять драгоценные кадры. Сегодня здесь работают дети и внуки моих деревенских сверстников. Сам я по окончании Архангельского лесотехнического института на протяжении более 40 лет всю свою трудовую энергию, знания и опыт отдавал лесной отрасли.

Куба. Встреча с Р.Кастро

ВОЙНА! 22 ИЮНЯ 1941

Да, война!

Как много написано о войне! Горы книг о героизме, о патриотизме, о самоотверженности, о страшном голоде людей в Ленинграде и ещё о многом, что просто невозможно описать.

Под каким только углом ни рассматривалась Отечественная война в политической, публицистической и художественной литературе.

Но мне лично кажется, что недостаточно написано на такую тему, как **дети войны**. А ведь мы, подрастающее поколение в годы войны, были лишены всего. И никто не задумывается над таким простым вопросом, что мы своё детство провели без детства. Мы были лишены родительской заботы, родительской любви. Отец на фронте, мать сутками работала, выполняя лозунг «Всё для фронта». Да, всё для фронта, и это были не простые слова. По другому не победить было военную и экономическую мощь Европы, нацеленную на наше уничтожение.

Мы работали в колхозах, на фабриках, на заводах. Иначе на фронтах нечем было бы кормить солдат и воевать. Мы заменили взрослых. Голодали,

ничего было на себя надеть. По ночам мы мёрзли в своей тощей постели. Печи-буржуйки нечем было топить. Дети войны сразу повзрослели с началом войны на 10, 15 лет.

Война закончилась, и у нас, лишенных детства, не стало и юности. Наша юность была посвящена восстановлению разрушенной гитлеровцами страны. Пришлось восстанавливать разрушенные города, села, заводы и фабрики, железные и другие дороги, мосты – и мы наряду со всеми – на переднем крае!

Мы пережили сталинские репрессии. На нас охотились НКВД-дешники.

Мы выстояли, возродили страну, и в тех успехах, которых достигла наша страна, есть немалая лепта вот этих беспризорных, зачастую и бездомных, вечно голодных **детей войны**.

Мы – дети войны, летали в космос.

Мы защищали нашу великую Родину в годы «холодной войны», которая часто грозила перерасти в горячую. Мы защищали интересы нашей страны во многих горячих точках земного шара. И хочу сказать, что если в 60-х, 70-х годах сложились более или менее нормальные условия жизни – это тоже результат самоотверженного труда детей войны на благо Родины.

Сегодня у власти стоят люди, которые, в отличие от всех прежних руководителей страны, действительно думают о народе, о положительном решении многих социальных проблем. Я приветствую ту конкретную заботу, которую Правительство проявляет о ветеранах войны. Хотя с великим опозданием, но всё-таки начали проявлять конкретную заботу об участниках войны.

А я очень хорошо помню, какова была участь фронтовиков после войны. Я никогда не забуду безруких, безногих, искалеченных душой и телом, сравнительно молодых людей, которые заполняли улицы, стояли с протянутой рукой, просили милостыню у прохожих, за чьи жизни они отдали свою молодость и саму жизнь. Такое отношение к этим достойным сынам Родины я не забуду до самой последней минуты своей жизни.

Чего далеко ходить: у меня отец под кушеткой всё время держал в постоянной готовности рюкзак с необходимыми вещами на случай, если его арестуют, потому что имел несчастье попасть в плен и почему-то остался жив. Да, было и такое отношение к участникам войны. Сегодня, хоть и поздно, но что-то делается для улучшения в жизни участников войны. Но при этом совершенно забыты дети войны. Вообще-то, когда говорят об участниках войны, мне не совсем понятно, каков принцип определения данной категории людей. Тот, кто воевал – тот участник войны, а остальные? – Вроде бы нет. Пора понять такую истину: участниками войны были все, весь народ. Война не прошла мимо детей. Они испытали на себе, что такое война!

Другое дело, что были те, которые непосредственно воевали на фронтах. Да, им великий почёт и уважение. Они – фронтовики. Не пора ли нашему государству подумать о том, чтобы хоть как-то компенсировать загубленное детство и не менее горькую старость детей войны.

Полковник в отставке, Чигоев Ш. А.

Год рожденья 1930. Окончил Одесское военное училище, служил на Кавказе, затем на Кубе в Ракетных войсках, участник Караибского кризиса. Закончил исторический факультет университета в Тбилиси. В 1966г. направлен в военные части бухты Тикси на побережье Северного Ледовитого океана, а затем в Красноярск. С 1975 г. переведён в войска ПВО Подмосковья. Вышел в отставку в звании полковника в 1980 г. Имеет 4 детей, 8 внуков и 7 правнуков.

С Л О В О В Н У К А М И П Р А . . . П Р А В Н У К А М

В РУКАХ МЫ ДЕРЖИМ

ЩИТ И МЕЧ:

МЫ НЕ ПОЗВОЛИМ

МИР ПОДЖЕЧЬ!

ВЕРА ЕВГЕНЬЕВНА БОЛЬШАКОВА

Михаил Иванович БОЛЬШАКОВ

Пропавший без вести

В деревне Заозёрье Дрегельского района (сейчас Любытинский) Хортицкого сельсовета в Новгородской области в 1911 году родился мальчик Миша. Михаил Большаков, как и все его сверстники, рос и мечтал о будущем, добром, ярком.

У него было 3 сестры: Мария, проживала в Ленинграде, где и перенесла блокаду. Наташа – в деревне Пороги. Матрёна – в деревне Горюшка.

В положенный срок Михаил женился на Корневой Анне Емельяновне. Первый их сын умер. Затем, в 1938 году, родился мой отец Евгений.

Дедушка мой знал грамоту и работал продавцом в своей деревне.

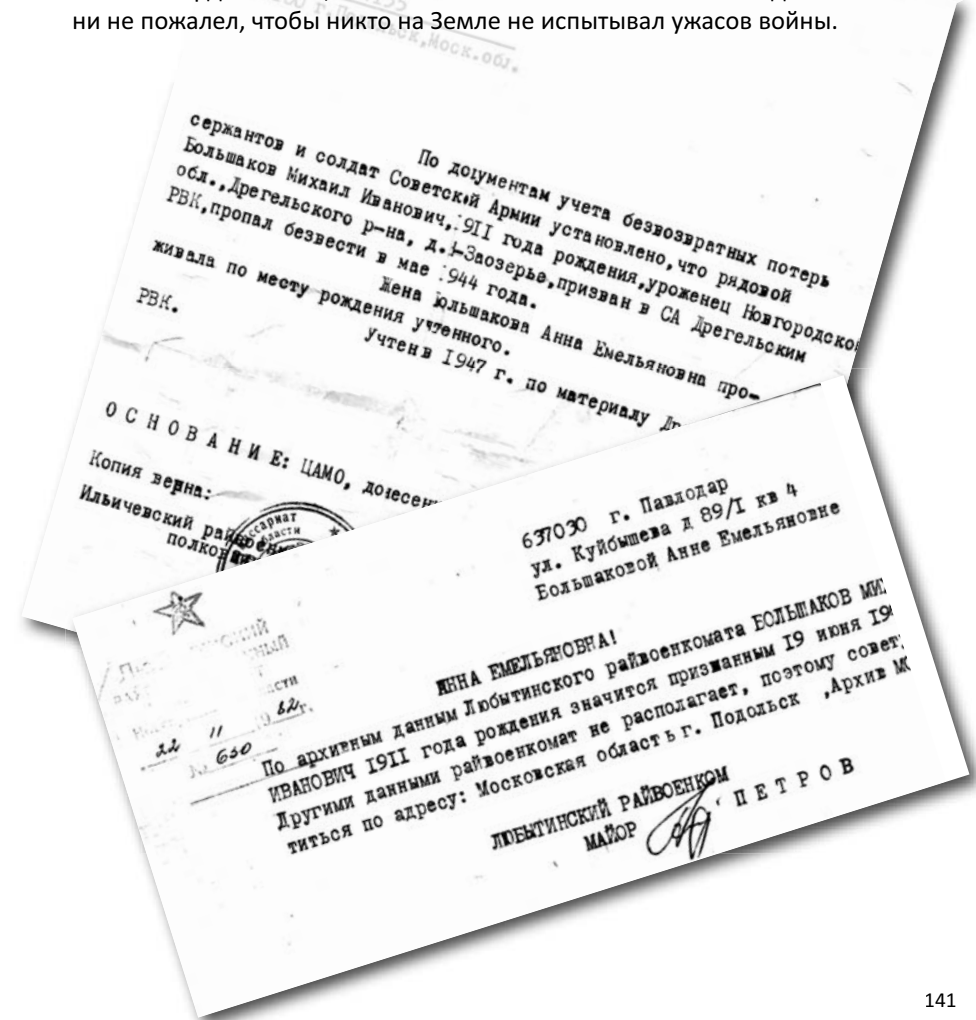
Михаил Большаков участвовал в Финской войне. К сожалению, не всем мечтам Михаила суждено было сбыться: началась война с Германией. 19 июня 1942 года Родина позвала его в ряды воинов-освободителей от фашизма. В этом же году родилась его дочь Екатерина. Свой священный долг Михаил выполнил ценою собственной жизни. В мае 1944 года пропал без вести.

Анна осталась солдатской вдовой с двумя детьми. Было очень трудно жить в оккупированной фашистами деревне. Питались травой и корой деревьев.

После войны бабушка встретила хорошего человека, и у них родилась дочь Любовь. К сожалению, их семейная жизнь продолжалась недолго. И опять бабушка осталась одна, но уже с тремя детьми.

Во время освоения целины бабушка и дети уезжают в Казахстан в город Павлодар. Всю жизнь бабушка работала и воспитывала детей и внуков. Замуж она больше так и не вышла. Прошло уже больше десяти лет, как её не стало. Дети и внуки со своими семьями проживают кто в Павлодаре, а кто – в Республике Беларусь. К сожалению, мы – внуки и правнуки, никогда не видели и не знали нашего деда. Но мы всегда помним, что он отдал свою жизнь за наше мирное будущее.

Мы гордимся тем, что **БОЛЬШАКОВ Михаил Иванович** сделал всё – жизни не пожалел, чтобы никто на Земле не испытывал ужасов войны.

Вадим Георгиевич Возесенский

*На страже мира.
Вадим Георгиевич Возесенский – поэт, музыкант, Украина.*

ПУТЕШЕСТВИЕ В ДЕТСТВО

С малых лет в моей памяти запечатлелись яркие картины и образы, которые смешались в мозаику «калейдоскопа воспоминаний». Самыми яркими почему-то остались именно из моего дошкольного возраста. Наверное, в силу того, что со мной постоянно возились дедушки и бабушки. И первые рассказы о Великой Отечественной войне я услышал именно от них. К моему сожалению, дедушка с бабушкой – по отцовской линии – очень рано ушли из жизни. Но вот деда по маминной линии – **ПРОНИНА Тихона Яковлевича***, я помню отчётливо. Поскольку я был очень любознательным – а меня интересовало абсолютно все, моё детское воображение впитало в себя рассказы о фронте из дедовых уст.

Начало этих рассказов всегда сопровождалось определённым ритуалом, который мой дед очень любил.

* С маминных слов родился дед – Пронин Тихон Яковлевич в 1916г. в г. Елец, Липецкой обл., а умер в 1987. Похоронен в г. Львов. Семья его жила в г. Перми, откуда родом и моя мама. В 60-х годах переехали во Львов, ближе к Родине (Польша) бабушки – Прониной (Адерейко) Зинаида Демьяновне.

А начинался он следующим образом: восседая посреди комнаты, за столом, как Генералиссимус за трибуной, дед ждал появления воина-фронтовика, коим и был ваш покорный слуга, в лице трёх- или четырёхгодичного ребёнка, одетого в колготы со вздутыми (как у всех детей) колготками и сползшими носками, которые ужасно мешали «строевой подготовке» воина. Поверх колгот, как приличествует офицерскому составу Армии, на мне были надеты шорты с лямками крест-накрест (порукая), утянутые солдатским ремнём. Поправляя огромную фуражку, воин-фронтовик начинал движение колонны Парада Победы из соседней комнаты. По-детски чеканя шаг, гулко, при этом, топя пятками, парадная колонна продвигалась в комнату, где её встречал Главкомандующий. Приставив ногу и повернувшись через плечо (тогда не важно было, через какое) я начинал свой доклад, приставив ладонь для приветствия «под козырек»:

– Товарищ Главкомандующий, парадная колонна в честь Дня Победы над фашистскими захватчиками построена.

– Откуда такой служивый?

– Со 2-го Беларусского фронта.

– Колонна к проведению парада готова?

– Так точно!

– Начинайте!

Я поворачивался к воображаемой колонне и командовал:

– Ровняйяяясь! Смиирна! С парадной песней и прохождением по площади, шааагоооом марш!

Начиная маршировать, я обходил вокруг стола, становясь перед восторженные очи деда и наблюдателей парада (в лице моей бабушки) и, продолжая прохождение маршем на месте, начинал чеканить любимую песню моего деда, от которой у него текли слёзы умиления:

*Враги сожгли родную хату,
Сгубили всю его семью.
Куда идти теперь солдату,
Кому нести печаль свою?..*

Обычно на втором куплете у него уже текли нескрываемые слёзы. Он меня обнимал и рассказывал что-нибудь из военной жизни, выпивая при этом свои «фронтовые 100 грамм». Вот так, с детства, я начал проникаться патриотизмом, восхищаясь подвигами нашего народа. И сколько бы я ни жил, такое вычеркнуть из памяти нельзя. Это должно передаваться из уст в уста, из поколения в поколение. Потомки должны помнить и Свято чтить тех, кто прошёл дорогами Великой Отечественной войны, даруя им светлые дни мира и счастливой жизни.

СКОРБЬ

*Всем погибшим,
отдавшим долг Родине, – посвящается.*

Ты ярко жил и нёс огонь в душе,
Как Прометей, друзьям тепло даруя,
Но жизнь сошла с пути на вираже,
И увела, закатами чаруя...

Безмолвие сковавшее уста,
Не ослепит улыбкой больше нежной,
И поселилась в доме пустота,
Грудь надрывая болью безутешной.

Льёт слёзы мама и молчит отец,
Моменты жизни в памяти листает,
Им не унять печаль своих сердец,
А тихий плач лишь боль приумножает.

Скорбит жена, скорбят твои друзья,
Но как в строю, всегда ты рядом с нами,
И знай, гордится Родина твоя,
Тобой, как мать гордится сыновьями.

Ведь ты ей верность твердую хранил,
И крепкой правдой клятвы не нарушил,
А это значит, что не зря ты жил,
Свой храм души предательством не рушил.

Былое не вернуть уже назад,
За «горькой» память светлую почтим:
«Спокойно спи, мужчина, друг и брат,
Не забываем... Помним и скорбим...».

С ДНЁМ ПОБЕДЫ

Ярко солнце, лучами играя,
Распустило сирени цвет.
День Победы – девятое мая,
Озаряя, встречает рассвет.

Славя подвиги нашей Отчизны,
Чтить и помнить всегда мы должны
Тех, кто жил под молитвою тризны,
Проходя по дорогам войны.

Как косою народ косила,
Тьмой навеки смыкая глаза.
И накрытых под братской могилой,
Омывает лазури слеза.

Ради нас свои жизни отдали,
Ну, а те, кто остался в живых,
Шаг за шагом к Победе шагали,
За родных и за близких своих.

Перед вами колени преклоним.
Кроет время виски сединой.
Подвиг ваш не забыт... И мы помним
Тех, кто мир подарил и покой.

Я сказать не могу по-другому –
За счастливый, безоблачный свет –
Ветераны – мир вашему дому!!!
И живите ещё много лет!..

СПЕЦНАЗУ ГРУ ПОСВЯЩАЕТСЯ

Сегодня тост звучит надрывом.
Налито «боевых сто грамм»,
И память кличет сиротливо,
Ребят ушедших к небесам...

Под блеском гильз и звоном стали,
С крутым обрывом на меже,
На крыльях белых ввысь взлетали,
В бою, на спорном рубеже.

Противник по зелёнке рыщет,
Но стойко держится спецназ,
Визгливо рядом трассер свищет,
«Назад – ни шагу!» – дан приказ.

Лучи закатные роняя,
Запечатлело время миг,
Как в звуках боя утопая,
Последний позывной затих.

И журавлиной белой стаей
Они поднялись на крыло.
За смогом пороха растаяв,
Их души в вечность унесло.

Почтим минутою молчанья
Их память светлую, друзья!
Живут... Живут воспоминанья,
Их подвиг совершён не зря...

И пусть враги Отчизны нашей,
Ведут искусную игру,
Но берегут покой на страже
Ребята из спецназа ГРУ...

Ольга Вячеславовна Гулинкина

ВЕСЬ ДОМ, В КОТОРОМ Я РОСЛА, ТИКАЛ, ЗВЕНЕЛ, КУКОВАЛ...

Мой дед, **КИБИТКИН Василий Федорович** 1913 года рождения появился на свет в посёлке Вяземка Тамбовской области. Его отец был портным, мать – домохозяйкой.

Ушёл на фронт сразу после прохождения срочной службы в 1941 году. В это время он уже был женат на моей бабушке – **Кибиткиной Ларисе Тихоновне**.

У них родились дочь и сын (в 1942 году) – мой отец.

Закончил войну мой дед в 1947 году после возвращения советских войск из Европы. Служил в артиллерии в звании офицера. Получил несколько ранений в спину, ноги, лицо. Лежал в госпиталях. Имел ордена Красного Знамени, Красной Звезды, медаль за взятие города Будапешта и много других наград.

После войны работал управляющим на строительстве мельницы, у которой однажды обрушилась стена. За это на деда завели уголовное дело за растрату казённых средств» и присудили 15 лет с конфискацией имущества. Бабушку с двумя детьми выгоняли из дома, но она заняла денег у родных и выкупила дом.

Дед отсидел 3 года. После чего его полностью реабилитировали, сняли судимость и вернули военные награды «за отсутствием состава преступления».

В мирное время, будучи уже на пенсии, дед ремонтировал абсолютно все механизмы, которые ему попадались на глаза: швейные машинки, печатные машинки, велосипеды. Но больше всего он любил часы. Весь дом, в котором я росла, тикал, звенел, куковал в корпусах и без. В свободные часы он прекрасно играл в шахматы, чему научил и меня.

Умер мой дед в декабре 2005, в возрасте 93 лет. Ещё при жизни он мне подарил работающие часы 1870 г производства, которые потом остановились. Сейчас я решила их восстановить.

ЧАСЫ

Сегодня я у прошлого в гостях,
чтоб свет оттуда лился в настоящий
мой миг земной. Часы в моих руках
старинные поломаны...Все чаще
удары сердца...Мой вояка-дед,
войну прошедший, проживший полвека
после неё, мне передал секрет,
что гибкий ум – удача человека.
Паял, ваял и в шахматы играл,
чинил часы и велосипеды,
И никогда, ни в чём не унывал...
Как это было важно для победы!
Я починю старинные часы,
чтоб жизнь была раз в полчаса звенящей...
Нам не сойти со взлётной полосы,
коль прошлое забьётся в настоящем...

Ольга Гуликина

*поэт и активная участница Творческого Авторского Движения Стиходелика.
Конец августа 2012*

МАКСИМ И КАТЯ БУРЯК

При сборе материалов я предложила Евгении Викторовне Стеблиной:

– Ваши внуки не рисуют? Могут нарисовать картинку на тему войны?

Ответ не замедлил появиться (мы пекреписывались по Интернету):

«Дорогая Мария Максимовна! Вы гений – потому что вытянули новую ветку для нашего альманаха. Это участие детей, уже потомков – аж правнуков участника войны, которые о ней знают в другой стране и её комментируют.

Отсылаю Вам два рисунка, они составят диптих: от младшего внука рисунок – констатация того, что творит с детьми война; а второй – от старшей, уже осмыслившей все последствия этого ужаса уничтожения, плакат-предостережение от будущих войн или ПРОТЕСТ. Как Вы правильно написали – напоминание о том, что не будет детей – не будет и жизни. Именно, вопрос тем, кто разжигает войны. С уважением, целую, Е.В.»...

«...Дорогая Мария Максимовна, посылаю рисунок, достойный Кати: очень эмоциональный. Коричнево-зелено-красный фон сразу говорит о войне, и он весь просто кричит! – «Как же Дети?»

Этот лаконичный вопрос про детей не требует пояснения: черные буквы говорят о чёрной пропасти, в которую они [дети] были брошены... это сгусток правильных эмоций. Казалось бы, – уход от реализма, а – в точку.

С уважением, Е.В.»

Максим Буряк

Катя Буряк

Максим Буряк, 7-ми лет и Катя, 13 лет – правнуки генерал-майора, участника Великой Отечественной войны С.К. Буряка, двоюродные правнуки без вести пропавшего солдата Д.Б. Величко, внуки детей войны, переживших вместе со взрослыми все ужасы военного лихолетья, В.И.Стеблина и Е.В. Стеблиной.

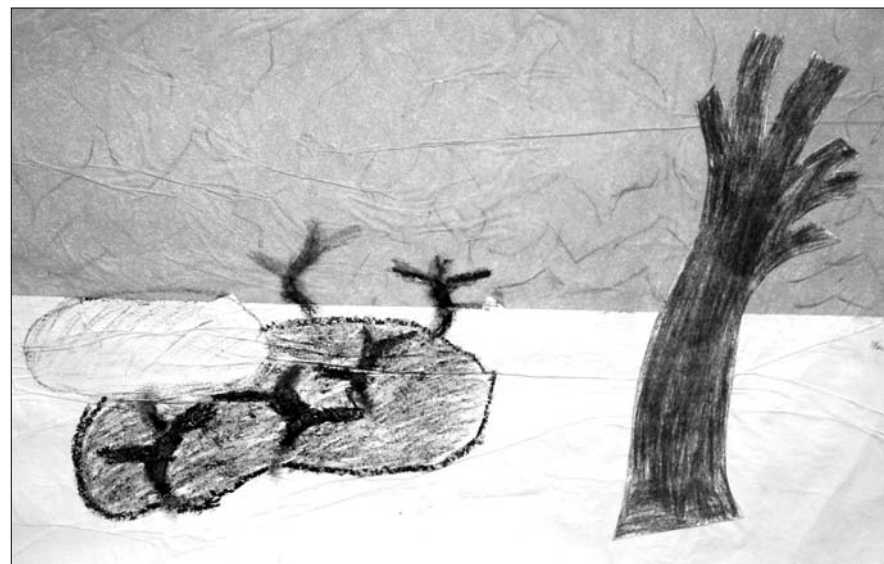
Их родители – ныне живущие в Австралии россияне, москвичи, выпускники МГУ им. Ломоносова А.В. Буряк и В.В. Стеблина, защитившие диссертации в Австралии с присвоением учёных званий «Doctor of Philosophy» по специальности «физика».

Австралия, участница Второго фронта антигитлеровской коалиции, не забывает жертвенного подвига Российского народа в разгроме немецко-фашистских захватчиков в 1941 – 1945 г.г. В городе Канберре имеется музей Второй Мировой войны; в стране ежегодно с участием всего народа, с красочными демонстрациями, торжественно и празднично отмечается день Победы над фашистской Германией; в школах проводятся уроки Памяти.

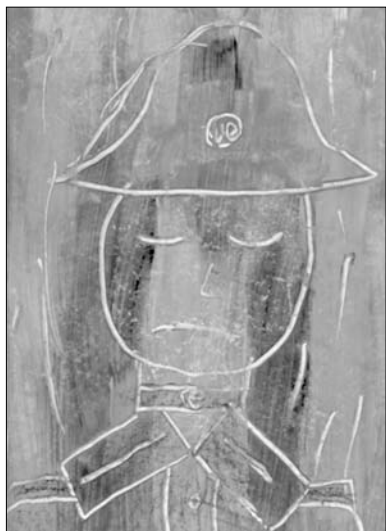
«Война – это страшно!» Максим Буряк

Максим показывает страшные события войны и готов с оружием в руках защищать свою страну от захватчиков.

«Замерзающий мир после пожара войны». Катя Буряк

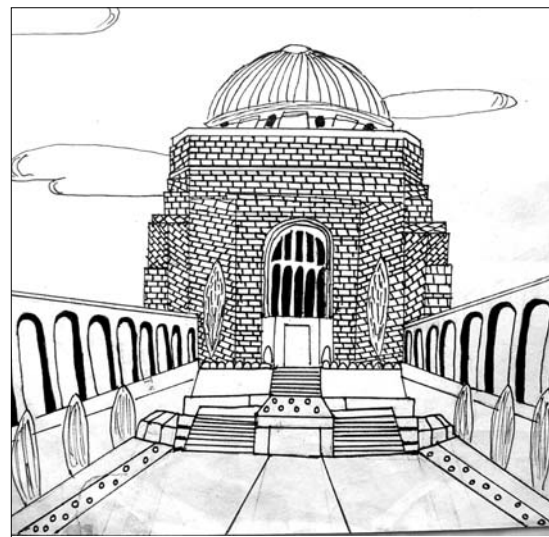
Ядовитое белое облако накрывает последний островок жизни на земле. Аппликация, фломастер. 2009 г.

«Австралийский солдат мира». Катя Буряк

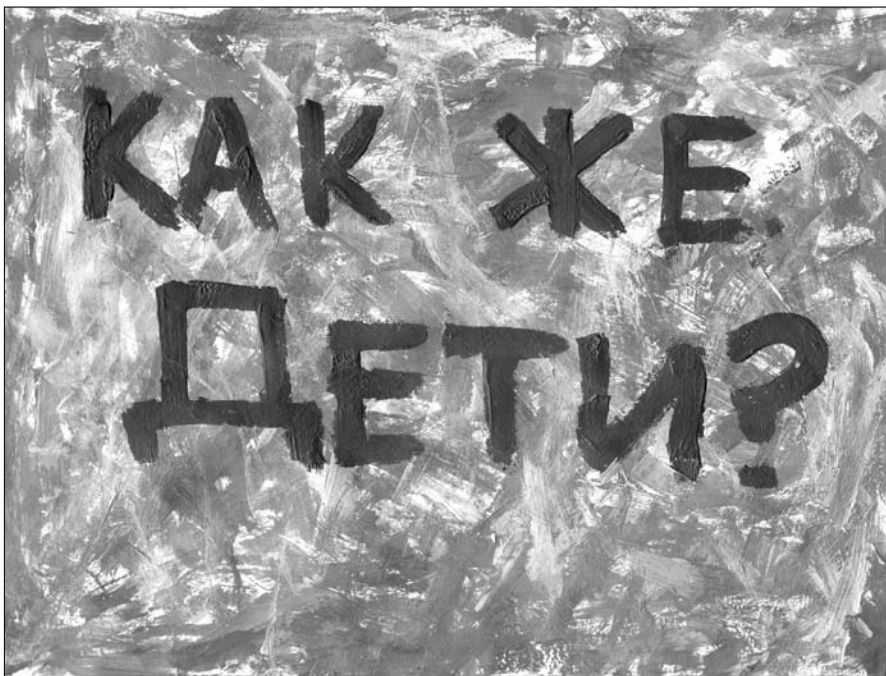
Катя Буряк (апрель, 2008), будучи 9-летней девочкой, синим, импрессионистским фоном передает впечатление внутренней напряженности уставшего солдата, стоящего на страже голубой планеты Земля, в период военной грозы и тьмы, затмивших мир.

Справка: Австралия во 2-й Мировой войне воевала против фашистской Германии в составе 2-го фронта на стороне СССР

«Пантеон Памяти павшим» Катя Буряк

Австралийский Военный Мемориал, включает обширную военную коллекцию, чтобы помочь австралийцам понять опыт военного времени. Увековечивает память погибших в войне австралийцев. Фломастер. 2012.

«Как же Дети?» – Риторический вопрос Кати Буряк.

Вопрос плаката, прописанный в красках «коричневой чумы», его фон цвета хаки с проблесками огневого красного – все кричит, предупреждает: «война – это очень опасно, не будет детей, не будет и жизни!».

Пусть эти дети находятся далёко от своей Родины, но чувство любви к ней передаётся из поколения в поколение – и это видно. И не удивительно: дети уже понимают проблемы военной опасности во всём мире. Озадачены тем, что может произойти, если вдруг разразится война на всей планете...

Её последствия непредсказуемы!

ГРУЗ-200

Взмахнул рукой в последний раз –
Их ждёт Чечня, их ждёт Кавказ.
И солнца нет... Что ждёт их там?
Вот только б им увидеть мам!

Они вернулись лишь в гробах.
Их не вернуть – увы и ах!
Ушёл сыночек на войну.
Оставил мать в слезах одну.

Священный груз, проклятый цинк,
И горя стон, и боли крик,
И счастья – пыль, и скорби плен,
Народный плач, и чёрный день.

2005

*Юлия Субботина
Лауреат Артиады народов России,
Молодёжная лига
Артийского Движения России,
г.Березники*

ПЕСНИ, РОЖДЕННЫЕ ЭХОМ ВОЙНЫ

Защитницы Москвы

Слова Н.Паэльской
Музыка И.Гамбаровой

Andante

С фо то

5

гра-фи-и ста - рой дев - чо-ночь-и неж-ны-е ли - ца на ме - ня чуть нас-меш ли во

10

и гор-де ли во-гля-дят гор-де ли во-гля-дят, - в те су - ро-вы-е дни за-щи

15

щать до-ро-гу-ю што - ли - цу у-хо-дил из Моск-вы за от - ря - дом от - ряд.

20

Ах, дев - чон - ки! Ах, дев - чон - ки! Как же мо - ло-ды вы

24

бы - ли и сме - я - лись, и лю - би - ли, и меч - та - ли о вес -

28

не, но сол - датс - ки - е ши - не - ли, вмес - то коф - то-чек на -

32

П.
де - ли и уш - ли сол-датс - ким ша - гом на вой - не.
П.

Защитницы Москвы

Стихи Натальи Пазельской Музыка Ирины Гамбаровой

36

как на вой - не что сра -

39

жа - лись за Моск - ву.

The image shows a musical score for the song 'Защитницы Москвы'. It consists of two systems of music. The first system (measures 36-38) features a vocal line with lyrics 'как на вой - не что сра -' and a piano accompaniment. The second system (measures 39-41) features a vocal line with lyrics 'жа - лись за Моск - ву.' and a piano accompaniment. The score includes various musical notations such as notes, rests, and dynamic markings like 'f'.

С фотографии старой
Девчоночки нежные лица
На меня чуть насмешливо
И горделиво глядят.
В те суровые дни
Защищать дорогую столицу
Уходил из Москвы
За отрядом отряд.

Ах, девчонки! Ах, девчонки!
Как же молоды вы были!
И смеялись, и любили,
И мечтали о весне.
Но солдатские шинели
Вместо кофточек надели
И ушли солдатским шагом –
На войне, как на войне...

Ни ромашек, ни роз,
Соловьи не выводят рулады,
И засохшие губы
Устали молитвы шептать.
Только лютый мороз,
Только рёв, только рёв канонады,
Но за нами Москва –
Нам нельзя отступить!

Пролетели года,
Но никто и ничто не забыто,
Вечно в памяти нашей
Останется подвиг солдат.
Расцветает Москва,
Улыбаясь светло и открыто,
И другие девчонки
Беспечно куда-то спешат.

Ах, девчонки! Ах, девчонки!
В эту главную минуту
И фанфары, и салюты
Пусть взлетают в синеву!
Вы солдатским обелиском
Поклонитесь низко-низко
Слава вечная девчонкам,
Что сражались за Москву!

Победа

Стихи Н.Пазельской

Музыка И.Гамбаровой

Не спеша *e m* *Fis* *h m* *e m* *Fis* *h m* *e m* *Fis*

Закр. рот *A-a-a*

Как дол-го жда-ли мы с то-бой по-бе-ды э-той, как мно-го верст и дней мы встре-ти-ли в пу-
ти. И вот ве-сен-ним яр-ким сол-ныш-ком со-гре-та, о-на при-
шла, ей не-воз-мож-но бы-ло не прий-ти! По-
бе-да! Мы не за-бу-дем со-рок пя-тый год! По-
бе-да! Он на-всег-да в ис-то-ри-ю вой-дет. По-бе-да! Свя-то-е
сло-во для от-цов и сы-но-вей! По-бе-да Ро-ди-ны мо-ей.
/ей! По-бе-да Ро-ди-ны мо-ей!

Победа

Стихи Натальи Пазельской Музыка Ирины Гамбаровой

Как долго ждали мы с тобой Победы этой,
Как много верст и дней мы встретили в пути,
И вот весенним ярким солнышком согрета,
Она пришла. Ей не возможно было не прийти!

Припев: Победа!
Мы не забудем сорок пятый год.
Победа!
Как ликовал и плакал наш народ.
Победа!
Святое слово для отцов и сыновей.
Победа Родины моей!

Из-под Берлина поезда пошли назад,
Но не смыкает воспаленных глаз солдат,
Еще в ушах звучит боев суровых гром,
И вдруг такая тишина кругом.

Припев.

Ну, что же ты наделала, война!
В руинах и развалинах страна.
Перехватил солдату горло горький ком –
Земля моя, мы красоту тебе вернем

Припев.

Летят года – за листопадом листопад,
Устал солдат, состарился солдат.
Но вечно будет помнить он и весь народ
Тот сорок пятый, тот великий год!

Припев: Победа!
Мы не забудем сорок пятый год.
Победа!
Он навсегда в историю войдет
Победа!
Святое слово для отцов и сыновей.
Победа Родины моей!

Не забуду вас

Стихи и муз. М.Веселовской-Томаш

Музыкальный фрагмент, состоящий из трёх систем. Каждая система включает вокальную партию (верхняя линия) и фортепианную партию (нижняя линия).
1-я система: Вокал: Ран - ня - я вес - на, (аккорд). Фортепиано: ритмический рисунок в правой руке, басовый ход в левой.
2-я система: Вокал: го - ло - ва кру - жи - лась... Ря - дом шла вой - на, Бо - же, я влю - би - лась. (аккорды). Фортепиано: ритмический рисунок в правой руке, басовый ход в левой.
3-я система: Вокал: Был он весь в бин - тах, что а - ле - ли кровь - ю, блеск в е - го гла - зах, (аккорды). Фортепиано: ритмический рисунок в правой руке, басовый ход в левой.

Музыкальный фрагмент, состоящий из двух систем. Каждая система включает вокальную партию (верхняя линия) и фортепианную партию (нижняя линия).
4-я система: Вокал: Выс - ту - па - ла, со сле - за - ми, те - ребя ко - су. Как я пе - ла о Ка - тю - ше, (аккорды). Фортепиано: ритмический рисунок в правой руке, басовый ход в левой.
5-я система: Вокал: о люб - ви боль - шой, у бой - цов свет - ле - ли ду - ши на пе - ре - до - вой. (аккорды). Фортепиано: ритмический рисунок в правой руке, басовый ход в левой.

Не забуду Вас

Стихи и музыка
Марии Веселовской-Томаш

Ранняя весна,
Голова кружилась.
Рядом шла война,
Боже, я влюбилась!

Был он весь в бинтах,
Что алели кровью,
Блеск в его глазах
Пламенел любовью.

Припев: В перерывах меж боями
Шёл концерт в лесу.
Выступала со слезами,
Теребя косу.
Как я пела о Катюше,
О любви большой!..
У бойцов светлели души
На передовой.

Прозвучал приказ:
«Приготовьтесь к бою!».
– Не забуду Вас,
Станьте мне женою!

Голос мой дрожал:
– Да! – Я отвечала.
... Мой солдат пропал.
Ждать не перестала.

Припев.

Ранняя весна,
Голова кружилась.
Рядом шла война,
Боже, я влюбилась!

Но солдат пропал:
Пал на бранном поле...
И звучит хорал –
В нём моя недоля...

Припев.

8 мая 1999

Подснежники

Стихи и муз. М.Веселовской-Томаш

Introductory musical score for 'Подснежники' in 4/4 time, key of B-flat major. It features a piano accompaniment with chords and a vocal line that is mostly silent in this section.

First verse of the musical score for 'Подснежники'. It includes a vocal line with lyrics and a piano accompaniment. The lyrics are: Смот-рю на тан - ки у Си - ня - вин-ских бо - лот,

Second verse of the musical score for 'Подснежники'. It includes a vocal line with lyrics and a piano accompaniment. The lyrics are: сле - ды бы - лой, не - за - бы - ва - ем - ой вой - ны, е - жи, и ми - ны, кас - ки

Third verse of the musical score for 'Подснежники'. It includes a vocal line with lyrics and a piano accompaniment. The lyrics are: ржа - вы - е и дот. Из то - пей кос - точ - ки сы - нов зем - ли вид -

ны. Под - снеж - ни - ки, за - цве -

та - я, - све - ча - ми го - рят. Под - снеж - ни - ки, слов - но

ли - ца по - гиб - ных сол - дат. Под - снеж - ни - ки, вы цве - та

ю - ной се - ди - ны, а се - ди - ны на всех хва - та - ет у вой - ны.

Вы буд - то са - ми сле - ды, вы буд - то са - ми сле - ды

от - по - лы - хав - шей в со - рок пя - том вой - ны.

Подснежники

Каждую весну, как только первые лучи солнца касаются земли, на Синявинских болотах подтаивает снег... И появляются из недр земли останки солдат Второй мировой. наших, советских, и останки врагов. Останки не захороненных людей. Как будто сама природа взывает к нашей совести и разуму и просит захоронить их...

Через остатки снега пробиваются подснежники. Болота покрываются цветущим ковром... К изголовью солдат природа кладёт свои венки памяти...

Смотрю на танки у Синявинских болот –
Следы былой незабываемой войны,
Ежи и мины, каски ржавые и дот,
Из топей косточки сынов Земли видны.

Здесь проходил один из главных рубежей –
Шумят об этом кроны пышные берез:
Бой продолжался девятьсот блокадных дней!
Я слышу эхо тех разящих страшных гроз.

Еще не кончилась священная война,
Пока подснежники растут среди костей,
Где воцарилась гробовая тишина, –
Лес тихо плачет над останками людей.

Подснежники – зацветая, свечами горят.
Подснежники – словно лица погибших солдат.
Подснежники, вы цвета юной седины,
А седины на всех хватает у войны!
Вы будто сами – следы, вы будто сами следы
Отпыхавшей
в сорок пятом
войны...

1 июня 2000

ПЛЭЙКАСТЫ – ЭТО ТОЖЕ ПАМЯТЬ

Плэйкаст – оригинальный способ выразить себя в интернете, поделиться своими мыслями и настроением, сделать подарок своими руками, поздравить друзей. Соедините в единое творение стихи, фотографию, музыку – и получите свой уникальный маленький шедевр – оригинальную открытку.

Автор плэйкастов на тему войны Лариса Викторовна Иванцова, жительница далёкого города Ижевска Удмуртии. Она медик по специальности, но с талантом художника, равнодушна, с чувством высокой любви к Родине и гордости за своих предков, которым также довелось прошагать по фронтовым дорогам навстречу Победе. Взгляните на великолепно созданные шедевры из рубрики «Никто не забыт, ничто не забыто!»! Они заставят вздрогнуть Ваше сердце.

«БЕЗМЯТЕЖЕН КРЕПКИЙ СОН НЕИЗВЕСТНОГО СОЛДАТА...» 9/05/2011
<http://www.playcast.ru/view/1565512/e6f6147cf8f41d134d956535951a687f6b45e8cepl>

«...В ДНИ ВОЙНЫ ЕСТЬ МИНУТЫ ТИШИНЫ...» 8/11/2010
<http://www.playcast.ru/view/1396343/2dbc47316c0853bb61286f6512256139adccb8a7pl>

«ВОЗВРАЩАЮТСЯ ВСЕ, КРОМЕ ТЕХ, КТО НУЖНЕЙ...» 29/01/2001
<http://www.playcast.ru/view/1475108/fe2497cea2bba1742b00a37dd3f3458dbe0fa0bbpl>

«ЗАСЛОНИЛИ СТРАНУ СОБОЙ...» 24/02/2011
<http://www.playcast.ru/view/1499715/c5dd28b9d4d83a9372d0b71154cca86bd01b7557pl>

«ЗВЕЗДА — ВАМ НА ПОГОНЫ...» 25/01/2011
<http://www.playcast.ru/view/1471662/21f1056bd05ca4cfad7a62d412ebfe788e88aabeppl>

«ОСТАНЕШЬСЯ ОДНА...» 6/05/2010
<http://www.playcast.ru/view/1219042/4d4451eb6b9128c39189ac035282a68f94c8dcc9pl>

«ПОБЕДОНОСНЫЙ ЛЕНИНГРАД!» 27/01/2011
<http://www.playcast.ru/view/1473202/d58f0ba9b10ebfc601a001a22f8e8fb169bf673fpl>

ТА НОЧЬ ИЮНЬСКАЯ РАСПЯТА 22/06/2011
<http://www.playcast.ru/?module=comments&playcastId=1596809&useId=119410&page=1#6669117>

«ЧЕТЫРЕ ГОДА МЕЧТАЛ СОЛДАТ...» 8 /05/2010
<http://www.playcast.ru/view/1221192/a4994f472ccefd8857b76ff9181e7ca72d43568pl>

«ЭТО ПАМЯТЬ ОПЯТЬ...» 26 /04/2010
<http://www.playcast.ru/view/1208681/b540f6194ad95c51971448e3d4e49301913ce438pl>

ПОТЕРИ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

По уточнённым данным, потери Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941-1945гг. составляют 8 млн. 860 тыс. 400 военнослужащих. Об этом на заседании пресс-клуба Минобороны РФ сообщил начальник военно-мемориального центра Александр Кирилин.

Он пояснил, что при подсчёте потерь не учитывались данные госпиталей и паспортная перепись населения послевоенных лет. Всего, как отметил А.Кирилин, в годы войны погибли около 11 млн. советских граждан, принимавших активное участие в боевых действиях, – кадровых военнослужащих, ополченцев, партизан.

А.Кирилин уточнил, что в архивных карточках Министерства обороны содержится информация о 18 миллионах погибших. Однако, по его словам, эти данные не соответствуют действительности, поскольку они составлялись во время войны неквалифицированными работниками и неоднократно дублировались (на одного погибшего поступало несколько документов – из воинских частей, госпиталей).

Стоит отметить, что спор о потерях Советской армии в годы Великой Отечественной войны ведётся ещё с 1945 года. В 1946 году И.Сталин объявил, что общие потери (гражданские и военные) составили 7 миллионов человек. После этого данная цифра постоянно возрастала. Во времена Н.С.Хрущева она достигла 20 миллионов, а в годы перестройки – 27 миллионов.

В 1993 году были объявлены официальные данные по потерям военнослужащих, с которых был снят гриф секретности, – 8 миллионов 668 тысяч 400. С тех пор эта цифра также увеличивалась по мере деятельности поисковых отрядов и работы в архивах. Ещё не кончилась священная война, пока не подснежники растут среди костей...

Я, Мария Веселовская-Томаш, автор-составитель Интернет-галереи «Алтарь Отечества», автор и литературный редактор многих рассказов и воспоминаний, счастлива, что не одинока в своих устремлениях помочь тем, кто не потерял надежды найти следы на земле своих родных и близких – они отдали жизнь за Родину. Мне по дороге с теми, кому дорог принцип достоверности, правдивости в исповеди каждого Солдата, кто жаждет вытащить из потаённых уголков человеческой памяти имя каждого простого Солдата, добывшего Победу. Негодую, если находится смельчак, который пытается перевернуть события тех кровавых лет и переписать страницу истории со своей «колокольни»: это кощунство и преступление против павших на полях сражений. Наш «мемориальный комплекс» никто не посмеет взорвать, перенести, надругаться над ним!

Работу по систематизации учётных данных документов о погибших воинах во Второй Мировой войне и последующих конфликтах ведёт «Корпорация **Электронный архив «MEMORIAL OBD» www.obd-memorial.ru** – это титанический труд. Основная цель проекта – дать возможность миллионам граждан установить судьбу или найти информацию о своих погибших или пропавших без вести родных и близких, определить место их захоронения. В рамках проекта будет отсканировано и предоставлено в Интернет-доступ около 10 миллионов листов архивных документов, проиндексировано более 30 миллионов записей о солдатах и офицерах. Впервые вы сможете ознакомиться с реальными документами, самостоятельно провести поиск и исследование.

«Наша победа, день за днём» www.9mai.ru – проект РИА «Новости» Сводки Совинформбюро. Фронтовые истории, рассказы и фотографии, присланные посетителями. Плакаты, фотоленты. Песни войны. Цель проекта-акции: попытка пройти еще раз последний год Великой Отечественной войны...

Рады, что организаций, школ, групп энтузиастов и просто отдельных людей, занимающихся поисковой работой, возвращающих имена пропавших без вести, много. Рады вдвойне, что мы на одном пути с ними. Так как целью ПараАртийского Центра «Иван да Марья» является творческая реабилитация ветеранов и инвалидов Великой Отечественной войны, труда и детства, то и сбор материалов для **Интернет-галереи и альманахов «Алтарь Отечества» www.paraartiada.com/altar** – повод не просто вспомнить каждого Солдата, не просто вернуть имя героя, а сделать это именно с творческой стороны – вспоминая родных, написав рассказ, эссе, стихи, песни...

СВАТОВСТВО

Сорок первого года жених, на войну уезжавший назавтра в теплушке,
был посажен зиминской роднёй на поскрипывающий табурет,
и торчали шевровых фартовых сапог ещё новые бледные ушки
над загибом блатных голенищ, на которых играл золотой керосиновый свет.

Сорок первого года невеста вошла с тяжеленным расписанным розами тазом,
где, тихонько дымясь, колыхалась тревожно вода,
и стянула она с жениха сапоги, обе рученьки ваксой запачкала разом,
размотала портянки, и делала всё без стыда.

А потом окунула она его ноги босые в мальчишеских цыпках
так, что, вздрогнув невольно, вода через край на цветной половик пролилась,
и погладила ноги водой с бабьей нежностью пальцев девчоночьих зыбких,
за алмазом алмаз в таз роняя из глаз.

На коленях стояла она перед будущим мужем убитым,
обмывая его наперёд, чтобы если погиб – то обмытым,
ну, а кончики пальцев её так ласкали любой у него на ногах волосок,
словно пальцы крестьянки – на поле любой колосок.

И сидел её будущий муж – ни живой и ни мёртвый.
Мыла ноги ему, а щеками и чубом стал мокрый.
Так прошиб его пот, что вспотели слезами глаза,
и заплакали родичи и образа.

И когда наклонилась невеста, чтоб выпить с любимого воду, –
он вскочил, её поднял рывком, усадил её, словно жену,
на колени встал сам, с неё сдёрнул цветастые чёсанки с ходу,
в таз пихнул её ноги, трясясь, как в ознобном жару.

Как он мыл её ноги – по пальчику, по ноготочку!
Как ранетки лодыжек в ладонях дрожащих катал!
Как он мыл её! Будто свою же ещё не рождённую дочку,
чьим отцом после собственной гибели будущей стал!

А потом поднял таз и припал – аж эмаль захрустела под впившимися зубами
и на шее кадык заплясал – так он пил эту чашу до дна,
и текла по лицу, по груди, трепеща, как прозрачное, самое чистое знамя,
с ног любимых вода, с ног любимых вода...

Евгений Евтушенко

ЭВАКУАЦИЯ

Война взмахнула черными крылами,
На землю тень зловещая легла,
И, как от камня по воде, кругами
Все дальше и страшней беда пошла.

В далекой неприметной деревушке,
Которой и на карте не сыскать,
Как зверь, случайно пойманный в ловушке,
В отчаянье немом металась мать.

На старую хроющую лошаденку
Пожитки бросив, не узнав пути,
К груди прижавши малого ребенка,
Спешила от беды она уйти.

В лицо швыряло небо жестким снегом,
В ознобе осень поздняя тряслась,
По полю медленно ползла телега,
Наматывая на колеса грязь.

И к лошадиной морде припадая,
Смахнув рукой застывшую слезу,
Упрашивала мать: «Тяни, родная,
Я без тебя ребенка не спасу».

И лошадь, забывая про увечье,
Как будто ей язык понятен был,
В ответ на это горе человечье,
Вперед тянула из последних сил.

Вдруг разорвав тишины завесу,
Раздался мрачный и тяжелый гул,
Как черный хищный ворон, из-за леса
Немецкий самолет крестом мигнул.

Мать даже шагу сделать не успела,
Чтобы собой ребенка защитить,
Неотвратимо с неба смерть летела –
Ей в общем все равно, кого косить.

Упав, коняга в судорогах билась
И с удивленным глазом замерла,
Неловко мать к телеге привалилась,
На землю тихо, медленно сползла.

След тонкой алой струйкой растекался
От пули, злобно клюнувшей в висок...
И долго-долго в поле раздавался
Осипший в крике детский голосок.

Наталья Пазельская

АЛЛЕЯ ГЕРОЕВ

Над Аллеей Героев высокое чистое небо,
На Аллее Героев сирени густой аромат,
Приходите сюда, если кто ещё не был,
Поклониться великому подвигу наших солдат.

Сталинград, Сталинград, нашей Родины вечная слава,
Главный город у главной российской реки,
Но у Волги в те дни был один только берег – правый,
И на берег другой – никому никакой переправы,
Здесь сражались и гибли дивизии, роты, полки.

По Аллее Героев, смеясь, молодые бегут,
Радость жизни и молодость бьёт животворным ключом,
Но в тени обелиска невольно иль вольно замрут,
Озарённые неугасимым огнём.

На Аллее Героев сидит седовласый военный,
На поношенной куртке рядами висят ордена,
То ль почетную вахту поставлен нести он бесшумно,
То ль оставить в покое не может, не хочет война.

Теплоходы по Волге, как лебеди, гордо плывут,
И дойдя до причала, торжественно долго гудят,
Отдавая дань памяти вечной тебе, Сталинград!
Сталинграду – ПРИВЕТ! Сталинграду – ПОЧЁТ!
СТАЛИНГРАДУ – САЛЮТ!

Владислав Сокольский

ОБ АВТОРЕ-СОСТАВИТЕЛЕ

Мария Максимовна Веселовская-Томаш – родилась на севере Молдавии в селе Шапте-Бань. Педагог-филолог, поэт. Окончила Бельцкий государственный педагогический институт имени А.Руссо (1966). С 1976 года проживает в Москве.

Общественной деятельностью занимается с 1989 года.

Восьмикратный Лауреат Артиады народов России, член Международной Ассоциации Писателей и Публицистов и Союза славянских журналистов; вице-президент НАК России, Президент ПараАртийской Лиги Национального Артийского Движения России, член Мирового Артийского Комитета, Президент Региональной общественной благотворительной организации инвалидов ПараАртийский Центр «Иван да Марья».

Автор поэтических сборников «В плену у грусти» (1999, 2003), «Два крыла» (2003); музыкально-поэтических – «Прикасаюсь к Пушкину» (1999), «Зажгите свечи» (2000, 2003), «Притихли фанфары, труба заиграла» (2006); документально-художественной повести «Неиспитая чаша любви» (Спецприз Конкурса «Спасибо за жизнь!» 2005); поэзия и проза – сборник «Вкус счастья» (2009).

Автор-составитель книги и видеофильма «Иван да Марья – 10 лет: вопреки и благодаря», а также 1 тома альманаха «Алтарь Отечества» (2010, лауреат Международного Интернет-конкурса «Страницы семейной славы» (2010) и 2-го тома (2012).

Соавтор 20 поэтических сборников, в том числе «Планета поэтов-5».

На стихи написано композиторами более 30 песен: песня «Сказ о Большом Дубе» Ф. Хаирова заняла 1 место на областном конкурсе к 60-летию Курской битвы (2003). Авторская песня «Москва» – получила 2-е место Московского фестиваля на лучшую песню о Москве (2009). Лауреат Фестивалей творчества ветеранов ВОВ и членов их семей и многих других фестивалей и конкурсов.

Медаль «Лауреат–Фестиваль–55 лет Победы» (2000). Медаль «Памяти интернет-журналиста Владимира Сухомлина» (2010). Общественная юбилейная медаль «75 лет Северному флоту» (2008) – за стихи, посвященные мужеству и героизму подводников подлодки «Курск» (2000).

Девиз: Важно прожить не «Сколько», а «Как!».

Идеалы: Самоотверженность, подвижничество Матери Терезы; Безграничное мужество, сила духа Хелен Келлер.

Публикации о биографисте: Биографический инновационный справочник «Кто есть кто. Русское издание» (изд. 11-13, М., 2008– 2010); Люди для людей. – М., Центр «Социальное партнёрство», 2003, 2012; Л.Лежнёва. Наследники Павла Корчагина. – М., 2006 и др.

Проекты: Издание музыкально-поэтического сборника и CD диска «Прикасаюсь к Пушкину...»; издание последующих томов альманаха «Алтарь Отечества»; выпуск CD диска «Мы твои сыновья, Россия»; открытие на сайте рубрики «Белый Ворон» (Несломленные судьбы).

АЛТАРЬ ОТЕЧЕСТВА

АЛЬМАНАХ

• ВОСПОМИНАНИЯ •
• ДОКУМЕНТЫ • СТИХИ •
• ОЧЕРКИ • РАССКАЗЫ • ПЕСНИ •

ТОМ II

Автор-составитель

Веселовская-Томаш Мария Максимовна

Формат 60x84/₁₆. Печать офсетная.
Объем 10,23 усл. печ.л.
Тираж 1000 экз.

ISBN 978-5-9901894-1-6

Отпечатано в типографии издательства «ПРОБЕЛ-2000»
тел. (495) 287-0619 e-mail: probel-2000@mail.ru

Посвящается 200-летию
битвы с Наполеоном
в Отечественной войне 1812 года

ГУСАР

Москва пылает третью ночь.
На улицах от дыма душно,
Луна взирает равнодушно,
Как убегают люди прочь.

Князья и графы уж давно
Москву покинули в тревоге,
Бегут на север по дороге,
Как было Богом суждено.

Но не уехала она,
Аннет, дворянка молодая,
С тоской гусара ожидая,
Познав все горести сполна.

Семья бежит, идти пора,
Аннет всю ночь – в молитве Богу.
– Отец, я не хочу в дорогу,
О, дай дождаться до утра!

– Вчера был бой! Бегут войска!
– Отец, быть может, он вернётся!
Коль нет, то сердце разорвётся!
О, как страшна моя тоска!

– Идём, Аннет, кибитка ждёт.
Молись. Поехали, ей Богу!
Не надо слёз, пора в дорогу.
А твой гусар – тебя найдёт.

– Подай, кухарка, тёплый плед,
Ты, дочка, спи, не думай худо.
Вернётся он, случится чудо...
Заснула в горести Аннет.

И снился ей чудесный сон:
Она гусара повстречала
Седой зимой, в разгаре бала,
Он был уже в неё влюблён.

Кружились в вальсе господя,
Вуали тонкие взлетали,
Гусар и Анна только ждали,
Уединиться бы когда.

Галоп мазурки полетел,
Сверкает золото, алмазы,
Летят под своды зала фразы,
Вдруг зал примолк и опустел...

Царь Александр, красив, умён,
Сквозь двери в залу скоро входит
С царицей полонез заводит,
Под звон оркестра, плеск знамён.

Тревожно в зале... Ходит слух –
Наполеон войну готовит,
Война Россию обескровит,
И боевой ломает дух!

Но бал в разгаре! Что беда...
Наполеон теперь далёко,
На страх и голод нет намёка,
И, видно, это ерунда!

Гусар Аннет по кругу вёл,
И говорил непринужденно,
И был он счастлив совершенно,
И, как цветок весенний, цвёл.

Зимою виделись тайком,
Вели беседы, целовались,
В своей любви друг другу клялись.
Зима сверкала серебром...

Пришла весна, растаял снег,
Гусар всё чаще в гости ходит,
С Аннет он глаз своих не сводит,
И миг вокруг сольётся в век...

Пришла война на Русский край!
А вместе с ней – хмельное лето.
В душе так тяжко. Нет ответа.
Любовь иль доблесть – выбирай!

Прощанье в несколько минут,
И уходили в бой гусары,
По двадцать лет... Ещё не стары...
Но где ж их жизни оборвут?

Аннет рыдала ночь без сна.
Ушёл дружок войны дорогой,
И сердце мучилось тревогой,
Всходила над Москвой луна.

Всё было так, как в этот раз.
Пришло письмо: «Решил Кутузов,
Что пустим мы в Москву французов.
Бегите же. Теперь. Сейчас!»

И подпись снизу «Николай».
Приписка: «Милая, не бойся,
Ты за меня – не беспокойся,
Но лишь удачи пожелай!».

И из Москвы бежала знать.
Дворяне, слуги, люди, кони,
Все в ожидании погони,
Стремясь хоть что-то разузнать.

И отступали за Москву
Солдаты, раненые тяжко,
Шептали дамы: «О, бедняжка!»
Он отвечал: «Переживу!».

В крови повязки, боли стон.
«Оставьте! Право, уходите!
Мне не дойти, меня не ждите!»
А над Москвою – перезвон.

На третий день пылает град.
Все, кто возможно, – убежали,
Крестьяне город поджигали,
И пусть француз не будет рад.

Бежит семья в безбедный край!
А дева смотрит из кибитки:
А вдруг у двери иль калитки
Лежит любимый, Николай?

Но нет. Лишь дым летел во тьму.
Не слышно пушек. Проиграли.
Солдаты спешно отступали,
Оставив недругу Москву.

Рассвет принёс дурную весть.
В Москву с утра вошли французы.
О, разве в войске нашем трусы?
Теперь врагов не перечсть!

Аннет глядит в тоске немой,
Как тихо тянутся обозы.
Ответов – нет. Одни вопросы.
О, где ты, где ты, милый мой?!

И видит, друг во весь опор
Вослед кибитке быстро скачет.
Глаза красны, он будто плачет –
Во взгляде горестный укор.

– Скорей, Аннет, теперь молчи!
Девуцу он в седло хватает,
В рассвет туманный улетает.
Глядят угрюмо москвичи.

Сквозь город мчатся. Боже мой!
В глазах темно. Вдруг кони стали.
– Идём, Аннет! Оставь печали...
Он жив пока что, Коля твой!

Он ранен. Сильно. Тяжело.
Просил тебя найти скорее,
Другого не было храбрее
В последней схватке за село...

Аннет вошла. Он бледен был.
Лицо осунулось и впало,
Глаза глядят совсем устало...
– Пойди сюда... Совсем нет сил...

И голос – будто ветра звук.
– О, Никола! Живи, родимый!
Ты для меня – один любимый!
Не умирай, мой милый друг!

– Прости меня, прости, Аннет!
Я сильно ранен, смерть уж рядом...
Смотрел гусар потухшим взглядом.
– Прощай, родная, меркнет свет.

И он глаза навек закрыл.
Бледнели губы дорогие...
– Господь, угодники святые!
Спасите милого! Нет сил!

Но мёртв гусар. Он храбро пал.
Аннет рыдает у порога,
А впереди лежит дорога,
Туда, где будет новый бал...

Спустя три месяца – ура!
Разбит Наполеон! Победа!
Придёт весна, отступят беды,
Теперь и праздновать пора!

Аннет тоскливо прочь идёт.
К могиле на холме подходит,
Молчит и глаз с неё не сводит,
И будто снова чуда ждёт.

Пришла весна. Растаял снег.
И всё пройдёт. Уйдёт ненастье.
Аннет, поверь, наступит счастье.
Он был – чудесный человек...

Ушла война, но не забыть.
Напоминая судьбы станут,
Вспоминанья не увянут
Тех, кто мог тогда любить.

21 августа 2012 года.

*Мария Стрелова,
Студентка 2 курса истфака МГУ, г. Мытищи
Лауреат Конкурса «Недаром помнит вся Россия» (2012),
Лауреат XI-XII Артиады народов России (2010-2012).*

РАЗМЫШЛЕНИЯ О РОССИИ, ВОЙНЕ 1812 г., О НАРОДЕ ОСВОБОДИТЕЛЕ, СИЛЕ РУССКОГО ДУХА

Русь в колокольных переливах
Созвучных трелям соловьев,
В лугах ромашковых и нивах
С наивным трепетом ручьев,
В «снегах» июльских тополиных,
В обилии живности пушной,
В лихих сказаниях былинных,
С разгульной русскою душой,
В несметных грудах самоцветов,
В величьи гордых кораблей,
В бескрайних всполохах рассветов,
В венках березовых кудрей
Ты никогда не унывала:
Народ умел терпеть, шутить,
Ты всех соседей искушала
Своим умением просто жить!

О, Русь, они не понимали.
(Их логика ничто для нас!)
Мы, может, гневно и роптали,
Но люд Россию не предаст!
Знать лепетала по-французски,
Свой род стремясь превознести.
Но дух у всех был чисто русский
И цель: России – быть, цвести!

А по Европе властным смерчем
С девизом: «Будет мир пленён!»,
С триумфом побеждая в сечах
Безумствовал Наполеон.

Собрав в своей корыстной рати
Полки из покорённых стран,
Не допуская крах расплаты,
Неся к России ураган.

О, Русь, ты в пестром сарафане,
В пылу бушующих цветов,
Вмиг превратилась в поле брани
За право жизни без оков.
Негодование нарастает

(Здесь все сословия равны!):
Ведь каждый честь соизмеряет
С свободой родной страны!
Отвагой блещут эполеты,
Летят гусарские полки,
И горячи, как кровь, мушкеты,
И молнией разят штыки.
И каждый русич твёрдо знает
Свой долг перед тобой, страна.
И осознание озаряет –
Встаёт народная волна!
И партизанские отряды
Обозам преграждают путь.
Не только пушки и снаряды,
В ход вилы, топоры идут.

Все к героизму сопричастны:
«За Русь вперёд на смертный бой!»
Нет равнодушных, безучастных:
Отчизне преданы душой!
Единства дух в кулак отважный
Собрали за тебя, страна,
Чтоб дать врагу урок бесстрашный
На поле у Бородина!

И полководцы, и солдаты –
Все знали: этот час настал,
И сокрушительной расплаты
Устроили кровавый бал!
Не видно было выси синей –
Лишь кровь сквозь дым и цель одна...
Недаром помнит вся Россия
Великий «день Бородина»!

Расплёскивала краски осень.
Гнал ветер тучами дожди.
Всё реже отражали просинь
Расхлябанные колеи!
И мокрый снег хлестал безбожно.
Щедра ты, русская земля!
Нам нипочем, врагам вот сложно
В кольце чужбины и огня!
Злой «гений», о такой короне
Ты жаждал? Ждал таких наград? –
Смотри агонию погони

Твоих затравленных солдат
Назад, дорогой разоренной,
Лишенных провианта, сна.
Нет! Русь не будет покоренной!
Народ – защитник твой, страна!

Изгнали. Мир освободили
От алчной власти гордеца.
Долг чести кровью искупили
В сраженьях насмерть до конца!
Урок усвоили мы твёрдо –
И если Русь наша в беде,
Кулак сжимается народный,
Все силы подчинив борьбе!

Хранить величие России
Герои завещали нам.
Мы помним – в этом наша сила:
Под колокольный «Аз воздам...»

И пусть сегодня бродят тучи,
Но в нас играет предков кровь,
В ней дух российский, дух могучий
Впечатан памятью веков!

И что бы там не «голосили»,
Но родина у нас одна:
Святая наша Русь-Россия –
И боль одна, и цель одна!

*Анастасия ТОЛЧЕВА,
г.Гагарин Смоленской области, 15 лет,
Лауреат Конкурса «Недаром помнит вся Россия» (2012),
Лауреат XII Артиады народов России (2012)*

